

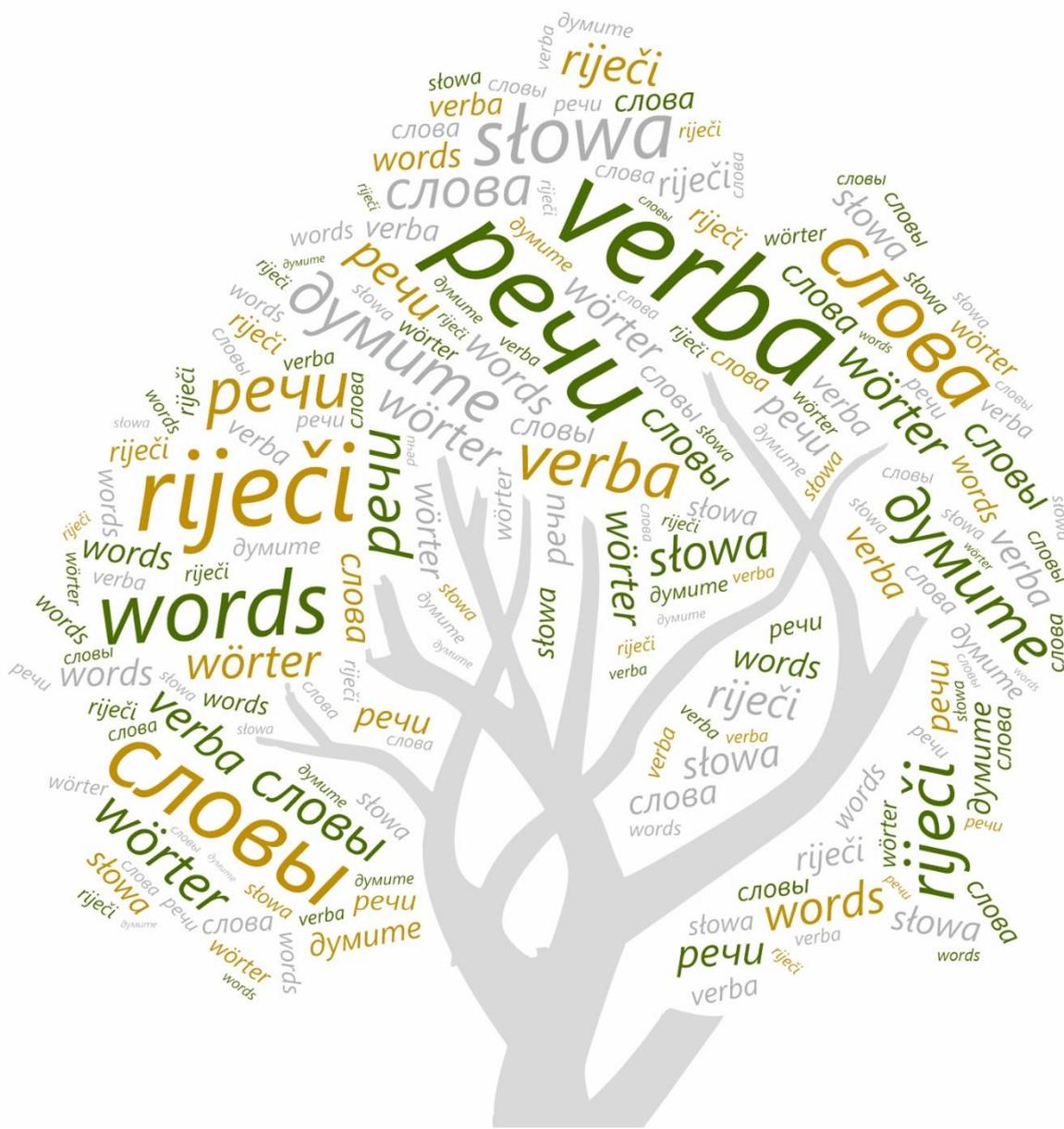

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный
лингвистический журнал

№ 2(12) 2024

ISSN 2713-0665 (Online)

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

Сетевое периодическое научное издание

2(12) 2024

ISSN 2713-0665 (Online)

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ

Эл № ФС77-80208 от 22.01.2021 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2021 г.

Периодичность: не менее 2 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Б. Санкт-Петербургская, д. 41,
тел.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 1216
тел.: +7(8162) 33-88-30 (доб. 2294)
E-mail: verba@novsu.ru

Сайт издания: <https://VERBA.PRESS>

Редакторы перевода: О. Наволоцкая

Дизайн обложки: В. Фромов

Макет, верстка: Д. Ванюшкин

Разработка сайта: А. Ни

Дата выхода: 30.06.2024

© НовГУ, 2024

© Авторы статей, 2024

Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Т.В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В.И. Макаров, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

А. Бирих, доктор филологических наук, профессор; Трирский университет, Трир, Германия

Х. Вальтер, доктор филологических наук, профессор; Университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Грайфсвальд, Германия

В.Л. Васильев, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Заика, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Коваль, доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

К. Кусаль, доктор филологических наук, профессор; Гуманитарно-экономическая Академия, Лодзь, Польша

В.И. Мокиенко, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Т.Г. Никитина, доктор филологических наук, профессор, профессор; Псковский государственный университет, Псков, Россия

Б.Ю. Норман, доктор филологических наук, профессор; Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

М. Рак, доктор филологических наук, профессор; Ягеллонский университет, Краков, Польша

Ж. Финк, доктор филологических наук, профессор; Загребский университет, Загреб, Хорватия

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

online scientific journal

2(12) 2024

ISSN 2713-0665 (Online)

Extract from the register of registered mass media

El № FS 77-80208 of 22.01.2021. The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Founded: 2021

Frequency: at least 2 times a year

FOUNDER AND EDITOR

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University" (NovSU)

ADDRESS OF THE FOUNDER AND EDITOR

173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41,
tel.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

CORRESPONDING ADDRESS

Russia, 173003, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University, B. Sankt-Peterburgskaya St.,
41, of. 1216
tel.: +7(8162) 33-88-30 (ext: 2294)
E-mail: verba@novsu.ru

Website of edition: <https://VERBA.PRESS>

Translation editors: O. Navolotskaya

Cover design: V. Fromov

Layout: D. Vanyushkin

Website creation: A. Nee

Release date: 30.06.2024

© NovSU, 2024

© Authors of articles, 2024

All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

T.V. Shmeleva, Doctor of Philology, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Members of Editorial Board

V.I. Makarov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

A. Bierich, Doctor of Philology, Professor, University of Trier, Trier, Germany

H. Walter, Doctor of Philology, Professor; Ernst-Moritz-Arnt University of Greifswald, Greifswald, Germany

V.L. Vasiliev, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

V.I. Zaika, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

V.I. Koval, Doctor of Philology, Professor; Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

K. Kusal, Doctor of Philology, Professor; Humanitarian and Economic Academy in Lodz, Lodz, Poland

V.I. Mokienko, Doctor of Philology, Professor; St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

T.G. Nikitina, Doctor of Philology, Professor; Pskov State University, Pskov, Russia

B.Yu. Norman, Doctor of Philology, Professor; Belarusian State University, Minsk, Belarus

M. Rak, Doctor of Philology, Professor; Jagiellonian University, Krakow, Poland

Zh. Fink, Doctor of Philology, Professor; University of Zagreb, Zagreb, Croatia

Содержание

Content

От главного редактора.....4 From editor-in-Chief.....4

Региональное в истории русского языка / Regional in Russian language history

Юго-западная лексика в русском языке XVIII века South-Western vocabulary in the Russian language of the 18th century

Н. В. Патроева, А. А. Лебедев.....8 N. V. Patroeva, A. A. Lebedev.....8

Регионализмы языкового быта города / Regionally specific words of urban linguistic life

Репрезентация локальной идентичности в лингвистическом ландшафте Калининграда Representation of local identity in Kaliningrad linguistic landscape

Е. В. Зубрицкая, Т. М. Шкапенко.....19 E. V. Zubritskaya, T. M. Shkapenko.....19

Оценки повседневности в речи красноярцев Evaluations of everyday life in Krasnoyarsk residents' speech

Е. В. Осетрова.....34 E. V. Osetrova.....34

Прикладная регионалистика / Applied regionalistics

Псковские экклезионимы в учебных словарях Pskov ecclesionyms in educational dictionaries

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва.....48 T. G. Nikitina, E. I. Rogaleva.....48

«Слова для своих»: участие школьников-волонтеров в сборе регионального языкового материала Our own words: participation of schoolchildren volunteers in collecting regional language material

И. В. Фуфаева.....58 I. V. Fufaeva.....58

Молодые голоса / Young voices

Новгородские диалектные названия незрелых домашних животных Novgorod names for non-adult pets

Ю. И. Андреева.....72 Yu. I. Andreeva.....72

От главного редактора

V

Дорогие коллеги,
наши авторы и читатели!

Этот номер журнала посвящен **регионализмам**, или, если говорить о лингвистических дисциплинах, – **регионалистике**.

Этот термин, получивший распространение в отечественной гуманитаристике со второй половины 2000-х годов, судя по данным РИНЦ, активно используется в экономической географии, политологии, истории, педагогике, конкурируя с такими терминами, как *регионоведение*, *регионология*, традиционным *краеведение*, а также описательными выражениями типа *территориальные*, *региональные исследования*, *региональные аспекты* и под. Показателен в этом отношении факт существования ежегодника «Регионалистика» в Хабаровске и «Псковского регионологического журнала», выходящих с 2011 года.

Естественно, что филология не осталась в стороне от этой тенденции, о чем говорит наличие тамбовского журнала «Филологическая регионалистика», выходявшего в 2009–2020 гг., а также публикации с использованием в названиях термина *регионалистика* в сочетании с прилагательными *литературная*, *лингвистическая*, *медийная*, *лексикографическая*, *антропонимная*...

Учитывая более широкий круг публикаций, которые относятся к региональным лингвистическим исследованиям, можно сказать, что термин *лингвистическая регионалистика* оказывается «зонтичным», объединяя классическую диалектологию, изучение языка города, в том числе городскую ономастику, практику описания регионально маркированной лексики в словарях. В этом отношении можно сказать, что наш номер журнала представляет разные аспекты лингвистической регионалистики.

Он открывается рубрикой **«РЕГИОНАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА»**, которую составила статья петрозаводских коллег Натальи Викторовны Патроевой и Александра Александровича Лебедева **«ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА»**. В ней региональная лексика показана в отражении двух зеркал – словаря эпохи и Национального корпуса русского языка. Приведенные данные показывают, как сложны пути формирования национального лексикона и судьбы отдельных слов.

В рубрике **«РЕГИОНАЛИЗМЫ ЯЗЫКОВОГО БЫТА ГОРОДА»** две статьи представляют языковой быт городов, если под этим метафорическим обозначением иметь в виду и устную речь горожан, и вывески, без которых невозможно представить современный городской пейзаж. Разные сегменты языка двух далеких друг от друга

городов – Калининграда и Красноярска – рассматриваются в специфически ракурсах и представляют интересные моменты их культуры и языковых вкусов горожан.

В статье Екатерины Валентиновны Зубрицкой и Татьяны Михайловны Шкапенко **«Репрезентация локальной идентичности в лингвистическом ландшафте Калининграда»** показано, как городские онимы отражают историческую судьбу города. Надо сказать, что первая из авторов в июне защищает кандидатскую диссертацию, а вторая – ее научный руководитель, так что перед нами «свежий» взгляд на факты городской ономастики.

Статья Елены Валерьевны Осетровой **«Оценки повседневности в речи красноярцев»** посвящена анализу одного типа высказываний в устной речи горожан, в ней выявляется специфика таких предложений и их сибирские черты.

В рубрике **«ПРИКЛАДНАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА»** объединены статьи, построенные на материале разных регионов и специфических псковских имен. В статье известных лексикографов Татьяны Геннадьевны Никитиной и Елены Ивановны Рогалевой **«Псковские экклезионимы в учебных словарях»** обсуждается проблема описания церковных названий для юных читателей словарей. А в статье Ирины Владимировны Фуфаевой из Москвы **«“Слова для своих”: участие школьников-волонтеров в сборе регионального языкового материала»** предлагается информация о том, как таких юных лингвистов привлекать к собиранию региональной лексики.

Завершающая номер рубрика **«Молодые голоса»** предъявляет статью магистранта НовГУ Юлии Андреевой **«Новгородские диалектные названия невзрослых домашних животных»**, основанную на осмыслении материалов Новгородского областного словаря. Как и положено молодому исследователю, Юлия в теоретической части статьи приводит данные о соотношении регионалистики и диалектологии, что важно в контексте нашего номера. Трогательные лексемы, анализируемые в статье, показывают, сколько интересного скрыто в диалектном материале, который если даже и собран, то ждет лингвистических интерпретаций.

Итак, в статьях этого номера журнала обсуждаются регионализмы в истории и современности, Новгородской области, Калининграда, Красноярска, Пскова. Авторы этого номера представляют университеты Москвы, Пскова, Петрозаводска, Калининграда, Красноярска и Великого Новгорода.

Благодарю сердечно всех авторов номера – и тех, кто уже не первый раз публикуется в нашем журнале, и дебютантов, которые, надеемся, станут нашими постоянными авторами. Особая благодарность рецензентам – доктору филологических наук Татьяне Геннадьевне Никитиной из Псковского университета и новгородским коллегам – докторам филологических наук Виктории Генриховне Дидковской и Валерию Леонидовичу Васильеву.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

Т. В. Шмелева

Letter from the Editor-in-Chief

Dear colleagues, our authors and readers!

This issue of the journal is dedicated to **regionally specific words**, or, if we talk about linguistic disciplines, **regionalistics**.

The term *regionalistika* 'regionalistics', which has become widespread in domestic humanities since the second half of the 2000s, judging by the Russian Science Citation Index data, is actively used in economic geography, political science, history, pedagogy, competing with such terms, meaning 'regional studies', as *regionovedeniye*, *regionologiya*, *krayevedeniye*, as well as descriptive expressions such as *territorial'nyye*, *regional'nyye issledovaniya*, *regional'nyye aspekty*, etc. Indicative in this regard is the existence of the *Regionalistica* journal in Khabarovsk and *Pskov Journal of Regional Studies*, published since 2011.

Naturally, philology has not remained aloof from this trend, as evidenced by the presence of the Tambov journal *Philological Regional Science* published in 2009–2020, as well as articles using the term in their titles in combination with the adjectives *literaturnaya* 'literary', *lingvisticheskaya* 'linguistic', *mediynaya* 'media', *leksikograficheskaya* 'lexicographical', *antroponimnaya* 'anthroponymic'...

Considering the wider range of articles related to regional linguistic research, we can say that the term *linguistic regionalistics* turns out to be an "umbrella" one, combining classical dialectology, the study of the language of the city, including urban onomastics, and the practice of describing regionally marked vocabulary in dictionaries. In this regard, we can say that our issue of the journal represents different aspects of linguistic regional studies.

It opens with the **REGIONAL IN RUSSIAN LANGUAGE HISTORY** part that includes the article ***South-Western vocabulary in the Russian language of the 18th century*** by our colleagues from Petrozavodsk — Natalya V. Patroeva and Alexander A. Lebedev. In the article, regional vocabulary is shown in the reflection of two mirrors — the dictionary of the era and the National Corpus of the Russian Language. The data presented show how complex the paths to the formation of the national vocabulary and the fate of individual words are.

In the **REGIONALLY SPECIFIC WORDS OF URBAN LINGUISTIC LIFE** part, two articles present the linguistic life of cities, if by this metaphorical designation we mean both the spoken language of the people and the signs, without which it is impossible to imagine the modern urban landscape. Different segments of the language of two far from each other cities — Kaliningrad and Krasnoyarsk — are examined from specific angles and present interesting aspects of their culture and the linguistic tastes of the people.

The article by Ekaterina V. Zubritskaya and Tatyana M. Shkapenko ***Representation of local identity in Kaliningrad linguistic landscape*** shows how cityonyms reflect the historical fate of the city. It must be said that the former of the authors defends her PhD thesis in June, and the latter is her scientific advisor, so we have a fresh perspective on the facts of urban onomastics.

Elena V. Osetrova's article *Evaluations of everyday life in Krasnoyarsk residents' speech* is devoted to the analysis of one type of statements in the spoken language of city residents; it reveals the specifics of such sentences and their Siberian features.

The **APPLIED REGIONALISTICS** part unites articles based on material from different regions and specific Pskov names. The article by famous lexicographers Tatyana G. Nikitina and Elena I. Rogaleva *Pskov ecclesionyms in educational dictionaries* discusses the problem of describing church names for young dictionary readers. The article by Irina V. Fufaeva from Moscow *Our own words: participation of schoolchildren volunteers in collecting regional language material* offers information on how to involve such young linguists in collecting regional vocabulary.

The **YOUNG VOICES** part presents an article by Novgorod State University master's student Yulia Andreeva *Novgorod names for non-adult pets*, based on an understanding of the materials of the Novgorod Regional Dictionary. As befits a young researcher, in the theoretical part of the article, Yulia provides data on the relationship between regional studies and dialectology, which is important in the context of our issue. The touching lexemes analyzed in the article show how much interesting is hidden in the dialect material, which, even if collected, awaits linguistic interpretations.

So, the articles discuss regionally specific words in history and modernity, the Novgorod region, Kaliningrad, Krasnoyarsk, Pskov. The authors of this issue represent universities in Moscow, Pskov, Petrozavodsk, Kaliningrad, Krasnoyarsk and Veliky Novgorod.

I sincerely thank all the authors of the issue — both those who have been published in our journal more than once, and debutants who, we hope, will become our regular authors. Special thanks to the reviewers — Doctor of Philology Tatyana G. Nikitina from Pskov University and Novgorod colleagues — Doctors of Philology Victoria G. Didkovskaya and Valery L. Vasiliev.

Until we meet again on the electronic pages of our journal!

T. V. Shmeleva

РЕГИОНАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА / REGIONAL IN RUSSIAN LANGUAGE HISTORY

Юго-западная лексика в русском языке XVIII века

Н. В. Патроева, А. А. Лебедев

South-Western vocabulary in the Russian language of the 18th century

N. V. Patroeva, A. A. Lebedev

Наталья Викторовна Патроева – доктор филологических наук, профессор; Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация

E-mail: nvpatr@list.ru

Александр Александрович Лебедев – кандидат филологических наук; Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация

E-mail: perevodchik88@yandex.ru

Статья поступила: 05.05.2024. Принята к печати: 20.06.2024.

В статье рассматривается проблема юго-западного влияния на становление русского языка эпохи Петра I, а также обратное воздействие русского языка на другие языки. С опорой на «Словарь русского языка XVIII века» и «Национальный корпус русского языка» были проанализированы украинизмы в текстах Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, Василия Тредиаковского, Антиоха Кантемира. В соответствии с полученными данными, в «Словаре русского языка XVIII века» помету «юго-западное» имеют порядка 50 лексем, большинство из которых – имена существительные. Отмечается, что юго-западная лексика содержится в сочинениях политиков и проповедников эпохи Петра I (в частности, у Стефана Яворского), в то время как Феофан Прокопович активно использовал в собственных трудах украинские слова, родные для него. Так как заимствования и «проста мова» были одним из инструментов снижения книжно-письменного регистра, а среди реформаторов Петровского времени было немало представителей Киево-Могилянской риторической традиции, западнорусизмы в первой половине XVIII столетия включались в различные литературные тексты и документы. При этом нормализаторские тенденции в сфере лексики привели к тому, что в XVIII столетии украинизмы и полонизмы, недавно вошедшие в русскую речь, уходят из употребления почти полностью (на что указывают в том числе и пометы «Словаря русского языка XVIII века», связанные с динамикой использования «юго-западных» лексем по происхождению). Многие западнорусизмы остались преимущественно в диалектной речи, а также в сфере просторечия.

Ключевые слова: русский литературный язык, проста мова, западнорусский язык, книжно-славянский язык, украинизм

УДК 811.161.1: 81'42(571.51)

Natalya V. Patroeva – Dr. Sci. in Philology, Professor; Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3836-6393

Aleksandr A. Lebedev – candidate of Philological Sciences; Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9939-9389

Received: 05/05/2024. Accepted for publication: 20/06/2024.

The article examines the problem of the south-western influence on the formation of the Russian language in the era of Peter I, as well as the reverse influence of the Russian language on other languages. Based on the Dictionary of the Russian Language of the 18th Century and the National Corpus of the Russian Language, Ukrainianisms in the texts of Feofan Prokopovich, Stefan Yavorsky, Gabriel Buzhinsky, Vasily Trediakovsky, Antioch Cantemir were analyzed. In accordance with the data obtained, in the Dictionary of the Russian Language of the 18th Century, there are about 50 lexemes noted “south-western”, most of which are nouns. It has been found that south-western vocabulary is contained in the writings of politicians and preachers of the era of Peter I (in particular, in Stefan Yavorsky's), while Feofan Prokopovich actively used Ukrainian words native to him in his own works. Since borrowings and simple speech were one of the tools for reducing formal book style, and among the reformers of Peter's time there were many representatives of the Kiev-Mohyla rhetorical tradition, Western russianisms in the first half of the 18th century were included in various literary texts and documents. At the same time, normalizing tendencies in the sphere of vocabulary led to the fact that in the 18th century, ukrainianisms and polonisms, which had recently entered Russian speech, went out of use almost completely (as indicated, among other things, by the notes in the Dictionary of the Russian Language of the 18th Century associated with the dynamics of the use of lexemes, south-western in origin). Many Western russianisms remained primarily in dialect speech, as well as in the sphere of vernacular speech.

Keywords: Russian literary language, проста мова, Western Russian language, book Slavic language, ukrainianism

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Историками русского литературного языка неоднократно отмечалось, что во второй половине XVII в., после воссоединения Украины с Россией в 1654 г., культурные контакты с Юго-Западной Русью, где уже существовало большое количество школ при церковных братствах, существенно расширились, что способствовало проникновению в русский язык в середине и второй половине XVII века значительного количества полонизмов, украинизмов, белорусизмов под воздействием риториков и писателей Киево-Могилянской школы на формирование российской науки и образовательной системы. Степень активности украинизмов и белорусизмов, их влияние на юго-западную «простую мову» и – через нее – на русский литературный язык Петровского времени, которое должно быть наиболее ярко выражено в источниках конца XVII – первой трети XVIII столетия, до сих пор специально не исследовались на материале исторических словарей и корпусных данных. Между тем изучение проблемы юго-западного влияния на становление языка и стилистической системы российской культуры Петровского периода и встречного (обратного) воздействия способствовало бы прояснению целого ряда таких важнейших и дискуссионных вопросов, как правомерность, суть и границы понятия «западнорусский язык» («проста мова», «рус(ь)ка мова», на которой создавались памятники конфессиональной и деловой письменности Великого княжества Литовского XVI-XVII в., Западной Руси, Молдавского княжества), единство и скорость расхождения восточнославянских языков, усвоение украинизмов и белорусизмов книжным языком, судьба региональной (юго-западной в данном случае) лексики в русском литературном языке, влияние народно-разговорной речи на письменную сферу и пр.

История вопроса. Многие реформаторы своим образованием и началом творческой и научно-преподавательской деятельности были обязаны Киево-Могилянской академии, организованной в 1631 г. как «коллегиум» Петром Могилой. Написанные представителями этой школы учебные курсы грамматики, поэтики и риторики, проповеди, «слова», драматургические и поэтические опыты распространяли свое влияние на российскую новую словесность, обучение в московской Славяно-греко-латинской академии, подрастающее поколение писателей и научную интеллигенцию («ученую дружину»). Тесные культурные связи с Юго-Западной Русью были установлены через игравших значительную роль в общероссийском литературном движении киевских литературных деятелей, некоторые из которых работали затем в Москве (например, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович). В Москве активно пользовались риторическими, художественными и научно-учебными трудами этих известных в славянском мире книжников и церковных деятелей – Мелетия Смотрицкого, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и др. Широкое хождение получили формировавшие лингвистические вкусы этого поколения «киево-могилян» более ранние источники грамматика и «Лексис» Лаврентия Зизания, «Лексикон» Памвы Беринды. Епифаний Славинецкий был одним из учителей школы,

организованной в 1648 г. при Андреевской церкви Москвы. Белорусу Симеону Полоцкому приписывается создание латинской школы при Спасском монастыре, а его ученик Сильвестр Медведев продолжил эту работу. Важную часть деятельности Сильвестра Медведева составляло осуществление языковых замен в издании произведений его учителя в направлении устранения полонизмов и украинизмов русскими словами и выражениями [Мещерский, 1981, с. 132-133]. Стефан Яворский состоял «блюстителем» [Булич, 2011, с. 187] Славяно-греко-латинской академии. Феофан Прокопович стал яростным защитником Петровских преобразований, контролировал создание важнейших документов, регламентировавших жизнь подданных Российского государства, процессы «справы» и перевода новой и старой учебной литературы, писал «слова», панегирики, оды, посвященные важнейшим историческим событиям и персонам. Лингвистическая правка Феофана имела «целью изменение характера языка: церковнославянский заменяется на “простой” русский язык» [Живов, 2017, с. 959].

В истории русской филологии встречается и такой взгляд, согласно которому при Патриархе Никоне была отвергнута прежняя московская (старорусская) редакция церковнославянского языка и заменена на киевскую (соответствующую нормам, отраженным в грамматике Мелетия Смотрицкого) в период начавшегося культурного перелома и европеизации русской жизни. Так, Н. С. Трубецкой высказывал мнение, что «на рубеже XVII и XVIII-го веков произошла *украинизация великорусской духовной культуры*. Различие между западно-русской и московской редакциями русской культуры было упразднено путем искоренения московской редакции, и русская культура стала *едина*» [Трубецкой, 1927]. Насколько правомерен этот взгляд, какова степень воздействия близкородственных языков (русского, (старо)украинского, (старо)белорусского) друг на друга, чем обязана российская словесность Петровского времени «простой мове», – на наш взгляд, ответ на эти актуальные и остающиеся спорными вопросы не может быть дан без специально предпринятого лингвистического анализа широкого круга художественных и публицистических произведений, грамматик, словарей, риторик, деловых и конфессиональных источников, эпистолярных и прочих памятников эпохи языковых и культурных реформ. Большим подспорьем для максимально полного охвата речевого материала исследователями в этом смысле оказываются исторические словари и «Национальный корпус русского языка».

Методология и методика исследования. Ведущими для авторов статьи в ходе проведения анализа являлись лексикографический, диахронический, интерпретационный, сравнительно-сопоставительный методы.

В качестве методологической основы исследования в работе используются труды, посвященные проблеме «западнорусского (письменного) языка» (такой термин представляется как исторически первичный в отечественных филологических исследованиях более предпочтительным, хотя и вызывает нарекания отдельных лингвистов ближнего и дальнего зарубежья - см. некоторые точки зрения на понятия «западнорусский язык» и «проста мова», например, в работах: [Карский, 1897], [Житецкий, 1889], [Мозер, 2002], [Moser, 2005], [Мойсиенко, 2007], [Смирнова, 2009])

и отдельных произведений, написанных на нем (например, [Владимиров, 1888, 248-249]).

Основным материалом для исследования служат 1-22 выпуски академического «Словаря русского языка XVIII века», в качестве сопоставительного фона – данные основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка».

Анализ материала. «Словарь русского языка XVIII века», подготовка которого началась под руководством Г. П. Блока и Ю. С. Сорокина в Словарном секторе Института русского языка Академии наук СССР (Ленинград) и ныне продолжается в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), отражает процессы постепенного складывания лексических и грамматических норм национального русского литературного языка между 1690-ми и 1810-ми годами. В реформировании нового гражданского (государственного) языка и разработке жанров светской словесности (ораторской прозы, драматургии, поэзии) и учебно-научной литературы в Петровскую эпоху и ранний послепетровский период принимают активное участие церковные и политические деятели, авторы риторических руководств, грамматики и словарей, писатели, чьи труды стали иллюстративной основой и базой картотеки словаря.

Период первой трети XVIII столетия отличается особым динамизмом и тесным взаимодействием, взаимовлиянием самых разных речевых стихий – церковнославянской, книжно-славянской, старорусской, разговорно-простонародной, диалектной, фольклорной, жаргонно-просторечной, официально-деловой, иноязычной и пр. В качестве одной из подгрупп, фиксируемых словарем, оказываются лексемы с пометой «Юго-зап.» (юго-западное), которая сопровождает «слова в источнике своем польские, украинские, белорусские, пришедшие через украинское и белорусское посредство и характерные для представителей юго-западной образованности в России первой трети XVIII в.» [Сорокин, 1984, с. 38].

Особое внимание в процессе проведенного в рамках подготовки данной статьи анализа было уделено зафиксированным словарем украинизмам в произведениях ведущих реформаторов российской словесности и образования – проповедников Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского, поэтов Антиоха Кантемира, Василия Тредиаковского, биография и творческая деятельность которых тесно связаны с Киево-Могилянским «коллегиумом», его риторической и поэтической традициями, поддержанными и развитыми в Славяно-греко-латинской академии Москвы.

Как показали проведенные подсчеты, в вышедших из печати 1-22 выпусках толково-исторического словаря русского языка XVIII века пометой «юго-западное» сопровождается около 50 лексем, большую часть среди которых составляют имена существительные: *байка* 'басня, сказка', *бута* 'бочка', *веска* 'деревня', *возвод* 'свод' (?), *гвалт* 'насилие, нападения' и 'шум, крик', *господарь* 'хозяин, владелец', *господа* 'дом, жилище', *грозба* 'угроза', *гута* 'стеклянный завод', *жарт(а)* 'шутка, насмешка' и однокоренное *жартовник* 'шутник', *запусты* 'Масленица', *згода* 'согласие', *здобычь* 'добыча', *крапля* 'капля', *мша* 'католическая обедня, месса', *мшевание* 'отправление католической обедни, мессы', *ранда* 'хутор', однокоренные *аренда/ор(ь)* или *рандарь*, *подпомога* 'помощь, поддержка' [Словарь, 2015, с. 28]. В этом списке встречаются

регионально релевантные понятия экономико-социальной сферы, наименования культурно-религиозных реалий, редко – абстрактные имена.

Значительны в количественном отношении среди слов с пометой «юго-зап.» имена прилагательные, почти все из которых являются качественными: *бажоный* 'дорогой, желанный', *вечистый* 'вечный', *гвалтовный* 'насильственный, незаконный', *гучный* 'шумный', *жартливый* (вариант *жартовный*) 'насмешливый, шуточный', *звычайный* 'обычный, обыкновенный', *згодный* 'подходящий, соответствующий', *знакомитый* 'знаменитый, хорошо известный', *латвый* 'легкий'; относительные адъективы заимствовались редко: *безгрунтовый* 'безземельный', *вакансовый* 'вакантный, отставной'.

Глаголы – полонизмы и украинизмы, зафиксированные словарем, можно разделить на две основные группы с точки зрения морфемного состава: 1) отличающиеся аффиксальной частью основы – *вдаритися* 'удариться', *готовати(ся)* 'готовить(ся)', *вничтожати* 'уничтожать', *звыкнути* 'привыкнуть', *возворковатися* 'разворчатся'; 2) отличающиеся корневой морфемой от русских семантических аналогов: *венеровати* 'оказывать уважение, преподносить', *досвѣдчати* 'узнавать', *досочитися* 'дознаться, доискаться', *жартовати* 'шутить', *поковтунити* 'спутать в колтуну' [Словарь, 2015, с. 136], *помилитися* 'ошибиться' [Словарь, 2015, с. 230].

К группе «юго-западных» по ареалу исходного бытования относятся также наречия *жарлочно* 'прожорливо', *заровно* 'равно, одинаково', *истотно* 'истинно'.

В качестве аналога польского *albo* в [Словарь, 2015] выделен союз *альбо* 'или, либо', фиксируемый также в словарях украинского и белорусского языков как аналог польского коннектора *albo*.

Для ряда заимствованных слов юго-западным по происхождению является только значение: *аренда* 'откуп на вино, деготь, табак', *вертеп* 'переносной кукольный театр для представления сцен на библейские темы в период святок', *висеть* 'зависеть', *гребля* 'плотина, запруда', *жадный* 'никакой, ни один', *жалоба* 'траур'.

Для некоторых заимствованных из юго-западной русской речи вокабул указаны в [Словарь, 2015] точные даты фиксации в документах, например, 1709 г. для *досвѣдчати* и *латвый*, 1708 и 1740-е для *рандарь* или *арендар*, 1722 для *венеровати*, 1734 для *вакансовый*. Некоторые фиксируются в качестве единичных употреблений (в словаре помета «Един.»), например: *вдарити(ся)*, *вничтожати*, *возвод*, *возворковатися*. Вопрос о гапаксах, разумеется, требует специального изучения, но вряд ли стоит их считать в данном случае чем-либо иным, нежели окказиональными («на случай») заимствованиями.

Источники, которые послужили базой словаря в целом и свидетельством влияния юго-западнорусской «простой мовы» на «российский» язык первой трети XVIII века в частности, достаточно разнородны по жанрово-стилистическому составу: примеры из «простой мовы» встречаются в проповедях, газетных заметках, эпистолярных, мемуарах и путевых записках, переводной учебной и художественной литературе, законодательных актах, сочинениях на историко-культурные, политические и военные темы, а также в интерлюдиях и других драматургических произведениях. Например, западнорусизмы характеризуют дискурс сподвижников Петра Великого, состоявших в переписке с российским монархом: *Пушки, которые болшие, буде невозможно взять*

с собою, кинуть в воду **албо** разорвать; Приходили с полков и давали ему <Мазепе> за то, чтоб **аренды** не отдавал на перекуп; А шестаго числа мая ж в рандѣ Эглях рано посланные от меня казаки и калмыки в той **рандѣ** разбили их неприятельской караул; И сего ж 2-го дня из **вески** Даниловки пойду до Шамова и до Дрыбина; Вышеписанным чинам даются тѣ денги помѣсечно. А на тѣ денги ... и **господу** наймут; Уже и Филимошку поил, но не могу **досочитца**; Посланнику нашему о том временном союзѣ с послом их договор и постановление ... обще **заровно** так же как и с вашим цесарским величеством, чинить мы, великий государь .. повелѣли; Свѣтлейшей речи посполитой Венецыйской **звычайной** при дворѣ цесарском посол; Послал до вашей милости трактат, как в Варшавѣ у Поляков здѣлалось о **згодѣ** с Шведом; и др. из иллюстраций, почерпнутых создателями «Словаря русского языка XVIII века» в собрании «Письма и бумаги имп. Петра Великого. [1688—1712]. СПб.— М.; Л.—М., 1887—1964, 1975—1977, т. 1—12.» [Сорокин, 1984, с. 102]. В комментарии к вокабуле АРЕНДА уточняется: «С приобщением Шведских областей к России вошедшее слово, в коих токмо оно и употребительно, означающее тот откуп или платеж с земли или деревни, которой получает помещик от нанявшего у него ту землю или деревню на урочные годы или на некоторых условиях» [Словарь Академии Российской, 1780, стлб. 44].

Интересным представляется выяснение роли регионализмов, характеризующих ту или иную известную языковую личность, в формировании индивидуального слога. Так, юго-западная по происхождению славянская лексическая составляющая содержится в сочинениях великих проповедников и политиков Петровской эпохи. Например, у Стефана Яворского, выпускника Киево-Могилянской коллегии, слушателя курсов богословия в учебных заведениях Львова, Вильны и Познани, в «словах» – образцах духовного красноречия, встречается слово **знакомитый**: *Всяких добрых и **знакомитых** вещей первые начальницы ... славни во всем мирѣ.*

В отличие от Стефана Яворского яростно поддерживавший Петровские реформы богослов, философ, политик, писатель, переводчик Феофан Прокопович, гораздо более активно использовал в своих трудах родные для него украинские слова в торжественных «словах» (два глагола и наречие, отличающиеся от русских аналогов только морфемным составом и ударением) и письмах (наименования бытовых реалий): *Всѣх собственная благая на общем добрѣ отечества **висят**; Еще Кароль единонадесятый... **готѣвал** войну на Российское Гѣдрство; Благодарителя великаго .. могу нареци родителем моим, хотя родитель **истотно** тот только есть, который съменем своим родил челоуѣка; Новая да знатная корысть была устроена из вина волоскаго так, что одна **бута** даровая приходила; Из **гутьы** ... стало приходить по сту рублей в год, кромѣ стекла и на домовыя потребности и на подарки довольнаго.* Использование элементов «простой мовы» вполне соответствует установкам Феофана в петербургский период его деятельности, в том числе в области «справы» старых и переводных печатных слов и выражений.

Ревностный сторонник петровских преобразований, церковный деятель и переводчик епископ Гавриил Бужинский, родившийся на Слободской Украине, учившийся в Киево-Братской коллегии и переведенный Петром I в Александро-Невскую лавру, был назначении префектом Славяно-греко-латинской академии, протектором школ и типографий. «Словарь языка XVIII века» указывает, по крайней мере, три

украинизма в проповедях и других святоотеческих трудах Гавриила Бужинского: *Члѣвък раждається несмыслен и без мовы; Исполнение закона любви есть, ею же любим Бѣа и ближняго ради Бѣа. в сей весь закон и Пророцы вѣсят; Кое толь тяжкое преступление; всего закона исполнение **вничтожающее**; Простак и невѣжа... возложит на ся власяницу острую, **поковтунит** власи и браду свою.*

Антиох Кантемир – выходец из семьи молдавских «господарей», сын сподвижника Петра Дмитрия Кантемира, член «ученой дружины» Феофана, поддержавшего его первые опыты в жанре сатиры. Как отмечает П. Шорников, «славянский язык был в Молдавии языком образования. С XV ст. сыновья знатных молдаван обучались в «братских» школах Галицкой Руси. <...> И все же можно предположить, что как язык устного общения молдаванами использовался не книжный славянский, а известный им разговорный язык русинов Молдавии. Только повседневной языковой практикой можно объяснить то обстоятельство, что круг молдаван, владевших русским языком, не ограничивался учеными монахами и писцами господарской канцелярии. Русской речью владела молдавская знать» [Шорников, 2010, с. 68-69]. Эти обстоятельства помогают объяснить присутствие в сатирах Антиоха Кантемира юго-западного лексического пласта, например: *Глупо из младенчества **звыкли** мы бояться Нищеты, презрѣния.* Отец поэта, сподвижник Петра Великого Дмитрий Кантемир также употреблял западнорусизмы в своих сочинениях, например, в «Книге Систима...»: ... *дондеже я **досвѣдчение** учиню, и искушу, диавол ли есть, или ангел, иже явится тебѣ* [Кантемир, 1722, с. 6]; *Да не явимася паче мѣры таковыя бредни, не **жартовным** описывати пером* [Кантемир, 1722, с. 313].

Василий Тредиаковский, выпускник Славяно-греко-латинской академии, также тесно связанный с Феофаном Прокоповичем и с Антиохом Кантемиром своими ранними научными устремлениями и литературными вкусами, предстает как гораздо больший пурист в своем позднем творчестве, но в «Тилемахиде», например, использует полонизм, подтверждая экспериментаторский характер своей переводческой манеры: *Любим-мы паче всего в нас Здравие, **Благоощадность**, Крѣпость как тѣлесную, так и душевную Силу.*

Западнорусские элементы проявляются и на синтаксическом уровне текста – прежде всего, в области падежного управления. Таково использование предлога *до* вместо *к* или на месте книжной беспредложной конструкции в сочинениях Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, Василия Тредиаковского и Михаила Ломоносова: *Предисловие **до** Его Царского Величества* (Феофан Прокопович); *Страхом одержими, трепещуще кинутся <воины> **до** оружия* (Стефан Яворский); *К учреждению опытов **до** свѣта надлежащих* (М. В. Ломоносов); ***До** услуг приставил целый к ней рабов он лик!* (В. К. Тредиаковский); *Хоть сколько он <кот> ни скор Заранѣй убѣжать возможно им <мышам> **до** нор* (В. К. Тредиаковский); *Нет чем жену потешить, как придет **до** дому* (А. Д. Кантемир).

Результаты исследования. Наблюдения над составом лексем с пометой «юго-западное» в «Словаре русского языка XVIII века» показывают, что в узус Петровской эпохи и – позднее – 1720-40-х годов входили около 50 украинизмов, белорусизмов и полонизмов, зафиксированных в разножанровых источниках. Поскольку «проста мова» и заимствования служили одним из ресурсов снижения книжно-письменного регистра

и создания нового гражданского языка, а среди сподвижников преобразований, реформаторов Петровского и раннего послепетровского периодов были представители Киево-Могилянской риторической традиции, передававшие ее новому поколению «ученой дружины», обучавшейся в Славяно-греко-латинской московской академии и Петербургском академическом университете, западнорусизмы на протяжении первой половины XVIII столетия включались в документы законодательного и дипломатического характера, учебную и научную литературу, в том числе переводную, мемуары и эпистолярные, реже – проповеди, торжественные «слова», стихотворные и драматургические опыты.

Культурно-языковая политика Петра Великого привела к радикальным трансформациям в сфере российской словесности. Как отмечал В. М. Живов, «новый литературный язык», создававшийся в соответствии с петровской культурной политикой, должен был противостоять традиционному как понятный непонятому; в то же он выступал как “гражданское наречие”, т.е. как язык секулярной культуры, превращая тем самым традиционный книжный язык в средство выражения культуры клерикальной. <...> Данная семиотическая функция нового литературного языка могла вступать в противоречие с тем требованием понятности и доступности, которое выдвигалось в качестве основной причины его создания. Это противоречие с особой выразительностью проявилось в широком употреблении неосвоенных или малоосвоенных заимствований в текстах петровского времени...» [Живов, 2017, с. 984]. В этом смысле заимствованные украинизмы и белорусизмы, в большинстве своем отличаясь от собственно русских аналогов лишь аффиксальным составом и оттенками значения, были вполне понятны и доступны для понимания и не знающим близкородственных языков адресатам гражданского, политического, церковного дискурса.

После Петра I влияние таких генераторов нового узуса, как Печатный двор, Посольский приказ, когорты переводчиков и «справщиков», работавших по императорскому поручению, ослабляется, вскоре начинаются времена опалы для Феофана Прокоповича и Гавриила Бужинского, многих других сторонников преобразований. На смену первому поколению реформаторов приходит открывшаяся в 1725 г. Академия наук. На рубеже 1720-х и 1730-х годов появляются грамматические сочинения И.-В. Пауса, М. Шванвица и В. Е. Адодурова, направленные на нормализацию языкового «хаоса», «пула» и демонстрирующие пуристические тенденции постепенно сменявшей барокко классицистической эпохи. Питомцы Славяно-греко-латинской академии В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов активно включаются в языковые споры эпохи, заботясь о «чистоте штиля».

Показательно отношение выросшего уже в новые (поздне- и послепетровские) времена поколения ученых и писателей-реформаторов языка к сочинениям и слогу Феофана Прокоповича. Так, получил известность факт исключения М. В. Ломоносовым из рукописи «Краткого руководства к красноречию» (1747 г.) единственного из дошедших до нас отзывов грамматиста и поэта об ораторском даровании Феофана – пассажа, посвященного жанру надгробных речей: «Но лучшие сего примеры читать можно в словах надгробных покойного Феофана Прокоповича, архиепископа новгородского» [Ломоносов, 1959, с. 174]. Кроме того, по настоянию Ломоносова

А. П. Сумароков исключил из своей «Эпистолы о стихотворстве» (1748 г.) стихи, содержащие, с одной стороны, похвалу, с другой – упрек в несоблюдении «чистоты» языка и слога: ... *Феофан, Последователь сей пресладка Цицерона И красноречия российского корона, Хоть в чистом слоге он и часто погрешал, Но красноречия премного показал. Он ритор из числа по всей Европе главных... Разумный Феофан, которого природа Произвела красой славенского народа, Что в красноречии касалось до него...* [Ломоносов, 1959, с. 821]. В чем состояли эти погрешности, А. П. Сумароков объяснил позднее: «... малороссийския речения, и требуемая, не ведаю ради чего чужестранные слова, сочинения ево несколько безобразят; но они довольно заплачены другою чистотою» [Сумароков, 1787, с. 280].

Выводы. До создания общенационального русского языка было еще далеко, но стремление осуществить кодификацию правил уже явно обозначилось в академической среде (первой удачной попыткой станет, разумеется «Российская грамматика» М. В. Ломоносова 1755 г.). Эти пуристические и нормализаторские тенденции касались не только морфологии, но и лексики. Не случайно и закономерно поэтому недавно вошедшие в русскую речь полонизмы, украинизмы (западнорусизмы) почти полностью уходят из употребления (соответствующие пометы в «Словаре русского языка XVIII века», касающиеся динамики использования «юго-западных» по происхождению лексем, свидетельствуют о том же). Редкое исключение составляют закрепившиеся в общем или специальном литературном использовании *байка, гвалт, аренда* как ‘откуп на вино, деготь, табак’, *вертеп* в значении ‘переносной кукольный театр для представления сцен на библейские темы в период святок’. Остальные западнорусизмы остались в сфере просторечия и диалектной речи. Новый всплеск интереса к украинизмам и южнорусской диалектной «мове» демонстрирует уже романтическая эпоха и «натуральная» школа Н. В. Гоголя, и тогда перед русской словесностью вновь с особой остротой встанет «проблема отношения литературного языка к «простонародному» ... и его областным вариациям» [Виноградов, 1990, с. 271]. Л. А. Булаховский отмечает, что на используемую в художественной прозе первой половины – середины XIX в. украинскую лексику «обыкновенно смотрели как на диалектную “русскую”», и приводит примеры из повестей и романов В. Т. Нарезного, Н. В. Гоголя, Г. Ф. Квитки, А. А. Перовского – Погорельского, О. Сомова, В. И. Даля, Е. Гребенки, Н. Кукольника и др. [Булаховский, 1941, с. 249].

Юго-западное влияние на «славенороссийский» конгломерат Петровской эпохи и литературный язык национального периода, несомненно, может стать темой дальнейших размышлений о процессах постепенной демократизации русской книжно-письменной речи.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Литература

Булаховский, Л. А. (1941). *Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге: Т. 1*: допущено НКП УССР в качестве пособия для филологических факультетов университетов и факультетов языка и литературы педагогических и учительских институтов. Киев: Радянська школа.

Булич, С. К. (2011). *Очерк истории языкознания в России, XIII-XIX вв. 2-е изд., [репр.]: Лингвистическое наследие XIX века*. Москва: URSS: Либроком.

Виноградов, В. В. (1990). *Язык Гоголя // Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя: избранные труды*. Москва: Наука. 271–330.

Живов, В. М. (2017). *История языка русской письменности: в 2 т. Т. 2*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

Житецкий, П. И. (1889). *Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв.: сочинения*. Ч. 1. Киев: изд. «Киев. Старины».

Кантемир, Д. (1722). *Книга систима или Состояние мухаммеданския религии*. Санктпетербург: В типографии царствующаго Санктпитебурха.

Карский, Е. Ф. (1897). Что такое древнее западнорусское наречие?: *Труды Девятого археологического съезда в Вильне*. Под редакцией. Москва. 62–70.

Ломоносов, М. В. (1959). *Полное собрание сочинений: в 11 т.* Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. 7 1739–1758.

Мещерский, Н. А. (1981). *История русского литературного языка*. Ленинград: ЛГУ.

Мозер, М. (2002). Что такое «простая мова»? *Studia Slavica / Студия Славица*, 47(3-4), 221–260. DOI: 10.1556/ССлав.47.2002.3-4.1

Мойсиенко, В. М. (2007). Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. *Славяноведение*, 5, 45–64.

Смирнова, Е. А. (2009). «Проста мова». *Русская речь*, 3, 75–79.

Сумароков, А. П. (1787) *Полное собрание всех сочинений: в стихах и прозе*. 2-е изд. Москва: Унив. тип., у Н. Новикова. Ч. VI:

Трубецкой, Н. С. (1927). К украинской проблеме. *Евразийский временник*. Париж, 5, 165–184. URL: <https://web.archive.org/web/20150709052256/http://www.w.angelfire.com/nt/oboguev/images/nstukr.htm>

Шорников, П. (2010). Языковой дуализм в Молдавском княжестве. XIV-XVII вв. *Русин*, 2(20), 64–74.

Moser, M. (2005) Mittelruthenisch (Mittelweißrussisch und Mittelukrainisch): Ein Überblick. *Studia Slavica*. Vol. 50. N 1–2. P. 125–14. DOI: 10.1556/SSlav.50.2005.1-2.11

References

Bulakhovsky, L. A. (1941). *Russian literary language of the first half of the 19th century. Vol. 1. Vocabulary and general notes about the syllable*. Kiev: Radians'ka shkola Publ. (In Russian).

Bulich, S. K. (2011). *Essay on the history of linguistics in Russia: XIII–XIX centuries. 2nd ed.* Moscow: Knizhnyi dom LIBROKOM Publ. (In Russian).

Kantemir, D. (1722). *The book of Sistima or the state of the Mohammedan religion*. St. Petersburg. (In Russian).

Karsky, E. F. (1897). What is the ancient Western Russian dialect? *Proceedings of the Ninth Archaeological Congress in Vilna, 1893. Vol. II*. Moscow. (In Russian).

Lomonosov, M. V. (1959). *Complete works: in 11 volumes. V. 7*. Moscow; Leningrad: Acad. Sciences of the USSR Publ. (In Russian).

Meshchersky, N. A. (1981). *History of the Russian literary language*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russian).

Moser, M. (2002). What is *prostaya mova*? *Studia Slavica Hung*. 2002. No. 47/3-4. 221–260. (In Russian).

Moisienko, V. M. (2007). Ethnolinguistic affiliation of the Russian language during the time of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Slavic studies*. 5, 45–64. (In Russian).

Moser, M. (2005) Mittelruthenisch (Mittelweißrussisch und Mittelukrainisch): Ein Überblick. *Studia Slavica Hung*. 50/1–2, 125–14. DOI: 10.1556/SSlav.50.2005.1-2.11.

Shornikov, P. (2010). Linguistic dualism in the Principality of Moldova in XIV-XVII centuries. *Rusin*. 2 (20), 64–74. (In Russian).

Smirnova, E. A. (2009). Prosta mova. *Russian Speech*. 3, 75–79. (In Russian).

Sumarokov, A. P. (1787) *Complete collection of all works. Collected and published by... N. Novikov. Part VI*. Moscow: Universitetskaia tipografiia u N. Novikova Publ., 1787. (In Russian).

Trubetskoy, N. S. (1927). On the Ukrainian problem. *Eurasian temporary*. Paris, 1927. 5, 165–184. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20150709052256/http://www.angelfire.com/nt/oboguev/images/nstukr.htm>. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1990). Gogol's language. *Selected works: Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol*. Moscow: Nauka Publ. 271–330. (In Russian).

Zhitetsky, P. I. (1889). *Essay on the literary history of the Little Russian dialect in the 17th and 18th centuries. Part 1*. Kiev: Kiyev. Stariny Publ. (In Russian).

Zhivov, V. M. (2017). *History of the Russian written language: in 2 volumes. V. 2*. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke Publ. (In Russian).

Источники

Владимиров, П. В. (1888). Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. *Internet Archive*: официальный сайт. URL: <https://archive.org/details/vladymyrov1888/page/n3/mode/2up>

Словарь Академии Российской: в 6 ч. (1789). Ч. 1: От А до Г. В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук.

Словарь русского языка XVIII века (2015). Санкт-Петербург: Наука. Вып. 21: Подоба – Помощный.

Сорокин, Ю. С. (редактор) (1984). *Словарь русского языка XVIII века: правила пользования словарем: указатель источников*. Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние.

Sources

Dictionary of the Russian Academy: in 6 vol. (1789). St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk Publ. Vol. 1. (In Russian).

Dictionary of the Russian language of the 18th century. Edition 21. (2015). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Sorokin, Yu. S. (ed.) (1984). *Dictionary of the Russian language of the 18th century: Rules for using the dictionary. Index of sources.* \ Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Vladimirov, P. V. (1888). *Dr. Francis Skaryna. Its translations, printed editions and language*. Retrieved from <https://archive.org/details/vladymyrov1888/page/n3/mode/2up> (In Russian).

Для цитирования статьи:

Патроева, Н. В., Лебедев, А. А. (2024). Юго-западная лексика в русском языке XVIII века. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 8–18. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-8-18

For citation:

Patroeva, N. V., Lebedev, A. A. (2024). South-Western vocabulary in the Russian language of the 18th century. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 8–18. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-8-18

РЕГИОНАЛИЗМЫ ЯЗЫКОВОГО БЫТА ГОРОДА / REGIONALLY SPECIFIC WORDS OF URBAN LINGUISTIC LIFE

Репрезентация локальной идентичности в лингвистическом ландшафте Калининграда

Е. В. Зубрицкая, Т. М. Шкапенко

Representation of local identity in Kaliningrad linguistic landscape

E. V. Zubritskaya, T. M. Shkapenko

Екатерина Валентиновна Зубрицкая – старший преподаватель; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

E-mail: EZubritskaya@kantiana.ru

Татьяна Михайловна Шкапенко – доктор филологических наук, доцент; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

E-mail: TShkapenko@kantiana.ru

Статья поступила: 10.05.2024. Принята к печати: 20.06.2024.

Статья посвящена анализу лингвокультурных элементов, представленных в лингвистическом ландшафте Калининграда в качестве маркеров локальной идентичности его жителей. Основу геополитического своеобразия калининградской области составляет ее возникновение по итогам Второй мировой войны на землях Северо-Восточной Пруссии, входившей до этого времени в состав Германии. Отсутствие собственных историко-культурных корней у современного населения региона предопределяет особенности конструирования локальной идентичности посредством обращения к элементам прусско-немецкой предыстории. Цель исследования – выявление количественного присутствия и качественного состава наименований коммерческих объектов Калининграда, содержащих локально маркированный прусский или немецкий компонент. Учитывая фактор перманентного воздействия ономастикона города на лингвокультурное сознание населения, в работе предпринята попытка установить степень известности жителям города локально маркированных единиц. В результате количественного анализа было выявлено, что эргонимы с прусско-немецким компонентом составляют незначительную часть в общем количестве коммерческих наименований. Использование отдельных из них в целом ряде названий мультиплицирует эффект присутствия пост-немецкой локальности и составляет перманентный визуальный фон, в рамках которого чужое историческое прошлое подвергается аккультурации и воспринимается как свое собственное, культурно освоенное настоящее. К самым частотным маркерам немецкой локальности в составе

Ekaterina V. Zubritskaya – Senior Lecturer; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5902-7441

Tatiana M. Shkapenko – Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6892-4205

Received: 10/05/2024. Accepted for publication: 20/06/2024.

The article is devoted to the analysis of linguocultural elements presented in the linguistic landscape of Kaliningrad as markers of its residents' local identity. The basis of the geopolitical uniqueness of the Kaliningrad region is its emergence as a result of the Second World War on the lands of North-East Prussia, which until then had been a part of Germany. The absence of its own historical and cultural roots in the modern population of the region predetermines the peculiarities of local identity construction by means of applying to the elements of Prussian-German prehistory. The aim of the study is to identify the quantitative presence and qualitative composition of the names of commercial objects of Kaliningrad, containing locally labeled Prussian or German components. Taking into account the factor of permanent influence of onomasticon of the city on the linguocultural consciousness of the population, the paper attempts to establish the degree of familiarity of some locally marked units to the city residents. The quantitative analysis has revealed that ergonyms with a Prussian-German component constitute an insignificant part of the total number of commercial names. The use of some of them in a number of names multiplies the effect of the presence of post-German locality and forms a permanent visual background, within which the foreign historical past is acculturated and perceived as its own, culturally mastered present. The most frequent markers of German locality in ergonymic nominations include the former name of the region and the city (Königsberg, Prussia), as well as the surname of the philosopher Immanuel Kant. The graphical form of locally marked ergonyms varies from the spelling typical of German or Russian to different variants of

эргонимических номинаций относятся бывшее название города и региона (Кенигсберг, Пруссия) а также фамилия философа Иммануила Канта. Графическая форма локально маркированных эргонимов варьирует от написания, свойственного немецкому или русскому языку, до различных вариантов комбинированной графики. Опрос калининградских респондентов выявил, что к общеизвестным относятся названия коммерческих заведений, включающие в свой состав астионим Кёнигсберг и хороним Пруссия, в то время как названия, основанные на использовании немецких годонимов, агоронимов и антропонимов, не входят в число значимых элементов лингвистического ландшафта, формирующих локальную идентичность жителей.

Ключевые слова: локальная идентичность, лингвистический ландшафт, Калининград, эргонимы, топонимы, антропонимы

УДК 811.161.1:81`282(470.26)

combined graphics. The survey of Kaliningrad respondents has revealed that the names of commercial establishments, which include the astyonym *Königsberg* and the choronym *Prussia* in their composition, are among the well-known ones, while the names based on the use of German hodonyms, agoronyms and anthroponyms are not among the number of significant elements of the linguistic landscape forming the local identity of the residents.

Keywords: local identity, linguistic landscape, Kaliningrad, ergonyms, toponyms, anthroponyms

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Изучение «глокального» компонента как системы лингвистических средств, маркирующих принадлежность текстов различного уровня к локальной идентичности, представляет собой междисциплинарную задачу. Это связано, в первую очередь, с расширенным пониманием текста как нелинейного, гетерогенного пространства, репрезентируемого в самых различных формах – от медиатекста до текста города, или так называемого лингвистического ландшафта. Понятие лингвистического ландшафта, введенное в терминологический оборот Р. Лэндри и Р. Бурхисом для обозначения «языка придорожных плакатов, рекламных щитов, табличек-названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях» [Landry, Bourhis, 1997, p. 25], стало одним из наиболее востребованных современными ономатологами, включающими в его состав «астионимы, гидронимы, годонимы, эргонимы, надписи частного содержания, информационные объявления, объявления на столбах, административные знаки, мотивационные надписи и др. [Варламова, Тарасова, 2020, с. 17].

Описание особенностей лингвистического облика российских городов в различных работах позволяет прийти к выводу, что после распада СССР, в рамках которого доминировала унифицированная номенклатурная кодификация как топонимических, так и торговых объектов, за три десятилетия сложилась единая, мультилингвальная картина номинаций, конституирующих тот язык, на котором современный российский город говорит со своими жителями. Его основной чертой является мощное воздействие американского варианта английского языка, проявляющееся в активном включении в состав номинативных единиц разноуровневых англоязычных элементов. Воздействию глобализации пытается противостоять тенденция «глокализации», чаще всего апеллирующая к лингвокультурным реалиям или этническим особенностям конкретного региона. По наблюдениям многих исследователей современного ономастического пространства,

«процессы глобализации, общие для всех, осуществлялись одновременно с процессами национально-культурной самоидентификации» [Пешкова, 2019, с. 91].

Если глобализационный компонент в лингвистическом ландшафте всех российских городов представлен практически одинаково и сводится, в основном, к смешению языковых и лингвокультурных кодов, то репрезентация локальности в каждом регионе имеет свои специфические черты, отражающие культурно-исторические и этнические особенности регионов [Красильникова, 1988; Ларин, 1977 и др.].

С этой точки зрения особое место на геополитической и лингвокультурной карте страны занимает Калининградская область, вошедшая в состав СССР по итогам Второй мировой войны и не имевшая собственных национальных и историко-культурных корней на территории бывшей Германии. В связи с этим изучение способов создания локального компонента внутри лингвистического ландшафта Калининграда, а также определение его влияния на лингвокультурное сознание и чувство региональной идентичности жителей Калининградской области представляет особый интерес.

Цель нашего исследования состоит в выявлении специфики реализации локальности в лингвистическом ландшафте города Калининграда и определении степени участия локально маркированных компонентов в формировании региональной идентичности его жителей. Достижение данной цели требует выполнения следующих исследовательских задач: 1) описания исторических особенностей формирования на территории Калининграда его лингвистического ландшафта; 2) идентификации локально маркированных единиц, входящих в состав калининградских эргонимов; 3) выявления исторических и лингвистических прототипов, лежащих в основе используемых в эргонимах немецких наименований; 4) проведения анкетирования жителей Калининграда на предмет знания ими названий коммерческих заведений, имеющих в своем составе немецко-прусский компонент.

История вопроса. Лингвистический ландшафт рассматривается в различных трудах как объект исследования и как метод исследования. Так, А. В. Кирилина предлагает рассматривать описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации [Кирилина, 2020]. Соглашаясь с тем, что ранее само состояние ономастического пространства не представляло особого интереса для лингвистических исследований, заметим, что новый подход предполагает, однако, объединение под крышей общего термина целого ряда лингвистических методов, таких как ономастический, лингвокультурологический, структурно-семантический, лингвосемиотический и лингвопрагматический анализ.

Изучение характера взаимодействия двух основных тенденций – глобализации и глокализации – было уже осуществлено российскими учеными на материале многих регионов и городов [Голомидова и др., 2023; Шмелева, 2020; Ремчукова, Соколова, 2019; Китайгородская, 2003; Михайлюкова, 2017; Прокуровская, 1996 и др.].

Особый интерес процесс взаимодействия двух тенденций вызывает у лингвистов, изучающих полиэтнические региональные пространства [Варламова, 2012; Манчурина, Сотникова, 2021]. Примечательно, что при описании лингвистического ландшафта полиэтнических регионов, в которых государственная языковая политика направлена на сохранение языков титульного населения или этнических меньшинств,

в качестве основного термина, описывающего процессы миксирования компонентов различных языковых систем, используется термин «языковая интеграция», описываемая как «процессы заимствования, смешения, скрещения языков» [Жеребило, 2010]. При этом единицы анализа интегративных процессов в лингвистическом ландшафте терминологизируются как «мультилингвальные» и «монолингвальные».

Использование термина языковой интеграции связано, безусловно, с трендом на сохранение в российских регионах национальных языков, что отражает проэкологическую языковую политику государства, декларируемую на федеральном уровне и реализуемую в регионах. В этом случае мультилингвальные номинативные единицы рассматриваются как свидетельство связи государственного языка и второго языка регионов, а их сосуществование в рамках единого городского пространства описывается как взаимовлияние языков.

Мононациональность калининградского населения, а также прусско-немецкое прошлое области, создают особую геополитическую основу для формирования единого лингвистического ландшафта города, в рамках которого «локальные», то есть немецкие лингвокультурные элементы могут рассматриваться как экологически небезопасные, что исключает, на наш взгляд, возможность корректного использования термина «языковая интеграция» и ориентирует исследователя на описание присутствия англоглобализационных и других инокультурных элементов как гибридных форм, а самого феномена их смешения как лингвистической гибридизации [Шкапенко, Зубрицкая, 2021].

Методология и методика исследования. В соответствии с поставленной целью и задачами в работе как основные использовались ономазиологический, лингвокультурологический и социолингвистический методы анализа. Для первичного описания материала и классификации номинативных единиц использовался описательный метод, включающий в себя сбор, каталогизацию и систематизацию материала. В ходе анализа данных, полученных в результате анкетирования жителей Калининградской области, использовались элементы количественного анализа.

К локально маркированным единицам были отнесены калининградские эргонимы, содержащие в своем составе немецкие или прусские лингвокультурные элементы. Источником языкового материала явились данные авторской картотеки, а также интернет-справочников 2ГИС¹ и СПАРК-Интерфакс², включающих названия различных торговых заведений г. Калининграда. Общее количество собранных и изученных локально маркированных эргонимов составило 140 единиц.

Анализ материала. Концептуальной основой локально маркированных эргонимов является понятие региональной идентичности, которое может быть определено как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве» [Еремина, 2011, с. 216]. Следует подчеркнуть, что в Калининградской

¹ Сайт электронного справочника с картами городов «2ГИС» <https://2gis.ru/kaliningrad> (дата обращения 3.12.2023)

² Сайт Информационной группы «СПАРК-Интерфакс» <https://spark-interfax.ru/statistics/region/27000000000> (дата обращения 3.12.2023)

области пространственно-временная непрерывность представляет собой величину относительную, ограничивающуюся 78 годами ее существования. Город, возникший на исторических развалинах Кёнигсберга (Königsberg, город королей, дословно: 'королевская гора'), главного города Пруссии, в 1946 году получил новое название в честь председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина.

В созданном на территории бывшей Пруссии городе было осуществлено тотальное переименование всех входящих в его состав топонимических объектов – улиц, площадей, парков, архитектурных объектов и т.п. И, хотя В.Н. Топоров в 1999 году охарактеризовал смену немецких названий внутригородских объектов как «топономастическую катастрофу» [Топоров, 2000, с. 44], необходимо отдавать себе отчет в том, что формирование на завоеванных землях нового этносоциума естественным образом предполагало устранение следов чужого, ассоциирующегося с фашистской Германией лингволандшафта, и создание собственного, идеологически и культурно-маркированного топонимикона.

С начала 90-х годов, когда с исторического прошлого Калининграда было снято идеологическое табу, жители области принялись извлекать из небытия следы присутствия Пруссии. Их культурно-семиотическая реабилитация происходила в двух основных направлениях: идеализация всего прусского в локальной интеллектуальной среде и прагматизация всего прусско-немецкого в среде зарождающегося частного бизнеса. Культурный ренессанс Пруссии в умах калининградцев пошел резко на убыль в 2010-ые годы, когда в печати стали появляться публикации о «ползучей» германизации области [Зиберова, 2017]. Постепенно острота полемики сошла на нет, и к настоящему времени социокультурная ситуация позволяет составить объективное представление о наличии прусско-немецкого компонента в эргонимиконе города, а также в языковом сознании калининградцев.

Отсутствие собственных историко-генетических корней в Калининградской области вынуждает калининградцев обращаться к немецкому прошлому региона с целью конституирования локального компонента, способного как создать региональную общность, так и составить отличие области от других российских регионов. Эти две задачи «локализации» пост-прусского региона в последние годы решаются не только в форме присвоения имен различным заведениям, но и в архитектурном облике города. По наблюдениям Е. Багиной, «Калининград в последнее время прославился реконструкцией панельных пятиэтажек 1960-х гг. Накладные фасады, имитирующие архитектуру XIX века. Это попытка включить инородные постройки в контекст старого города» [Багина, 2021, с. 29]. В неогерманизированный архитектурный ландшафт органически вписываются эргонимы, под которыми мы вслед за Е. А. Яковлевой и А. М. Емельяновой понимаем «особый разряд онима, собственное имя построек различного функционального профиля (дома, предприятия, фирмы, магазины, спорткомплексы, рынки, кинотеатры и т.д.), а также учреждений, деловых объединений, корпораций и пр.» [Яковлева, Емельянова, 2006, с. 85].

Общее количество калининградских эргонимов, содержащих эксплицитное отнесение к прусско-немецким реалиям, составило 140 единиц, что среди 9564 названий торговых заведений, составляет 1,46%. Первое место по частоте присутствия

среди локально маркированных эргонимов занимают названия, в которых в качестве первой части составных наименований различного типа используется основа немецкого топонима Кёнигсберг. 27 названий включают ее в нетранслитерированном немецком написании *König/ Kenig* («Keniglens», «Kenigshina», «Kenigvapeshop», «König Star» и др.); 37 – в виде кириллического написания *Кениг/ Кёниг* («Кёниг смайл», «Кёнигавтострой», «Кёниг-град недвижимост», «КенигМед», «Кенигтехно» и др.). Наиболее популярным в данном ряду является название сети пекарен «Königsbaker», которая, несмотря на ее немецкое написание, получает в устном употреблении произношение второй части сложного слова, свойственное английскому языку: 'beikər'. Примечательно, что в здании калининградской мэрии, по настоянию городской администрации, о чем было заявлено в городских интернет-СМИ, немецкое название обрело форму калькированного сочетания – «Королевский пекарь».

Вторым по активности присутствия в лингвистическом ландшафте города является название сети салонов оптики «KönigsOptik», которое дублируется калькированным названием «Королевская Оптика». Такая ситуация является скорее исключением, поскольку большинство названий, включающих немецкий элемент *könig*, как правило, подвергается лишь транслитерации или транскрипции: «Königsquash» / «Кенигсквош», «Keniglens» / «Кениглинз» и т.п.

Регулярной номинативной практикой является смешение элемента *König* с английскими словами в латинском («KenigHair» 'королевские волосы', «Keniglashes» 'королевские ресницы', «Kenigroof» 'королевская крыша' или в кириллическом написании: «Кёниг смайл», «Кениг-Силинг». Как следует из вышеприведенных примеров, использование в препозиции эргонимов усеченной основы немецкого названия города приобретает дополнительный прагматический смысл высокого качества предоставляемых услуг. Согласно словарю Т. Ф. Ефремовой, одно из значений прилагательного «королевский» описывается как переносное: «богатый, роскошный» [Ефремова, 2000].

Часть названий представляет собой гибрид основы *Kenig* с английскими словами («Kenig Doors», «Kenigwood»), либо с транслитерированным на латиницу вторым компонентом сложного слова («Kenigshina», «Kenig-stroy39»), или же имеет полностью кириллическое написание, в рамках которого основа *Кёниг* соединяется с основой русского слова, отделяемой от нее с помощью приема капитализации («КёнигКамин», «КенигТорг») и т.п.

Оригинальный пример контаминации немецкой основы *Кёниг* с русской, входящей в состав топонимов основой *-град*, находим в номинации «Кёниг-град недвижимост». Анализируя строение топонимических единиц с формантами данного типа в различных языках (*-штадт*, *-бург*, *-таун* и др.), Л. Б. Селезнева указывает, что «лексема собственного имени как бы поглощает лексему нарицательного – географического термина» [Селезнёва, 1975, с. 109]. Однако необычное соединение автохтонного топоформанта с немецким наименованием вызывает эффект неожиданности и эксплицитным образом указывает на идентификацию бывшего немецкого города как русского.

Случаи постпозиционного размещения основы *Кениг* единичны, например, «ГК-Кениг», в которой аббревиатура ГК расшифровывается как группа компаний, или

«Пиро Кениг», «Эко Кениг», «Идея-Кёниг», «АльпКёниг», «АРТ-кёниг». При этом можно заметить, что в постпозиции *Кениг* получает только кириллическое написание, хотя постановка двух точек над 'е', входящая в противоречие с современными нормами орфографии, может рассматриваться как отнесение к немецкому написанию и произношению буквы 'ö'.

К малочастотным номинативным техникам относится использование бывшего названия города полностью на русском языке (антикварный магазин «Кенигсберг», мебельный магазин «Кенигсберг», ювелирный магазин «Золото Кёнигсберга»). Менее эксплицитное отнесение к историческому имени города королей присутствует в названии развлекательного комплекса «Резиденция королей». Для людей, посвященных в тайны номинации или знакомых с немецким языком, его использование отсылает к историческому прошлому, для других может представлять собой прагматический аттрактор, работающий на эффект повышения статуса посетителей данного ресторана.

Идея Кёнигсберга как города королей реализуется при помощи иконических элементов. Чаще всего в эргонимах используется изображение короны, которое может сопровождать надписи, содержащие слова *королевский / кёниг / könig / king*: «Королевский пекарь», «Königsbäcker», «KÖNIGS ОПТИК» / «КОРОЛЕВСКАЯ ОПТИКА», «THEKINGS», «Резиденция королей».

Рис.1. Кафе-пекарня «Königsbäcker» / «Королевский пекарь»

Рис.2. Развлекательный комплекс «Резиденция королей»

Рис.3. Салон «KÖNIGS ОПТИК» / «КОРОЛЕВСКАЯ ОПТИКА»

Рис. 4. Барбешоп «THE KINGS»

Иконический элемент «корона» также встречается в виде пиктографемы, заменяющей буквы в слове. Например, в названии пивного магазина «АЛЬТШТАДТ» буква Ш трансформируется в корону, которая вместе с изображенным ниже крестом

являлась ранее частью герба Альтштадта – одного из трёх средневековых городов, из которых был образован Кёнигсберг.

Рис.5. Пивной магазин «АЛЬТШТАДТ»

Поскольку корона имеет не только прямые ассоциации с королями Кёнигсберга, но и является маркером «королевского» качества предоставляемых услуг и товаров, а также «королевского» отношения к клиентам, то данный иконический элемент появляется также на вывесках заведений, не связанных с историей «города королей». Например, на вывеске заведения быстрого питания «ОГОНЬ» изображение пламени, которое соответствует названию, включает в себя также изображение короны.

Рис.6. Заведение быстрого питания «ОГОНЬ»

Другой ряд калининградских эргонимов, апеллирующих к историческому прошлому, содержит хороним Пруссия (пять единиц). Чаще всего он используется автономно в именительном падеже номинатива: отель «Пруссия», фабрика мебели «Пруссия». Ряд эргонимов включают топоним Пруссия в состав более сложных структур, логическая мотивированность которых, а порой и грамотность написания вызывают сомнения. Так, эргоним «Пруссия-строй» построен по модели сложных слов, вторая часть которых представлена инвариантной основой *строй*-. Однако, если такие наименования фирм, как «Лесострой», «Добрострой», «Калининградстрой» эксплицитным образом указывают на конкретный материал, качество или место работы организации, то сочетание названия страны-призрака с компонентом *строй*- может быть воспринято как прямое указание на то, что именуемая себя таким

образом строительная кампания намерена заниматься не возведением жилых домов, а возрождением Пруссии. Название фирмы «Окна Пруссии» также способно вызывать вопросы с точки зрения транслируемого в нем смысла. Если номинации подобного рода в соотношении с именем существующей страны указывают на страну происхождения товаров (например, «Окна Германии»), то сочетание «Окна Пруссии» представляется достаточно странным с точки зрения возможности поставки окон из несуществующей страны.

Следующий эргоним, название ресторана «КУХНЯ ДЕ ПРУСС»/«KUCHEDEPREUSS», вполне прозрачен с точки зрения семантики, однако неясным остается принцип его написания на иностранном языке. Судя по предлогу DE/ ДЕ можно предположить, что «KUCHEDEPREUSS», по мнению номинатора, претендует на французскую версию транслитерации, однако наши лингвистические разыскания, на каком языке могло быть получено такое написание, окончились безрезультатно, если не считать вывода о том, что в процессе присвоения названия городским объектам должна все же осуществляться лингвистическая экспертиза.

Пять эргонимов содержат прилагательное «пруссский»: «Пруссский Мясной Комбинат», магазины «Пруссский сувенир», «Пруссский мед» и «Пруссский сад», а также архитектурно-строительное бюро «Восточно-Пруссский ландшафт». Наименования, включающие элементы прусской кухни, составили шесть единиц: «Брецель» (пивной ресторан), «Новый брецель» (банкетный зал), «Кайзервюрст» (ресторан; от нем. 'кайзеровская колбаса'), «Lecker» (ресторанчик; от нем. 'лакомый, аппетитный, вкусный, вкусно'), «Марципановый домик» (кондитерский магазин; марципан являлся типичным кондитерским изделием в Кёнигсберге). Отдельные наименования включают немецкие слова на исторически немотивированной основе, например, «AnglerHeim» (магазин для рыболовов; от нем. 'дом рыболова'), музей «AltesHaus» (с нем. 'старый дом') и некоторые другие.

Достаточно регулярным способом номинации является использование в эргонимах названий кенигсбергских улиц, районов и т.п. Общее их количество составило девять единиц, среди которых чаще всего встречаются названия магазинов, кафе или ресторанов. Так, имя «Понарт» получает целый торговый квартал, находящийся на месте одноименной известной пивоварни в Кёнигсберге. Пекарня «Amalienau» и хостел «Amalienau hostel & apartments» используют название одного из районов Кёнигсберга; ресторан «Штайндамм, 99» отсылает к довоенному адресу данного места.

На основе указания на бывшую локализацию строятся названия гостиницы «Обертайх» (от нем. 'Верхний пруд') и отеля-ресторан «Нессельбек». Находящийся на месте бывшего поселка и усадьбы Нессельбек (в переводе 'крапивный ручей') отель построен в концепции замка, а его название связано не только со специфической растительностью на берегах ручья, но и с локальными легендами, повествующими об обитающих в данной местности мифических существах. Историко-культурные ассоциации имеет также название отеля «Hanse», отсылающее к названию торгового и политического союза северогерманских городов в XIV–XVI веках Ганза.

Несколько более многочисленную группу (28 единиц) составляют названия, основанные на прусских или немецких антропонимах. Среди них численно

преобладает фамилия философа Иммануила Канта, используемая, в первую очередь, в целях брендинга Балтийского федерального университета. Целенаправленная, последовательная стратегия брендинга вуза с помощью имени немецкого философа в конденсированном виде представлена на сайте университета в так называемом брендбуке, содержащем базовые константы фирменного стиля, описание фирменного знака, логотипа, фирменных цветов, фирменного стиля в документах и фирменного стиля в рекламе и сувенирной продукции. Существует также сеть супермаркетов «Кант маркет», хостел «Oh, my Kant», кафе «Булочки Канта», сувенирный магазин «Лавка Канта», фаст-фуд кафе «Биг Кант Дог», строящийся микрорайон под названием «Кант-сити».

Следует отметить, что в год 300-летнего юбилея И. Канта «кантианизация» визуального пространства города приобрела еще больший размах и получила новые формы: это расставленные в центре города инсталляции в виде разворота книги с призывом «Почитай Канта!», обыгрывающим многозначность глагола «почитать»; это арт-объект с изображением глаз философа и надписями на русском, немецком, английском и китайском языках: «КАНТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ!» и некоторые другие объекты, вписываемые в лингвистический ландшафт города.

Другой известной личностью, связанной с историей города, является Эрнст Теодор Амадей Гофман, родившийся в Кёнигсберге. Имя этого немецкого писателя хорошо известно российскому читателю, поэтому достаточно активно используется в туристической сфере Калининграда, однако включено только в состав двух названий заведений общественного питания: кофейня «Гофман Кофе», ресторан «Hoffmann».

Имя первого герцога Пруссии Альбрехта, жившего в XVI веке и основавшего университет, носивший его имя – Альбертина, до сих пор можно встретить в эргонимах Калининграда: «Альбертина» (апартаменты), «Альбертина» (клиника эстетической медицины) и «Альбертина» (частная общеобразовательная гимназия с дошкольным отделением). Последний эргоним, вероятнее всего, связан именно с названием университета и призван вызывать ассоциации с солидным учебным заведением, имеющим многовековую историю.

Часть эргонимов относится к названиям высших должностей в германской империи или к конкретным лицам – носителям этих должностей. Так, в названиях «Кайзерхоф» (гостиница) и «Кайзервюрст» (ресторан) первая часть сложных слов *кайзер*- (нем. Kaiser от лат. caesar – ‘цезарь’): титул императора; лицо, носящее этот титул [БТСРЯ, 2004]. Несколько эргонимов содержат имя супруги императора Фридриха Великого, королевы Луизы: магазин дамской одежды «Луиза», ресторан «Луиза», магазин подарков «Королева Луиза», магазин цветов и винтажных товаров «Мастерская Королевы Луизы» и др. Ряд названий основан на использовании имен неизвестных или вымышленных личностей, но с явной отсылкой к немецкому языку или немецкой литературе: «Gustav Grossmann» (кафе), «Тётка Фишер» (ресторан), «Муза Карловна» (магазин для художников), «Три товарища» (пивной магазин).

К регулярно используемым элементам немецкого происхождения относится слово (морфема) *Хоф / Hof* (от нем. ‘двор, усадьба, гостиница’), включаемая в состав сложных слов в качестве топоформанта. Все эргонимы данного типа можно считать мотивированными, так как они именуют заведения, занимающие достаточно большую

территорию: отели, гостиницы и т.п. Часть названий пишется латиницей «Borkenhof Inn» (гостиница), «Ernsthof» (мини-гостиница), «VorderhofRest» (мини-отель), другая часть – кириллицей «Кайзерхоф» (отель), «Каролиненхоф» (хостел), «Фридрихсхоф» (мини-отель) и др. В двух названиях немецкий язык соседствует с английским «Borkenhof Inn» (гостиница), «VorderhofRest», что может быть объяснено стремлением усилить информационную функцию вывески, так как большинству населения английский язык известен больше, чем немецкий.

В результате количественного анализа представленности локально маркированных эргонимов в лингвистическом ландшафте Калининграда было выявлено, что в их состав входят различные онимы: астионим Кёниг (45%), хороним Пруссия (7%), годонимы (7%), антропонимы (20%), немецкие топоформанты 'хоф', 'берг' 'бург' (8,5%) и спорадично – имена артефактов – блюда восточно-прусской кухни (брецель, марципан) и некоторые другие, составляющие сотые доли процента от общего числа изученных номинативных единиц. Результаты количественного анализа представлены на следующей диаграмме:

Диаграмма 1. Процентное соотношение групп локально маркированных эргонимов

Для того чтобы узнать, насколько локально маркированные названия различных заведений известны калининградцам, мы провели анкетирование, в которое включили два вопроса: - Какие известные Вам торговые заведения Калининграда носят немецкие (пруссские) названия? и - Какие немецкие (пруссские) реалии или персоналии отражены в следующих названиях калининградских торговых объектов?

Карточки с вопросами выдавались анкетирваемым последовательно, чтобы исключить возможность подсказки, заключенную во втором вопросе. Всего в анкетировании с 1 марта по 1 апреля 2023 года приняли участие 100 человек: 50 человек: от 20 до 35 лет, и 50 человек свыше 35 лет. Обязательным условием для участия в анкетировании было проживание в городе Калининграде не менее пяти лет. Кроме возраста и срока проживания в городе, в анкете предлагалось указать уровень образования и род занятий (профессия) респондентов. Анализ анкетных данных показал, что среди возрастной группы до 35 лет высшее образование имели 78%, остальные – среднее образование. В группе свыше 35 лет высшее образование имели

64%, остальные – среднее образование. В графе «профессия» или «род занятий» указывались: студент (27%), учитель школы, гимназии и т.п. (11%), преподаватель вуза (15%), индивидуальный предприниматель (8%), продавец (2%), администратор (3%), программист (2%), менеджер (5%), безработный (4%), фрилансер (8%).

Анализ ответов на первый вопрос выявил: общеизвестным среди всех возрастных и профессиональных групп является только наименование крупной сети пекарен «Кенигсбейкер» (97%), многие респонденты указали также название транспортной компании «КёнигАвто» (15%). Около четверти опрошенных вспомнили названия производственной фирмы «Окна Пруссии» (20%), пивоварни «Понарт» – 25%, гостиницы «Берлин» – 17% отель-ресторана «Нессельбек» – 11%, ресторана «Штайндамм, 99» – 7%. Остальные эргонимы с прусско-немецким компонентом указывались незначительным количеством опрошенных. Анализ результатов позволил прийти к выводу, что степень известности эргонима зависит, в первую очередь, от внешних факторов: характера локализации в городе, присутствия заведения в виде сети в различных местах города (сеть «Кенигсбейкер»), расположенности в центре города (гостиница «Берлин»), а также от интенсивности рекламной кампании в локальных СМИ (реклама фирмы «Окна Пруссии», пивоварни «Понарт»). Примечательно, что несмотря на активное использование в эргонимах имени Канта и сетевой распространенности одноименных заведений, только пятеро респондентов указали в анкете название «Кант-маркет», что может свидетельствовать об аккультурации имени философа в языковом сознании жителей области.

Анализ социолингвистических факторов выявил, что возраст или профессия не оказывают существенного влияния на степень известности локально маркированных эргонимов, что вполне объяснимо всеобщей визуальной доступностью элементов лингвистического ландшафта города. В то же время знание реальных культурно-исторических соответствий немецко-маркированных эргонимов в значительной степени обусловлено возрастными особенностями населения: чаще всего правильные ответы давали представители возрастной группы от 30 до 40 лет, что можно объяснить их обучением в калининградских школах и вузах с 90-х до 2010 гг., когда региональный, т.е. прусско-немецкий компонент входил в программу обучения большинства учебных заведений г. Калининграда. Общеизвестной фигурой является Иммануил Кант (94% указали, что это кенигсбергский или немецкий философ, 6% написали, что Кант – калининградский философ). Только 38% указали верно, кто такой А. Э. Гофман, идентификация имени Луизы как прусской королевы была осуществлена только 28% респондентов, знание бывших названий улиц и площадей Кенигсберга проявили только 19%, из артефактов наиболее известными является кенигсбергский марципан – 23%.

Выводы. Выполненный нами анализ показал, что локальный компонент в лингвистическом ландшафте города, конструирующий чувство региональной идентичности его жителей на основе привязки региона к прусско-немецкому прошлому, имеет незначительную количественную представленность в названиях калининградских торговых заведений. Однако мультипликация употреблений в рамках сетевых заведений, а также значимость имен, выступающих в качестве основных прусско-немецких прецедентов (Кенигсберг, Пруссия, Кант), несомненно,

влияет на процесс формирования локальной идентичности как соединяющей в себе черты прошлого с настоящим, совмещающим прусско-немецкий и русский культурные коды.

Перспективы исследования видятся нам в расширении объекта исследования за счет анализа туристического дискурса и культурного медиаландшафта города, а также в углублении социолингвистических методов, с целью определения субъективной значимости и чувственных аспектов сопричастности российских граждан Калининграда к культурно-историческому наследию региона.

Литература

- Багина, Е. (2021). О глокализации естественной и искусственной. *Проект Байкал*, 18(69), С. 24–31. DOI: 10.51461/projectbaikal.69.1841
- Варламова, Е. В. (2021). Лингвистический ландшафт города Казани: особенности языковой интеграции. *Глобальный научный потенциал*, 2(119), 148–152.
- Варламова, Е. В., Тарасова Ф. Х. (2020). Лингвистический ландшафт города Казани: синхронический аспект. *Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы V Международного научного конгресса, Симферополь, 9-24 апреля 2020 г. Симферополь: ИТ «АРИАЛ»*. 16–19.
- Голомидова, М. В., Разумов, Р. В., Дмитриева, А. В., Горяев, С. О., Лань, Л., Клименко, Е. Н. (2023). *Городская топонимия: современная политика и практика именования*: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Еремина, Е. В. (2011). Региональная идентичность в контексте социологического анализа. *Регионоведение*, 3(76), 216–222.
- Кирилина, А. В. (2020). Описание лингвистического ландшафта города: лингвистика и «что-то» ещё или новое понимание языка? *Русский язык за рубежом*, 1(278), 49–55. DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.009
- Китайгородская, М. В. (2003). Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески. *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация*: сборник статей. Москва: Языки славянской культуры. 127–148.
- Красильникова, Е. В. (1988). «Язык города» как лингвистическая проблема // *Живая речь уральского города*: сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ. 5–18.
- Ларин, Б. А. (1977). К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок). *История русского языка и общее языкознание: избранные работы*: учебное пособие. Москва: Просвещение. 189–199.
- Манчурин, Л. Е., Сотникова, Ю. В. (2021). Перевод текстов вывесок как реализация двуязычия в Республике Саха (Якутия) (на примере города Якутска). *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 12(1), 1–15.
- Михайлюкова, Н. В. (2017). Тексты городских вывесок: диахронический аспект описания (на материале языка г. Владивостока). *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 2, 155–163.
- Пешкова, Н. П. (2019). Лингвистический ландшафт как отражение процессов глобализации и национальной самоидентификации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 3(819), 90–102.
- Прокуровская, Н. А. (1996). *Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска)*. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та.

References

- Bagina E. (2021). On natural and artificial glocalization. *Project Baikal*. 18 (69), 24–31. DOI: 10.51461/projectbaikal.69.1841. (In Russian).
- Eremina, E. V. (2011). Regional identity in the context of sociological analysis. *Regionology*. 3, 216–222. (In Russian).
- Golomidova, M. V., Razumov, R. V., Goriaevet, S. O., et al. *Urban Toponymy: Contemporary Naming Policies and Practices* (2023). Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russian).
- Kirilina, A. V. (2020). Description of the city linguistic landscape: linguistics and something else or a new language understanding? *Russian Language Abroad*. 1(278), 49–55. DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.009 (In Russian).
- Kitaigorodskaya, M. V. (2003). Active sociolinguistic processes in the sphere of urban names: Moscow signboards. *Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. 127–148. (In Russian).
- Krasil'nikova, E. V. (1985). Language of the city as a linguistic problem. *Live Speech of Urals City*. 5–18. (In Russian).
- Landry R., Bourhis R. (1997). Linguistics landscapes and ethnolinguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*. 16(1), 23–49. DOI:10.1177/0261927X970161002.
- Larin, B. A. (1977). Towards a linguistic characterization of the city (a few prerequisites). *History of the Russian Language and General Linguistics*. Moscow: Prosveshcheniye Publ. 189–199. (In Russian).
- Manchurina, L. E, Sotnikova, Yu. V. (2021). Translation of signs texts as the implementation of bilingualism in the Republic of Sakha (Yakutia). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 1(12), 1–15. (In Russian).
- Mikhailyukova, N. V. (2017). The urban signs texts in terms of linguistic description. *The Urban Signs Texts in Terms of Linguistic Description*. 2, 155–163. (In Russian).
- Peshkova, N. P. (2019). Linguistic landscape as expression of globalization and national self-identification. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 3 (819), 90–102. (In Russian).
- Prokurovskaya, N. A. (1996). *The city in the mirror of its language (on the linguistic material of Izhevsk)*. Izhevsk: Udmurt University Publ. (In Russian).
- Remchukova, E. N., Sokolova T. P. (2019). “Native” and “Foreign” in the communicative space of a Russian city. *Communication Studies*. 6, 1, 31–50. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(1).31-50 (In Russian).
- Selezneva, L. B. (1975). “Geographical Term – Toponym” structure in the Russian language. *Problems of Onomastics*. Sverdlovsk: Ural University Publ. 8–9, 107–114. (In Russian).
- Shkapenko, T. M., Zubritskaya, E. V. (2021). Hybrid nominations in linguistic landscape of Kaliningrad City. *World of Russian Word*. 4, 4–13. DOI 10.24412/1811-1629-2021-4-4-13 (In Russian).

Ремчукова, Е. Н., Соколова, Т. П. (2019) «Свое» и «чужое» в коммуникативном пространстве российского города. *Коммуникативные исследования*. 6(1), 31–50. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(1).31-50

Селезнёва, Л. Б. (1975). Структура «географический термин – топоним» в русском языке. *Вопросы ономастики*. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 8-9, 107–114.

Топоров, В. Н. (2000). Страничка из этнокультурной и языковой истории юговосточнобалтийского ареала (об одной топонимической катастрофе). *Res Linguistica: к 60-летию профессора В.П.Нерознака: сборник статей*. Москва: Academia. 43–52.

Шкапенко, Т. М., Зубрицкая, Е. В. (2021). Гибридные номинации в лингвистическом ландшафте г. Калининграда. *Мир русского слова*, 4, 4–13. DOI 10.24412/1811-1629-2021-4-4-13

Шмелева, Т. В. (2020) *Великий Новгород: ономастический портрет*. Великий Новгород: ТПК «Печатный Двор».

Яковлева, Е. А., Емельянова, А. М. (2006). Ономастическое пространство как составная часть «языка города» и его основные единицы (на примере эргонимов г. Уфы). *Вестник Башкирского университета*, 3(11), 90–93.

Landry R., Bourhis R. (1997). Linguistics landscapes and ethnolinguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*. 16(1), 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002

Источники

БТСРЯ - *Большой толковый словарь русского языка*. (2004). Санкт-Петербург: Норинт.

Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*: свыше 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц: в 2 т. Москва: Русский язык.

Жеребило, Т. В. (2010). *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим.

Зиборова, Т. (2017). «Облизывание немецкого»: как калининградские СМИ боролись с «германизацией». *Новый Калининград: официальный сайт*. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/15280621-oblizyvanie-nemetskogo-kak-kaliningradskie-smi-borolis-s-germanizatsiy.html>

Shmeleva, T. V. (2020). *Veliky Novgorod: an onomastic portrait*. Veliky Novgorod: Pechatniy Dvor Publ. (In Russian).

Toporov, V. N. (2000). A page from the ethno-cultural and linguistic history of the South-Eastern Baltic Area (About one toponymic catastrophe). *Res Linguistica. Collection of Articles: To the 60th Anniversary of Prof. V. P. Neroznak*. Moscow: Academia Publ. 43–52. (In Russian).

Varlamova, E. V., Tarasova, F. Kh. (2020). Linguistic landscape of the City of Kazan: Synchronistic aspect. *Foreign Philology. Social and National Variation of Language and Literature: materials of the 5th International Scientific Congress, Simferopol, April 9–24, 2020*. 16–19. (In Russian).

Varlamova, E. V. (2021). Linguistic landscape of Kazan: features of language integration. *Global Scientific Potential*. 2, 148–152. (In Russian).

Yakovleva, E. A., Emelyanova, A. M. (2006). Onomastic space as an integral part of the "Language of the City" and its basic units (on the example of egonyms of Ufa). *Bulletin of Bashkir State University*. 3 (11), 90–93. (In Russian).

Sources

Efremova, T. F. (2000). *New Explanatory Dictionary of Word Formation: over 136,000 dictionary entries, about 250,000 semantic units: in 2 volumes*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ. (In Russian).

Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. (2004). S. A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian).

Zherebilo, T. V. (2010). *Dictionary of linguistic terms*. Nazran': Piligrim. (In Russian).

Ziberova T. (12.10.2017). "Licking German": How Kaliningrad media fought "germanization". Retrieved from <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/15280621-oblizyvanie-nemetskogo-kak-kaliningradskie-smi-borolis-s-germanizatsiy.html>. Accessed 03.04.2024. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Зубрицкая, Е. В., Шкапенко, Т. М. (2024). Репрезентация локальной идентичности в лингвистическом ландшафте Калининграда. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 19–33. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-19-33

For citation:

Zubritskaya, E. V., Shkapenko, T. M. (2024). Representation of local identity in Kaliningrad linguistic landscape. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 19–33. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-19-33

Оценки повседневности в речи красноярцев

Е. В. Осетрова

Evaluations of everyday life in Krasnoyarsk residents' speech

E. V. Osetrova

Елена Валерьевна Осетрова – доктор филологических наук, профессор; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

Elena V. Osetrova – Doctor of Sciences in Philology, Professor; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation

E-mail: osetrova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2894-2254

Статья поступила. 10.05.2024. Принята к печати: 20.06.2024.

Received: 10/05/2024. Accepted for publication: 20/06/2024.

В статье на материале повседневной речи жителей Красноярска рассмотрены позиции оценки в семантической структуре высказывания: пресуппозитивная, кваликативная, актантная, пропозитивная и модусная. Вследствие различной степени ее эксплицитности и определенности, что в том числе связано со спецификой перечисленных позиций, оценка по-разному влияет на «правый» контекст, который, как показывает анализ, развивается в нескольких направлениях: обоснование (аргументы) оценки; трансформация содержания оценки (детализация оценки / корректирование оценки / альтернативная оценка); трансформация объектного поля оценки (детализация объекта / увеличение количества объектов); интерпретация воздействующего потенциала оценки (цель оценки). Таким образом, в повседневной речи введение оценочного элемента регулярно становится стимулом для формирования более или менее объемного высказывания, а в ряде случаев и целого диалога с оценочным содержанием. На развитие аксиологического контекста очевидно влияют факторы времени, места и обстоятельств общения. К примеру, рекреационный режим, в котором регулярно оказывается человек в отпуске, в периоды праздников или в выходные дни, в обстоятельствах выездного отдыха, «прогулок на свежем воздухе», «дружеской болтовни» – коррелирует с установками на гармоничное восприятие окружающего мира, лояльное отношение к окружающим и положительную оценку. При том, что контекстное развитие оценки может приобретать инициативный либо реактивный характер, основанное соответственно на коммуникативной воле автора либо от адресата, выделенным объектом оценки, значимым для дальнейшего «продвижения» аксиологической микротемы, является адресат высказывания. Этот статус второго участника разговора стимулирует особую деятельность автора, который в обстоятельствах межличностного контакта готов обратить свое квалифицирующее внимание на адресата, переместить его позицию из коммуникативной (участник разговора) в содержательную, аксиологическую (объект оценки), плоскость, демонстрируя ему свое предпочтение либо, напротив, неодобрение. Словарь обыденной оценки вполне прост, часто клиширован и не отличается особым разнообразием: *хорошо, плохо, нормально, классно,*

The article, based on the material of everyday speech of residents of Krasnoyarsk, examines the positions of evaluation in the semantic structure of a statement including presupposition, qualifying, actantial, proposition and modus. Due to the varying degrees of its explicitness and certainty, which is also related to the specifics of the listed positions, the evaluation has a different impact on the “right” context, which, as the analysis shows, develops in several directions including evaluation justification (arguments), transformation of the content of the evaluation (evaluation detailing / evaluation adjusting / alternative evaluation), transformation of the object field of the evaluation (object detailing / increasing the number of objects), interpretation of the impact potential of the evaluation (the purpose of the evaluation). Thus, in everyday speech, the introduction of an evaluative element regularly becomes a stimulus for the formation of a more or less long statement, and in some cases, an entire dialogue with evaluative content. The development of the axiological context is obviously influenced by factors of time, place and circumstances of communication. For example, the recreational mode when a person regularly finds themselves on vacation, during holidays or on weekends, in circumstances of outdoor recreation, “walks in the fresh air,” “friendly chat” correlates with attitudes towards a harmonious perception of the world around them, a loyal attitude to others and a positive evaluation. Given that the contextual development of an evaluation can acquire a proactive or reactive nature, based, respectively, on the communicative will of the author or from the addressee, the selected evaluation object, significant for the further development of the axiological micro-topic, is the addressee of the statement. This status of the second participant in the conversation stimulates the special activity of the author, who, in the circumstances of interpersonal contact, is ready to turn their qualifying attention to the addressee, move their position from the communicative (a participant in the conversation) to the substantive, axiological (evaluation object) plane, demonstrating their preference or, on the contrary, disapproval. The vocabulary of everyday evaluation is quite simple, often clichéd and not particularly diverse: *khoroшо (good); plokhо (bad); normal'no 'OK'; klassno, moshch 'cool'; zhestko 'tough'; molodets 'well done'; etc.* – the most frequent evaluation predicates.

жестко, мощь, молодец и под. – наиболее частотные предикаты оценки.

Ключевые слова: повседневная речь, оценка, пропозиция, актанта, модус, аргумент, коммуникативная цель, воздействие

Keywords: colloquial speech, assessment, proposition, actant, modus, argument, communicative purpose, impact

УДК 811.161.1: 81`42(571.51)

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Устная речь – типичное пространство для активирования и демонстрации аксиологической шкалы, «встроенной» в индивидуальное мировосприятие любого носителя языка, а значит, – для интенсивного, разнообразного использования им оценочных форм. В практике языка современного города [Земская, 2004, с. 247, 272–274 и др.], в том числе повседневной городской речи [Китайгородская, Розанова, 2010, с. 9–33; Крысин 2021, с. 23], оценка оказывается весьма востребованной: неcodифицированность, неформальность и неподготовленность речи, реализуемой в условиях неофициальной, бытовой и околобытовой коммуникации, порождают у носителя языка ощущение поведенческой, содержательной, наконец, экспрессивной свободы. Нас интересует текстообразующая роль оценки, а также варианты ее развития, когда она стимулирует появление оценочной микротемы, помогая дальнейшему развитию высказывания или диалога. Уже упомянутые раскрепощенность, спонтанность речи в неформальной обстановке – с одной стороны, а с другой стороны – установка на поддержание общения приводят к необходимости оперативной реакции на реплику собеседника: субъективное оценочное суждение – один из стандартных и освоенных способов такой реакции, не требующий от носителя языка ни специального знания, ни особой информированности «по существу вопроса», ни коммуникативного напряжения.

С учетом сказанного комплексной целью представленного анализа становится описание позиций оценки в семантической структуре устных высказываний и далее – исчисление вариантов следующих затем комментариев, выявленных в городской речи жителей Красноярска и поддерживающих аксиологическое интерпретирование предложенной для разговора темы.

История вопроса. Показательно, что аксиологическая проблематика формирует один из современных, четко обозначенных векторов интереса регионального – в нашем случае красноярского – лингвистического сообщества независимо от предметной и дисциплинарной ориентированности конкретных исследований.

Оценочная компонента, в частности, определена как главный научный объект в рамках трехлетнего проекта (2020–2022 гг.), направленного на изучение ценностной картины мира педагогов Красноярского края [Васильева, 2022]. Используя, метод семантического гештальта, методики социолингвистического и психолингвистического экспериментов, положения теории интериоризации, участники проекта под руководством С.П. Васильевой не только формируют электронную базу данных [Ассоциативный словарь...], но и дают различные интерпретации собранного материала, базируясь на анкетах действующих и будущих субъектов образовательной сферы Красноярска [Тимченко, Бурмакина, 2022], Дивногорска [Устьянцева, 2021] и

Канска [Васильева, 2022]. В итоге реконструируется развернутая и многоуровневая Модель ценностной картины мира профессиональной группы «педагог» Красноярского края, взаимосвязанная с более локальной лингвистической моделью идеального учителя и презентующая значимые для данной группы общечеловеческие (в том числе *жизнь, работа, отдых, любовь, время*) и профессиональные ценности (в том числе *школа, урок, экзамен, дети*), личностные качества (в том числе *трудолюбие, коммуникабельность, долг, доброта, терпение, справедливость, скромность, человечность*), проблемные, а потому неоднозначно оцениваемые элементы процесса обучения (в том числе *отчет, ФГОС, ЕГЭ, ОГЭ*).

Не менее впечатляющими оказываются результаты, опубликованные О.В.Фельде в соавторстве с коллегами, более десяти лет (2012-2022 гг.) исследовавшими старожильческую лингвокультуру и ценностную картину мира жителей Северного Приангарья и собравшими коллекцию диалектологических интервью, меморатов, персонифицированных нарративов, быличек в Кежемском, Богучанском, Мотыгинском районах Красноярского края [Фельде, 2022]. Универсальная языковая оппозиция «свои – чужие» использована в данном случае как содержательное и концептуальное основание, позволяющее расшифровать один из традиционных культурных кодов или, по крайней мере, существенно продвинуться в понимании его элементного (здесь – ролевого) состава. Концепты *сибиряки, ангарцы, деревенские*, то есть «свои», и *ссылные, вербованные, городские*, то есть «чужие», оказываются буквально пронизаны оценочными и эмотивными коннотациями [Смирнов, 2023]. Стоит отметить, что в данном контексте положительная оценка часто захватывает в ближний круг не только «своих», но и «чужих», участвуя в трансформации последних в «иных», снимая напряжение в рамках динамической модели «настороженность → сочувствие → симпатия → уважение» и манифестируя терпимость старожилков к проникающей в их пространство новой культуре [Смирнов, 2023].

Внимание автора этой статьи сосредоточено на языковой оценке, однако она изучается не в рамках теории психолингвистики и лингвокультурологии, а в традициях изучения «языка города», заложенной в Красноярске в середине 80-х гг. XX века [Шмелева, Михалап, 1987]. Эта традиция заметно проявила себя во многих публикациях и нашла одно из продолжений в работах по речеведению, в которых используются понятия общественно-языковой практики, речи и речевого поведения [Шмелева, 2003].

Методология и методы исследования. Оценочность – одна из самых изученных лингвистических категорий – не раз становилась объектом глубокого и разностороннего семантического анализа в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988; 1999, с. 130–274], Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1995а, с. 67–68, 225–226, 292–294, 300–302; 1995б, с. 351], Е. М. Вольф [Вольф, 1985], В. Н. Телия [Телия, 1986], А.Д. Шмелева [Шмелев, 2002, с. 294–462], О. Ю. Богуславской [Языковая ..., 2006, с. 492–500] и многих других исследователей.

В последние годы основанием, помогающим структурировать результаты профессионального интереса к обозначенному объекту, становится, если можно так выразиться, «сферный» аспект: оценка и оценочность все чаще начинают интересовать

лингвистов с учетом координат, обуславливающих практику их дискурсивного применения. Оценочные смыслы, формы и функции изучаются в границах текстов СМИ [Шмелева, 2021; Харитоновна, 2021; Ходасевич, 2020], политического дискурса [Богуславская, Осетрова, 2024; Яо, 2022], электронной среды [Шмелева, 2023; Осетрова, Сквородкина, 2022], разговорной речи [Revenko, Osetrova, 2022].

Имея в виду богатую научную традицию, дающую понимание структуры этой категории, детализирующей ее содержание, определяющей значимое присутствие в картине мира всякого носителя языка, акцентируем внимание на тех положениях аксиологической теории, которые представляются существенными для интерпретации собранного материала.

Рассуждая о прагматике языкового знака, Ю. Д. Апресян выделяет в значении лексемы коннотативный аспект, включающий в том числе связанные со словом эмотивные и «экспрессивные элементы значения», общие для носителей одной культуры, одного языка, входящие составной частью в фонд «культурных традиций» [Апресян, 1995а, с. 67] и, добавим, тесно связанные с оценочностью.

Представление о наличии эмотивного компонента в значении слова, воспринятое как ключевая идея и возведенное в ранг методологического постулата, обусловило развитие целого научного направления, так называемой «лингвистики эмоций», или эмотиологии [Шаховский, 2007; 2009; 2023], одно из положений которой – обусловленность эмотивного компонента не только семантической структурой слова, но и условиями коммуникативной ситуации, в которой оно употреблено [Ионова, 2019, с. 124], и эмоциональным состоянием говорящего [Солодилова, Шепеля, 2015].

Возвращаясь к наблюдениям Ю.Д. Апресяна, отметим, что, кроме коннотативной части значения языкового знака, ученый, ссылаясь на А. Вежбицку и Ч. Филлмора, выделяет его модальную рамку, или пресуппозицию, в которой «отражена оценка описываемой ситуации» говорящим, слушающим, а иногда учитывается позиция воспринимающего, то есть наблюдателя, непосредственно не участвующего в общении [Апресян, 1995а, с. 68–69]. На эту же закономерность обращает внимание Н. Д. Арутюнова, когда, анализируя функционирование оценки уже на уровне высказывания, показывает, что суждения о предпочтении, не могут порвать связи не только с говорящим как субъектом мнения, но и с адресатом, а потому полемичны и диалогичны [Арутюнова, 1999, с. 270–271].

По сути, «оценка задает определенные параметры дискурса», поскольку сама она обладает «сильной валентностью на смысловое развертывание», а ее маркеры – оценочные предикаты – информативно недостаточны, требуя от текста компенсировать их смысловую неполноту и неоднозначность [Там же, с. 215]. Как типичные приемы компенсации Н.Д. Арутюнова рассматривает а) дескриптивное развертывание оценки, когда сначала сообщается аксиологический итог, и вслед за тем дается фактическая характеристика объекта или положения дел; б) интерпретирующие (предполагаемый вопрос *Что значит хороший/плохой?*), и в) каузальные отношения (предполагаемый вопрос *Почему хороший/плохой?*) [Там же, с. 216–218]; г) варианты преобразования оценочных компаративов в коммуникативную цель (*Иди лучше домой*) [Там же, с. 271]. Таким образом, «аксиологические суждения не утрачивают связи с коммуникативной ситуацией, сохраняя за собой право в нее

вернуться. Это потенциальные **блоки повседневного речевого обмена** (выделено мной. – Е.О.)» [Там же, с. 271].

Все сказанное, в свою очередь, подводит к выделению одной из очевидных «практических» характеристик оценки – высокой степени ее функциональности, которая проявляется не только при формировании эмоционально-ценностного представления об окружающей действительности и ее отдельных фрагментах, но имеет ощутимый коммуникативный потенциал: ориентируясь на то, что «хорошо» и «нравится», и учитывая то, что «плохо» и «не нравится», субъект часто осуществляет свою речевую деятельность.

В данной статье на материале повседневной речи жителей Красноярска, собранном в режимах стороннего либо включенного наблюдения с декабря 2022 г. по март 2024 г. с использованием методики непосредственной записи фрагментов устной речи, во-первых, представлены позиции оценки, которые она занимает в семантической структуре высказывания; а во-вторых, рассмотрены типичные варианты ее контекстного развития.

Анализ материала. С учетом комплексной цели, сформулированной в начале статьи, представим сначала позиции оценки в семантической структуре высказываний, составляющих контекст повседневной городской речи жителей Красноярска.

Во многих случаях оценка заводится в пресуппозицию, когда автор рассчитывает на то, что у него и у адресата имеются общие представления об описываемой ситуации; ср. примеры:

Сколько раз я к ней прихожу / столько раз она меня в пижаме встречает... Ага?,

– то есть это плохо;

Представляешь / я читала / тридцать процентов бюджета Грузии дают приезжие русские //

– здесь, скорее, сдержанная гордость;

В Америке какая-то горилла до сорока семи лет дожила // Знала двести пятьдесят слов / а понимала пятьсот слов!; У алабая мозг двести пятьдесят грамм / а его человек обмануть не может!

– а здесь восхищение способностями животных.

Оценка, кроме того, вполне предсказуемо находит разнообразные возможности быть репрезентированной в диктуме:

- оформляется в позиции квалификатива:

*...он **плоховато** здесь объяснил; Надо посмотреть лекцию Станислава Дорошевского... **шикарная** лекция!*

- влияет на выбор языковой формы для описания участников ситуации – актантов: *...Это моя **красавица**(о дочери) сказала; **Грубьянка** эта (о продавце) опять... опять мне на вопрос демонстративно не ответила / которая из «Красного Яра» // Я тебе уже жаловалась //*

- включается через предикат в событийные пропозиции состояния-отношения и действия:

Ты знаешь как я тебя люблю?; Я всем своим подарила[подарки]/ свекрови / сыну / внукам; А знаешь / в «Гремячей Гриве» визит-центры отремонтировали;

- организует содержание логической пропозиции характеристики, активно используемой как для квалификации объектов и третьих лиц, так и для самохарактеристики; ср.:

Красноярск осенью клевый... короче стильный!; Поедем туда! Там такой лес, птички поют! А река какая чудесная!;

Он такой там монстр был / е-мое; Сергей Савельев / он такой... молодец!;

Я гениальный!; Я не любитель таких походов; Я себя чувствую какой-то неполноценной.

Наконец, в случае, когда оценка заполняет модусную часть, или «модус-позицию», ее доминирование в пространстве целеполагания конкретного высказывания, усиленное манифестацией «живой» эмоции, не оставляет сомнений: *Смотри / травка зеленая! Так мило!... А на Столбах еще нет; Я столько колбасы тебе скормила! Ужас!; Плохо что зима; Она позвонила / сказала что придет // Жестко ваще... не пришла.*

Вследствие различной степени эксплицитности и определенности, что, помимо прочего, связано с использованием той или иной семантической позиции, оценка по-разному проявляет себя в контексте повседневной речи, так сказать, имеет в нем разный вес.

Ее присутствие может быть единичным, точечным вкраплением, не имеющим развития, как, например, в случае, когда она используется в функции итога, завершая микротему:

[Молодой человек, 17-18 лет, по дороге в национальный парк «Красноярские Столбы» рассказывает о знакомом]. *Он из таких парней / появляются из ниоткуда / метр восемьдесят пять... Мощь!*

Однако регулярно участники повседневного общения расширяют семантическое поле высказанной оценки в том или ином аспекте. Тогда открывается ее «правый» контекст.

Сосредоточимся далее на исчислении вариантов соответствующих комментариев, выявленных в речи красноярцев и развивающих аксиологическое интерпретирование по нескольким типовым основаниям: аргументы (обоснование) оценки; уточнение знака оценки и ее качества (точность, уместность, эстетичность и т.п.); альтернативная оценка объекта; уточнение объекта оценки; и др.

Как один их вариантов комментария примем обоснование оценки; оно состоит в развертывании одного, а иногда и целой серии аргументов, базирующихся на описании некоего положения дел; см. пример:

[Разговор двух приятельниц о бизнесе] *Нет / я имею в виду / то что ниши которые освободили / русские хорошо занимают! (аргументирование оценки →) У меня подружка сделала свою серию дорогих брючных костюмов высшего качества // Свой бренд // Так их влет расхватали / как пирожки!;*

[Женщина, около 40 лет, в разговоре с подругой «о жизни»] *Красотища! (аргументирование оценки →) Живу / ни о чем не парюсь!;*

[Девушка, около 20 лет, в разговоре с подругой о предстоящем экзамене] *У меня уже нет страха!* (аргументирование оценки →) *Я произведение прочитала, все знаю!*

Другое типичное направление комментирования имеет в виду трансформацию первичной оценки, которая связана с изменением содержания последней в большей или меньшей степени, реализуясь, к примеру, через ее детализацию:

[Учительница, 40-45 лет, в неформальном разговоре с коллегами об учениках] *Саша замечательный мальчишка! Мне он очень нравится!* (детализация оценки →) *Он какой-то светлый / открытый / добрый.*

В этих же рамках возможна, кроме того, корректировка оценки:

[Двое мужчин, А и Б, по дороге в национальный парк «Красноярские Столбы» пытаются разглядеть с дороги Первый Столб].

А. *Здесь очень плохо видно!*

Б. (корректировка оценки →) *Ну что-то (видно) // Самый край – то есть не совсем плохо.*

Очередной вариант трансформации, который показал записанный материал, демонстрирует альтернативную оценку противоположного знака и как следствие – речевое напряжение с конфликтным потенциалом:

[Разговор родственников о белках, которые водятся в пригороде Красноярска]

Женщина. *Там люди белочек кормят! Они взбираются на тебя и смотрят!*

Милые / пушистые!

Мужчина (скептически). *Ага...*

Женщина. (провокация альтернативной оценки →) *А что? Вам белки не нравятся?*

Мужчина. (введение альтернативной оценки →) *Так белки разносчицы энцефалита! У нас белка девочку укусила / ей уколы от энцефалита поставили;*

[Две женщины, пожилая и молодая, в эко-парке «Гремячая Грива» идут навстречу друг другу и одновременно замечают оброненную перчатку]

Пожилая (обращаясь к молодой). *Вот перчатку надо сюда положить / на пенек!*

Молодая (поднимает перчатку и кладет на пенек). *Ну как-то плохо видно.*

Пожилая. (введение альтернативной оценки →) *Нет! Хорошо! По-моему прекрасно видно!*

Трансформация объектного поля оценки – третье направление развития аксиологического контекста; в его границах объект детализируется, даже дробится:

[Два молодых человека около 20 лет; обсуждают свои увлечения] *Я сейчас по одной крутой схеме раскачиваюсь // (детализация объекта →) Только ем и сплю / чтобы калории не тратить!*

Здесь же наблюдается увеличение количества оцениваемых объектов:

[Разговор подруг, А и Б, о новогодних украшениях и декорировании квартиры]

А (глядя на ветки и светящиеся гирлянды, украшающие сервант). *Как красиво! И огоньки горят // Это ты сама сделала?*

Б. *Да нет / купила уже готовые //*

А. (переход к новому, сопряженному с первичным, объекту оценки →) *Все равно(ты)молодец!*

Можно наблюдать, насколько оперативно внимание одной из участниц разговора переключается на собеседницу, и последняя начинает исполнять «роль» оцениваемого объекта, способствующего расширению аксиологического контекста.

Еще один случай трансформации того же типа демонстрирует следующий диалог:

[Девушка и молодой человек рассматривают детей из окна визит-центра национального парка «Красноярские Столбы»]

Девушка. *Смотри / сколько здесь детей! Какие молодцы! Дошли ведь! ...* (переводит взгляд на молодого человека; введение нового объекта оценки →) *И ты молодец!*

Молодой человек (удовлетворенно кивает).

Очевидно, что в последних двух случаях количество объектов оценки увеличивается именно за счет позиции собеседника. Трактовать это мы предлагаем так, что автор, положительно квалифицируя некий объект (*гурлянду, детей* и т.п.), одновременно чувствуя сопричастность в отношении к адресату, выказывая ему личную приязнь, распространяет и на него комплиментарную/хвалебную оценку.

Впрочем, с учетом той же тенденции – включение в поле актуального оценочного целеполагания находящегося в пределах пространства коммуникации субъекта – регулярно развивается и неодобрительная, пейоративная оценка, выражающая большее или меньшее недовольство. Это описывается в обыденной картине мира фразеологизмом «попасться под руку»:

[Разговор матери с сыном]

М. *Даня! Ну как не стыдно! Просила же убраться в комнате // Как было / так и осталось...*

С. *Ну мам...*

М. [Входящему в комнату младшему сыну] *А у тебя тоже не убрано! Оба мать не жалеете //*

Квалификационное целеполагание, как будто втягивая в свой контекст близких автору-оценщику субъектов, в том числе открывая данный контекст для самого автора, может предполагать и смену оценочных модусов. В таком случае активируются пропозиция сравнения, содержание которой удовлетворяет формуле «один положительный – другой не вполне положительный», либо пропозиция противопоставления, помогающая подчеркнуть контраст «один хороший – другой плохой»; к примеру:

[Пожилая женщина о своем сыне] *Сын у меня очень умный/ тонкий/ думающий человек // Я-то с ним не сравнюсь... Я дурная / взбаломошная...*

Тот же языковой потенциал используют, когда «своих», «родных» критикуют или хвалят на фоне заочной оценки сторонних субъектов:

[Разговор подруг о детях] *Они какие-то необыкновенные / наши мальчики // Я таких больше не знаю! У всех какие-то вечные проблемы с детьми / то не так / это... учеба... лень... А наши молодцы!*

Перечисленные варианты комментариев могут реализоваться автономно, а могут быть использованы комплексно; например:

[Беседа двух знакомых, А и Б, 40-50 лет, о социальном пространстве города]

А. **Красноярск за два-три года преобразился!**

Б. *Сейчас такие города стали! Все чистенькие / ухоженные // все подметено / огоньки горят... Рыбинск! В него много вложили // там такой поток туристов! ... А Москва! Социальных заказов столько! Затык просто! Бери делай / например поликлиника в шаговой доступности // Только деньги осваивай!*

Собеседник Б, развивая оценку, сначала увеличивает количество объектов, причем добавленный объект – более масштабен (*Красноярск → города*), а затем как будто делает шаг назад и дробит его (*города → Рыбинск, Москва*), не забывая аргументировать каждую из оценок. В подобных случаях текстообразующая функция оценки наиболее очевидна.

Далее обратим внимание на ролевой аспект нашей проблемы, то есть на участие в диалоге автора и адресата.

Как показывает приведенный выше материал, оценочный контекст имеет характер не только инициативный, когда сам автор чувствует уместность более или менее подробного комментария, но и реактивный, когда в развитии его оказывается заинтересованным уже адресат; см. пример:

[Разговор в автобусе. Кондуктор, женщина, около 60 лет, улыбаясь, получает деньги и отдает билет пассажиру, молодому мужчине]

Мужчина (улыбается в ответ). *Мне улыбаются / и я улыбаюсь//*

Кондуктор. *Ну и правильно! ... А то большинство сейчас какие-то загруженные.*

Положительно описанное положение дел, каузирует, в свою очередь, второго участника ситуации – кондуктора – на кооперативный поддерживающий речевой акт, касающийся не только самой «сентенции» (*Мне улыбаются / и я улыбаюсь*), но прежде всего мимической реакции собеседника, прочтенной как положительное социальное со-действие.

Когда же адресат ощущает дефицит содержательного основания – недостаточность аргументов, сомнительность предпринятой квалифицирующей интерпретации и т.п., – тогда реакция может быть не столь положительной, точнее, даже критичной:

[Внучка в гостях у бабушки; включен телевизор. Ведущая программы, представляя поэта, говорит, что он написал более ста стихотворений]

● Б. **Какой талантливый! Сто стихотворений!**

В. **А что / талант измеряется количеством написанного?**

Б. Ну если он столько написал / значит его печатают / многие люди читают / он нравится людям // Значит талантливый.

Особый тип реактивного оценочного комментария возникает, если адресат, переводя оценку в функциональную плоскость целеполагания, интерпретирует ее как воздействие, манипуляцию или переубеждение; ср. примеры:

[Разговор мужа и жены]

М. (заходит в квартиру). *Как вы тут сидите?! Воздух **спертый** / **Духота** //*

Ж. *На улице минус двадцать... Ладно / сейчас окно **открою**;*

[Разговор мужа и жены]

Ж. *Плов у тебя получается **вкуснейший!** Как у настоящего узбека!*

М. *Можно было просто прямо сказать / **пойди приготовь** плов //;*

[Родители в прихожей; отговаривают сына ехать за город с друзьями]

Мать. *Там **холодно** // Дача **хлипкая** // Топить наверное никто **не умеет** //*

Сын (одеваясь, иронично). *Ну вы подготовились... Очень издалека было... Очень сильный аргумент // **Бесполезно** меня **переубеждать!***

Если быть более точным, в подобных случаях оценка, стимулирующая совершение каких-либо действий либо предполагающая отказ от них со стороны адресата, порождает комментарий, свидетельствующий о расшифровке косвенного императива: ответное согласие либо отказ исполнить действие. Тогда же возникает риск преобразования ситуации нейтрального повседневного общения в ситуацию разногласия или конфликта.

Результаты анализа. Итак, в повседневной речи красноярцев введение оценочного элемента регулярно становится стимулом для формирования более или менее объемного высказывания, а в ряде случаев и целого диалога оценочным содержанием.

Оценки, реализованные в позициях с разным семантическим статусом (пресуппозитивная, квалификативная, актантная, пропозитивная и модусная), имеют равные возможности быть развитыми в контексте повседневной речи в нескольких направлениях:

- обоснование (аргументы) оценки,
- трансформация содержания оценки (детализация оценки / корректирование оценки / альтернативная оценка),
- трансформация объектного поля оценки (детализация объекта / увеличение количества объектов),
- интерпретация воздействующего потенциала оценки.

Словарь обыденной оценки вполне прост, часто клиширован и не отличается особенным разнообразием: *хорошо, плохо, нормально, классно, жестко, мощь, молодец* и под.– наиболее частотные предикаты оценки.

Выводы. Таким образом, в повседневной речи красноярцев введение оценочного элемента регулярно становится стимулом для формирования более или менее объемного высказывания, а в ряде случаев и целого диалога с оценочным содержанием. На развитие аксиологического контекста очевидно влияют факторы

времени, места и обстоятельств общения. К примеру, рекреационный режим, в котором регулярно оказывается человек в отпуске, в периоды праздников или в выходные дни, в обстоятельствах выездного отдыха, «прогулок на свежем воздухе», «дружеской болтовни» – коррелирует с установками на гармоничное восприятие окружающего мира, лояльное отношение к окружающим и положительную оценку.

При том что контекстное развитие оценки может приобретать инициативный либо реактивный характер, основанное соответственно на коммуникативной воле автора либо от адресата, выделенным объектом оценки, значимым для дальнейшего «продвижения» аксиологической микротемы, является адресат высказывания. Этот статус второго участника разговора стимулирует особую деятельность автора, который в обстоятельствах межличностного контакта готов обратить свое квалифицирующее внимание на адресата, переместить его позицию из коммуникативной (участник разговора) в содержательную, аксиологическую (объект оценки), плоскость, демонстрируя ему свое предпочтение либо, напротив, неодобрение.

Наблюдения, подобные представленным выше – базирующиеся на региональном языковом материале, – ожидаемо провоцируют вопрос: что в данном материале справедливо отнести к универсальному, свидетельствующему об общих механизмах функционирования языка, а что – к специфическому? Можно, в частности, предположить, что региональная координата контекста будет маркировать круг территориально значимых объектов оценки, влиять на типовые средства ее выражения, а в ряде случаев задавать узнаваемый, приемлемый «местными» модус оценки: **Нормально это! Мы же в Сибири живем! У нас и должен стоять холод до апреля.** Данные предположения, однако, требуют доказательного подтверждения, привлечения иного, более широкого регионального материала.

Литература

Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д., Бабаева, Е. Э., Богуславская, О. Ю., Иомдин, Б. Л., Крылова, Т. В., Левонтина, И. Б., Санников, А. В., Урысон, Е. В. (2006). *Языковая картина мира и системная лексикография*: монография. Москва: Языки славянских культур.

Апресян, Ю.Д. (1995а). *Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика*. Москва: Восточная литература.

Апресян, Ю.Д. (1995б). *Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Восточная литература.

Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука.

Арутюнова, Н.Д. (1999). *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.

Ассоциативный словарь профессиональной группы «педагог» Красноярского края – Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021663464 Российская Федерация. Ассоциативный словарь профессиональной группы «педагог» Красноярского края : № 2021662171 : заявл. 29.07.2021 : опубл. 17.08.2021 / С. П. Васильева, Н. А. Бурмакина, А. Д. Васильев, В. В. Ингул, А. А. Курделяс, А. Г. Тимченко, Е. В. Устьянцева, М. Ю. Забалуев ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева». URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46485492_64424569.PDF

Богуславская, О.В., Осетрова, Е.В. (2024). *Имидж представителя российской власти: женский языковой тип*: монография. Красноярск: Изд-во СФУ.

Васильева, С. П., Бурмакина, Н. А., Васильев, А. Д., Ингул, В. В., Курделяс, А. А., Тимченко, А. Г., Устьянцева, Е. В. (2022). *Изучение ценностной картины мира профессиональной группы «педагог» Красноярского края*: монография. Красноярск: Изд-во Красноярский гос. пед. ун-т.

Вольф, Е.М.(1985). *Функциональная семантика оценки*. Москва: Наука.

Земская, Е. А. (2004). *Язык как деятельность: морфема, слово, речь*. Москва: Языки славянской культуры.

Ионова, С. В. (2019). Лингвистика эмоций – наука будущего. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 1(134), 124–131.

Китайгородская, М. В., Розанова, Н. Н. (2010). *Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы*. Москва: Языки славянских культур.

Крысин, Л. П. (2021). Повседневная городская речь и разговорная речь: сходства и различия. *Приращения смысла: к юбилею Татьяны Викторовны Шмелевой*: сборник научных статей. Москва: РУСАЙНС. 13–24.

Михалап, К. П., Шмелева, Т. В. *Словарь города (1987). Филологические науки*, 4, 81–85.

Осетрова, Е. В., Сквородкина, У. В. (2022). Спойлер: содержание речевого жанра и его детализация с учетом факторов «автора» и «адресата». *VERBA. Северо-Западный*

References

Aprésyan, Yu. D. (1995a). *Selected works*. Vol. 1. Lexical semantics. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. (In Russian).

Aprésyan, Yu. D. (1995b). *Selected works*. Vol. 2. Integral description of language and system lexicography. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. (In Russian).

Aprésyan, Yu. D. (ed.), Aprésyan, V. Yu., Babaeva, E. E., Boguslavskaya O. Yu., and al. *Linguistic picture of the world and systemic lexicography* (2006). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russian).

Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ. (In Russian).

Associative dictionary of the professional group "teacher" of the Krasnoyarsk territory. Authors-compilers: S. P. Vasilyeva, A. D. Vasiliev, V. V. Ingul, A. A. Kurdelyas, A. G. Timchenko, E. V. Ustyantseva, M. Yu. Zabaluev. Retrieved from <https://et2.kspu.ru> (In Russian).

Boguslavskaya, O. V., Osetrova, E. V. (2024). *The image of a representative of the Russian government: female language type: monograph*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. (In Russian).

Felde, O. V. (ed.), Smirnov E. S., Vasiliev V. K. (2022). *Language and culture of the Northern Angara region in the mirror of oral text: monograph*. Krasnoyarsk: Amal'gama Publ. (In Russian).

Ionova, S. V. (2019). Linguistics of emotions as science of the future. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 1 (134), 124–131. (In Russian).

Kharitonova, S. V. (2021). Genre-thematic and lexical-stylistic means in the objectification of axiological content of the first russian-language children's BSSR newspaper "Zorka". *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*, 3, 125–129. (In Russian).

Khodasevich, E.M. (2020). *Maidan: performance or act of nature? (features of metaphorical interpretation of the political mediaconcept in Russian-language mass media of XXI century. Cognitive studies of language*, 3 (42), 494–498. (In Russian).

Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (2010). *Linguistic existence of a modern city dweller: Based on the language of Moscow*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russian).

Krysin, L. P. (2021). Everyday urban speech and colloquial speech: similarities and differences. *Increments of meaning: a collection of scientific articles for the anniversary of Tatyana Viktorovna Shmeleva*. Moscow: RUSAYNS, 13–24. (In Russian).

Mikhalaп, K. P., Shmeleva, T. V. *Urban Dictionary (1987). Philological Sciences*, 4, 81–85. (In Russian).

Osetrova, E. V., Skovorodkina, U. V. (2022). Spoiler: the content of the genre and its detailing taking into account the "author" and "addressee" factors. *VERBA. Northwestern*

лингвистический журнал, 2(4), 36–46. DOI:10.34680/VERBA-2022-2(4)-36-46

Смирнов, Е. С., Фельде, О. В. (2023). «Свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья: монография. Красноярск: Изд-во СФУ.

Солодилова, И. А., Шепеля, И. В. (2015). Оценочность и эмотивность в семантике слова. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 11(186), 172–178.

Телия, В. Н. (1986). *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука.

Тимченко, А. Г., Бурмакина, Н. А. (2022). Образ идеального учителя: лингвоаксиологическое исследование. *Сибирский филологический форум*, 3(20), 138–151. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-131

Устьянцева, Е. В. (2021). Социокультурный тип учителя малого города Красноярского края (осознаваемый уровень языкового сознания). *Сибирский филологический форум*, 2(14), 4–16. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-74

Фельде, О. В., Смирнов, Е. С., Васильев, В. К. (2022). *Язык и культура Северного Приангарья в зеркале устного текста*: монография. Под редакцией. Красноярск: Амальгама.

Харитоновна, С. В. (2021). Жанрово-тематические и лексико-стилистические средства в объективации аксиологического содержания первой русскоязычной детской газеты БССР «Зорька». *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 3(41), 142–151.

Ходасевич, Е.М. (2020). *Майдан*: спектакль или стихийное бедствие? (особенности метафорической интерпретации политического медиааконцепта в русскоязычных масс-медиа XXI века). *Когнитивные исследования языка*, 3(42), 494–498.

Шаховский, В. И. (2007). Лингвистика эмоций. *Филологические науки*, 5, 3–13.

Шаховский, В. И. (2009). Эмоции как объект исследования в лингвистике. *Вопросы психолингвистики*, 9, 29–43.

Шаховский, В. И. (2023). *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: на примере лексики английского языка*. Москва: ЛЕНАНД.

Шмелев, А. Д. (2002). *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва: Языки славянской культуры.

Шмелева, Т. В. (2003). *Речеведение. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. Под редакцией. Москва: Флинта: Наука. 565–566.

Шмелева, Т. В. (2021). Грамматика оценочности: событийно-оценочные предложения. *Медиалингвистика: материалы V международной научной конференции*, Санкт-Петербург, 30 июня–02 июля 2021 г. Санкт-Петербург: Медиапапир. 8, 65–68.

Шмелева, Т. В. (2023). Оценочные высказывания в комментариях к стриму. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 89–102. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102

Journal of Linguistics, 2(4), 36–46. DOI: 10.34680/VERBA-2022-2(4)-36-46. Retrieved from <https://verba.press/index.php/journal/issue/view/4> (In Russian).

Revenko, I. V. & Osetrova, E.V. (2022). Two “Characters” in the Russian Linguistic Worldview: “We” and “They”. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15 (10), 1533–1547; Retrieved from <http://journal.sfu-kras.ru/number/145415>.

Shakhovskiy, V. I. (2007). Linguistics of emotions. *Philological Sciences*, 5, 7–13. (In Russian).

Shakhovskiy, V. I. (2009). Emotions as an object of research in linguistics. *Journal of Psycholinguistics*, 9, 29–43. (In Russian).

Shakhovskiy, V. I. (2023). *Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language: Using the example of English vocabulary*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian).

Shmelev, A. D. (2002). *Russian language and extra-linguistic reality*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2003). Speech studies. *Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference book*. Eds. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva. Moscow: Flinta: Nauka Publ, 565–566. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2021). Grammar of evaluation: event-evaluative sentences. *Medialinguistics: materials of the V international scientific conference, St. Petersburg, June 30–July 02, 2021. Vol. 8. Language in mass media coordinates*. St. Petersburg: Mediapapir Publ., 65–68. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2023). Evaluative statements in the comments to stream. *VERBA. Northwestern Journal of Linguistics*, 2 (7), 89–102. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102. (In Russian).

Smirnov, E. S., Felde, O. V. (2023). “Ours” and “strangers” in the traditional linguistic culture of the Northern Angara region: monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. (In Russian).

Solodilova, I. A., Shepelya, I. V. (2015). Evaluativeness and emotiveness in the word semantics. *Bulletin of Orenburg State University*, 11, 172–178. (In Russian).

Telia, V. N. (1986). *Connotative aspect of the semantics of nominative units*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Timchenko, A. G., Burmakina, N. A. (2022). Image of an ideal teacher: linguoaxiological research. *Siberian Philological Forum*, 3 (20), 138–151. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-131 (In Russian).

Ustyantseva, E. V. (2021). Sociocultural type of teacher in a small city of Krasnoyarsk krai (conscious level of language consciousness). *Siberian Philological Forum*, 2 (14), 4–16. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-74 (In Russian).

Vasilyeva, S. P., Burmakina, N. A., Vasiliev, A. D., Ingul, V. V., Kurdelyas, A. A., Timchenko, A. G., Ustyantseva, E. V. (2022). *Study of the value picture of the world of the professional group “teacher” of the Krasnoyarsk Territory*:

Яо, Цзясюй (2022). Метафора *грязи* в политическом дискурсе: фреймо-слотовая структура. *Политическая лингвистика*, 2, 212–218.

Revenko, I. V., Osetrova, E.V. (2022). Two “Characters” in the Russian Linguistic Worldview: “We” and “They”. *Journal of Siberian Federal University*. Vol. 15, N 10. P. 1533–1547. DOI: 10.17516/1997-1370-0471

monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev Publ. (In Russian).

Vol'f, E. M. (1985). *Functional semantics of evaluation*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Yao, Jiaxu (2022). Metaphor of *gryaz'* (dirt) in political discourse: frame-slot structure. *Political Linguistics*, 2, 212–218. (In Russian).

Zemskaya, E. A. (2004). *Language as an activity: Morpheme. Word. Speech*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Осетрова, Е. В. (2024). Оценки повседневности в речи красноярцев. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 34–47. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-34-47

For citation:

Osetrova, E. V. (2024). Evaluations of everyday life in Krasnoyarsk residents' speech. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 34–47. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-34-47

ПРИКЛАДНАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА / APPLIED REGIONALISTICS

Псковские экклезионимы в учебных словарях

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва

Pskov ecclesionyms in educational dictionaries

T. G. Nikitina, E. I. Rogaleva

Татьяна Геннадьевна Никитина – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: cambala2007@yandex.ru

Елена Ивановна Роголёва – доктор филологических наук, доцент; Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

E-mail: cambala2010@list.ru

Статья поступила: 10.05.2024. Принята к печати: 20.06.2024.

Tatiana G. Nikitina – Doctor of Science in Philology, Professor; Saint-Petersburg University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9006-9738

Elena I. Rogaleva – Doctor of Science in Philology, Associate Professor; Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9963-4203

Received: 10/05/2024. Accepted for publication: 20/06/2024.

В статье рассматривается проблема оптимизации лексикографирования русских экклезионимов. Обобщается опыт их лингвистического исследования и словарного описания, отмечается недостаточная разработанность лексикографических концепций и практической параметризации экклезионимов в словарях разных типов. Подчеркивается, что особое внимание при разработке данной проблематики необходимо уделить учебным словарям, которые обеспечат освоение студентами и школьниками культурно-исторического фона и особенностей современного функционирования экклезионимов. На псковском материале раскрываются возможности решения проблемы. Представлены концепции учебной словарной репрезентации экклезионимов, разработанные в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета. Для словаря городской ономастики, готовящегося к переизданию, разработана параметрическая модель словарной статьи, включающая зоны культурологически ориентированного толкования, историко-этимологического, лингвокультурологического и лингвокраеведческого комментария, контекстуального иллюстрирования. Рассматриваются особенности содержательного наполнения каждой параметрической зоны с учетом региональной специфики материала. Воплощение модели показано на примере словарной статьи «Храм Георгия Победоносца со Взвоза». Концепция представляемого в статье словаря-путеводителя раскрывает возможности репрезентации экклезионима в комплексе с другими урбанонимами, сгруппированными по территориальному принципу – расположению именованных объектов на определенной улице, площади, набережной. Реализация данной лексикографической модели показана на примере описания урбанонимов, в том

The article deals with the problem of optimizing the lexicography of Russian ecclesionyms. The experience of the linguistic research and dictionary description is summarized, and the lack of development of lexicographic concepts and practical parameterization of ecclesionyms in dictionaries of different types is noted. It is emphasized that special attention should be paid to educational dictionaries. These dictionaries are to help students and schoolchildren to master the cultural and historical background and features of the modern functioning of ecclesionyms. The Pskov material reveals the possibilities of solving this problem. The concepts of the educational dictionary representation of ecclesionyms developed in the Experimental Laboratory of Educational Lexicography of Pskov State University are presented. For the dictionary of urban onomastics, which is being prepared for reissue, a parametric model of a dictionary entry has been developed, including zones of culturally oriented interpretation, historical and etymological, linguocultural commentary, and contextual illustration. The features of the content of each parametric zone are considered, taking into account the regional specifics of the material. The execution of the model is shown by the example of the dictionary entry "Church of Saint George on the Vzvoz". The concept of the dictionary-guide presented in the article reveals the possibilities of representing the ecclesionym in combination with other urbanonyms grouped according to the territorial principle — the location of named objects on a certain street, square, embankment. The implementation of this lexicographic model is shown by the example of the description of urbanonyms, including ecclesionyms associated with objects located on Karl Marx Street. A travel dictionary with fictional characters and a storyline has also been developed for younger schoolchildren. It is emphasized that the principles of dictionary description of ecclesionyms implemented in these

числе экклезионимов, связанных с объектами, расположенными на улице Карла Маркса. Для младших школьников также разработан словарь-путешествие с вымышленными персонажами и сюжетной линией. Подчеркивается, что принципы словарного описания экклезионимов, реализуемые в данных словарях, позволят повысить эффективность лексикографических источников как средств взаимосвязанного обучения русскому языку и культуре, что особенно важно для иноязычных студентов и школьников.

Ключевые слова: экклезионим, урбаноним, учебный словарь, словарь городской ономастики, словарь-путешествие

УДК 811.161.1:81'374(470.25)

dictionaries increase the effectiveness of lexicographic sources as means of interrelated teaching of the Russian language and culture, which is especially important for foreign students.

Keywords: ecclesionym, urbanonym, educational dictionary, urban onomastics dictionary, travel dictionary

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Русские экклезионимы, активно изучаемые ономатологами [Шмелева, 2019; Лукина, 2022; Крюкова, 2023], лингвокультурологами [Головина, 2016; Смирнова, 2022] и лингвокраеведами [Асанов, 2014; Корнеева, 2016; Казина, 2020], не часто попадают в поле зрения лексикографов – как теоретиков словарного дела, так и непосредственно составителей словарей, в том числе ономастических, о чем свидетельствуют их аналитические обзоры [Крюкова, Супрун, 2021; Разумов, 2023]. В различных путеводителях и других справочных изданиях, адресованных туристам, экклезионимы выступают в роли заголовков статей разного объема, как правило, представляющих собой описания храмов как архитектурных памятников, тогда как лингвокультурологический потенциал их официальных и народных наименований не раскрывается в полной мере.

Решение задачи комплексной репрезентации русских экклезионимов как единиц языка и культуры представляется особенно актуальным для учебной лексикографии с ее дидактической направленностью на расширение культурологического кругозора и развитие языковой компетентности читателя. Разработка оптимальных моделей описания экклезионимов в учебных словарях для разных категорий адресата – цель нашего исследования, которое будет представлено в данной статье на псковском материале.

История вопроса. Экклезионимы Пскова находят отражение в работах лексикологов, которые отмечают их структурно-семантическое своеобразие, заключающееся в наличии «топонимических маркеров», позволяющих дифференцировать наименования культовых объектов с одним и тем же агеоантропонимическим компонентом [Аринина, 2008; Волкова, Храпченкова, Лекарева, 2017; Волкова, Храпченкова, 2017]. Историки, восстанавливающие топонимическое пространство средневекового Пскова, приводят наименования храмов, монастырей, часовен как мотивирующую базу годонимов, в том числе забытых названий псковских улиц [Лабутина, 1985; Колосова, 2003, 2006]. Современные названия улиц Пскова таким же образом комментирует В. П. Краснопевцев [1994]. В учебном лингвокультурологическом словаре «О чем рассказывают городские названия» [Варламова, Галактионова, Головина, 2012],

разработанном в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета и предназначенном школьникам и студентам, в том числе иноязычным, используется эта же модель этимологизации топонимов, однако в соответствии с типом словаря информация, составляющая культурно-исторический фон наименования улицы расширяется, в том числе за счет энциклопедического описания объекта, по которому улица названа. Например, в статье «Улица Петропавловская» такое описание получает монастырский храм Петра и Павла [Варламова, Галактионова, Головина, 2012, с. 129].

На данном этапе разработки псковских городских названий экклезионим, мотивирующий наименование улицы, оставался за рамками лингвокультурологического комментирования. К тому же, несмотря на то, что статья сопровождалась справкой о реализации данной номинативной модели (*Кроме улицы Петропавловской по названиям храмов, воздвигнутых в честь святых, в Пскове названы улицы: Алексеевская, Анастасьинская, Архангельская, Варлаамская, Верхне-Петропавловская, Георгиевская, Ильинская и др.*) [Варламова, Галактионова, Головина, 2012, с. 129], в словаре было разработано всего два топонима из этого списка.

В такой ситуации псковским составителям учебных словарей, решившим оптимизировать лексикографическую разработку экклезионимов, предстояло решить следующие задачи: при подготовке к переизданию словаря «О чем рассказывают городские названия» расширить перечень описываемых топонимов, этимологически связанных с наименованиями псковских храмов и монастырей, включить эти наименования в объект лингвокультурологического комментирования и разработать модели их описания в отдельных словарных статьях, в том числе, ориентированных на младших школьников, для которых пока не были разработаны словари псковских городских названий.

Методология и методика анализа. Для анализа ономастического материала традиционно использовались методы историко-этимологического и структурно-семантического анализа, а также лингвокультурологического комментирования. При разработке словарных статей, которая последовала за комплексным анализом экклезионимов, использовались модели учебной лексикографической параметризации материала, разработанные с учетом фактора адресата, и приемы конструирования словарных статей дискурсивного типа [Никитина, Роголёва, 2022].

Анализ материала. В соответствии с нашим планом для словаря городских названий, куда помимо наименований улиц будут включены самые разные типы урбанонимов, была разработана параметрическая модель репрезентации экклезионимов.

В качестве заголовочной единицы здесь выступает официальное наименование храма, часовни, монастыря. В толковании указывается место расположения обозначаемого экклезионимом объекта, время его создания. Лингвокультурологический комментарий (под знаком <), согласно данной концепции, содержит истолкование антропонимического или геортонимического компонента экклезионима (большинство культовых объектов Пскова получили наименования по имени святых или по названиям церковных праздников). Комментарий получает и «топонимический маркер» (при его наличии), раскрывается специфика данной

номинативной модели. Далее (также при наличии) под знаком (//) указывается народное наименование объекта. Контексты употребления экклезионима (**) в живой речи и интернет-коммуникации демонстрируют особенности его современного функционирования:

Храм Святого (св.) великомученика (вмч.) Георгия Победоносца со Взвоза. Наименование приходского православного храма, расположенного на пересечении улиц Воеводы Шуйского и Георгиевской в Пскове (XV в., культурно-исторический памятник федерального значения). <Георгий, сын римского военачальника, живший в конце 200 - начале 300 гг. н.э., за свои христианские убеждения был подвергнут жестоким пыткам, мучениям, но не отказался от своей веры и был казнен. После смерти причислен к великомученикам. Христианские легенды рассказывают о чудесах, которые он совершал после смерти, являясь в образе воина. Одно из таких чудес – победа над змеем, от которого Георгий спас дочь языческого царя, после чего местные жители стали принимать христианство. Так победа над змеем стала символом победы христианства над язычеством, а Георгия стали называть Победоносцем. На Руси после принятия Христианства стали повсеместно возводить храмы в его честь и праздновать день памяти святого 26 ноября. < Слово *взвоз* в названии псковского храма обозначает место у реки, где на высокий берег поднимались телеги с товарами, перевозимыми водным транспортом (в названиях псковских храмов часто указывалось место их расположения, например: *Церковь Козьмы и Дамиана с Примостья* и *Церковь Козьмы и Дамиана с Гремячей Горы*). // В повседневной речи Храм Святого великомученика Георгия Победоносца со Взвоза называют *Храмом (церковью) Георгия со Взвоза* или просто *Георгием со Взвоза*, а также *Георгиевским храмом*. ** *Теперь церковь Георгия со Взвоза в черте Окольного города еще лучше подчеркивает красоты древнего Пскова* (Псковская Правда, 27.07.2016). ** В начале XIX в. Георгиевская Церковь в Пскове располагала двумя приделами – северным и южным (Inpskov.ru, 2024). ** *Там была какая-то кафешка около Георгия со Взвоза* (Запись 2024 г.).

Еще один словарный проект, в котором будут представлены псковские экклезионимы, это словарь-путеводитель, где все городские названия сгруппированы по территориальному принципу, а именно по расположению именуемых объектов на определенной улице, площади или набережной. Так, в ходе лексикографического «путешествия» по улице Воровского читатели встретятся с экклезионимом *Церковь Петра и Павла с Буя* и узнают о прежнем названии улицы, которое она получила по наименованию храма (*Верхне-Петропавловская*). В статье «Улица Красных партизан» также будет упоминаться ее прежнее название – *Казанская*, а фотография представит разрушенную в 30-е годы *церковь Казанской иконы Божьей Матери*. Поскольку словарь будет предназначен в первую очередь иноязычным студентам, обучающимся в Пскове, и школьникам – детям мигрантов, словарная статья будет содержать комментарии (под знаком *) к отдельным лексическим единицам, которые могут представлять определенные трудности для инофонов. Представим одну из

макростатей проектируемого словаря-путеводителя в полном объеме. В скобках указан тип размещенных в статье иллюстраций:

Улица Карла Маркса

Улица Карла Маркса начинается от площади Ленина в центральной части Пскова и заканчивается, упираясь в улицу Кузнецкую. Её протяжённость чуть более двух километров.

(Соответствующий фрагмент карты города)

Прежнее название улицы – Новгородская: именно здесь начиналась дорога на Новгород.

(Фотография улицы Новгородской, 1912 г.)

Свое современное название улица получила в честь Карла Маркса – немецкого мыслителя и общественного деятеля, основоположника коммунистической идеологии. Это название было присвоено улице в 1923 году.

(Портрет Карла Маркса. Подпись: *Карл Маркс, 1818-1883*).

В 1944 году улице Карла Маркса хотели вернуть название *Новгородская*, полагая, что в связи с победами русского оружия над немецкими захватчиками появился удобный случай вернуть улицам города их прежние названия, отражающие богатую событиями историю региона. Однако переименование не состоялось.

На улице Карла Маркса находится общежитие Псковского университета, городской рынок, различные магазины и отели.

(Фотографии современной улицы Карла Маркса)

Здесь находится и церковь *Покрова* Пресвятой Богородицы* от Торга**. Первоначально на этом месте в 1522 году была построена деревянная церковь, которая сгорела в 1590 году. Вновь церковь упоминается в летописи в 1637 году.

* *Богородица* – мать Иисуса Христа, одна из самых почитаемых святых у православных христиан.

(Художественная иллюстрация: Владимирская икона Божьей Матери) Подпись: «*Владимирская икона Божией Матери*»).

* *Покров Пресвятой Богородицы* – православный праздник, по которому церковь получила свое название. Отмечают праздник 14 октября в честь события, описанного в христианских источниках и произошедшего в конце X века в Константинополе, который в то время защищался от завоевателей. К жителям города, молящимся в храме, спустилась Богородица в окружении ангелов. Помолившись вместе со всеми, она сняла с головы покрывало (покров) и раскинула его над людьми, защищая их. И действительно, вскоре враги отступили и город был спасён.

(Художественная иллюстрация: Суздальская икона Покрова Богородицы, XV в.).

* *Торг* – название городского средневекового рынка. Церковь Пресвятой Богородицы располагалась в древнем Пскове у такого рынка. В названиях псковских церквей часто указывалось место их расположения – так можно было различить церкви со сходными названиями. Так, в средневековом Пскове, была еще церковь Покрова от Пролома (она находилась у пролома в крепостной стене, который образовался при осаде города войсками Стефана Батория в 1581–1582 годах).

Читателям младшего школьного возраста, в том числе тем, для кого русский язык не является родным, предназначен словарь-путешествие «Прогулки по Пскову с экскурсоводом Барсиком» [Рогалёва, Стигина, 2017], издание которого предполагается в нескольких выпусках, над которыми в настоящее время идет работа. Параллельно с репрезентацией псковских городских названий авторы словаря-пособия решают задачу обучения младших школьников жанру экскурсии. Для этого используется прием «авторитетного рассказчика», которым становится вымышленный персонаж – Барсик, «дальний родственник» барса, изображенного на гербе Пскова.

Комплексные словарные статьи здесь называются экскурсиями. Для каждой из них Барсик предлагает маршрут. Например, на Ольгинской набережной предполагается «посмотреть» Ольгинскую часовню, один из корпусов Псковского университета (здание построено в XIX веке, раньше здесь располагалось Мужское духовное училище), церковь Климента Папы Римского. Каждый из этих объектов представлен небольшой словарной статьей или краткой культурно-исторической справкой, которая вписывается в общий текст экскурсии как материал для будущего экскурсовода, например, в Экскурсии № 1. Прогулка по Ольгинской набережной:

Ольгинская набережная

названа в честь Святой княгини *Ольги* (около 920 года - 969 год).

(Художественная иллюстрация: Н. А. Бруни. Портрет княгини Ольги. 1901 г.)

Ольга родилась в селе Выбуты, недалеко от Пскова. Там она познакомилась с князем Игорем и вскоре стала его женой.

По легенде, княгиня Ольга основала Псков на реке Великой. Это было так: уже после принятия христианства Ольга решила навестить родные места и остановилась на левом берегу реки Великой. Три солнечных луча указали на заросший противоположный берег реки Великой. На этом месте княгиня Ольга и повелела построить Храм Пресвятой Троицы и град* славный.

*Град** – город.

Вскоре Ольга осуществила задуманное: прислала людей, которые построили город и первую христианскую церковь – Троицкий Собор.

(Фотография Троицкого собора) / «Посещение» этого собора планируется в другой статье-экскурсии/.

В 1923 году Ольгинская набережная была переименована в Красноармейскую набережную в честь Красной армии*. В 1992 году после долгих просьб горожан набережной вернули прежнее название – Ольгинская.

*Красная армия** – вооруженные силы Советского Союза*, в составе которых были рабочие и крестьяне.

*Советский Союз** – страна, образовавшаяся в 1922 году и просуществовавшая до 1991 года. В состав страны входили 15 республик: Белоруссия, Украина, Литва, Латвия, Эстония и другие.

Часовня Святой Ольги Российской (Ольгинская часовня)

возведена на левом берегу реки Великой, на том месте, где стояла Святая Ольга. В 1609 году часовня сгорела. Восстановлена в 2000 году.

(Фотографии часовни – XIX и XXI века)

Церковь Святого Климента Папы Римского

находится на обрывистом берегу реки Великой. Время основания этой церкви неизвестно. Есть сведения, что ранее это была монастырская церковь, а монастырь назывался *Климентовским* в честь *Святого Климента, Папы Римского**.

*Папа Римский** – в настоящее время глава всей Католической церкви, а в первые века Христианства так в Римской империи называли любого епископа.

(Фотография церкви Святого Климента Папы Римского)

Святой Климент – один из первых проповедников Христианства в Причерноморских землях, которые позже вошли в состав Киевской Руси. В 90-99 годах н.э. он был римским епископом. Принял крещение от апостола Петра. Во время гонений на христиан был отправлен на каторжные работы в Херсонес (нынешний Севастополь), где продолжал проповедовать Христианство, за что был мученически убит римскими властями – привязан к якорю и утоплен в море. Согласно легенде, море отступило, чтобы тело Климента нашли его сторонники.

(Художественная иллюстрация: Св. Климент Римский (фрагмент иконы XVI-XVII века)

В 1615 году Климентовский монастырь в Пскове был razорен шведами и на его месте осталась только Церковь Климента Папы Римского.

В годы Великой Отечественной войны церковь была частично повреждена, но, несмотря на это, практически полностью сохранила свой первоначальный вид. Сейчас *Церковь Святого Климента Папы Римского* считается храмом-покровителем моряков.

В один из выпусков «Прогулок по Пскову с экскурсоводом Барсиком» будет включен кросс-культурный компонент. По сюжету в гости к Барсику приезжают его друзья – снежный барс Снежок из Казахстана и каракал Рыжик из Туркмении. Фантастическое транспортное средство (экскурсолёт) помогает друзьям моментально перемещаться не только не только из одной части города в другую, но и из страны в страну, чтобы следовать за межкультурными ассоциациями гостей или наблюдать межъязыковые ономастические параллели. Так, после экскурсии по пушкинской ономастике Пскова (улица *Пушкинская*, памятник «*Пушкин и крестьянка*», *Дрампуш* (в разговорной речи – драматический театр им. Пушкина в Пскове), посёлок *Пушкинские горы*) ирбис Снежок, второй пилот экскурсолёта, показывает друзьям улицы Пушкина и памятники Пушкину в разных городах Казахстана, в том числе скульптурную композицию «Пушкин и Абай» – памятник в северо-казахстанском городе Петропавловске (от названия крепости Св. Петра на Ишиме) – название города тоже комментируется, друзья вспоминают топонимические параллели – *Петропавловск-Камчатский*, *Петропавловская крепость* в Санкт-Петербурге, ул. *Петропавловская* в Пскове и, в ту же секунду оказавшись на этой улице у храма Петра и Павла и воспользовавшись Q-кодом на уличном баннере, читают информацию об этом архитектурном памятнике и его названии.

На улице Александра Невского во время экскурсии «Александр Невский и Псков» читатели и гости Барсика узнают от него о жизни великого князя, о его роли в истории России и связи с Псковом. На горе Соколик у памятника Александру Невскому и его дружине каракал Рыжик рассказывает о герое туркменского народного эпоса Гёроглы, который совершал подвиги со своим войском из 40 всадников. Экскурсолет переносит друзей к памятнику Гёроглы в Ашхабад, а в Пскове, куда экскурсолетчики возвращаются для завершения экскурсии, они знакомятся с экклезионимом *Храм Александра Невского* и посещают этот воинский храм.

Выводы. Подводя итоги рассмотрения обозначенной проблемы, отметим, что предлагаемые модели описания экклезионимов в учебных словарях, реализуемые псковскими лексикографами на практике и разрабатываемые в данный момент на уровне концепций, позволяют достаточно полно раскрыть лингвокультурологический потенциал наименований культовых сооружений православной конфессии. Описания экклезионимов должны в максимально полном объеме включаться в учебные словари городской ономастики, как алфавитные, так и тематические, словники которых в настоящее время включают в основном топонимы.

Лингвокультурологический комментарий экклезионимов может быть многокомпонентным и многоуровневым, включающим лингвистическое и культурно-историческое истолкование геортонимов, агеоантропонимов, топонимов, входящих в составное наименование. Так будет отражена и региональная специфика экклезионимов.

Особой лингводидактической и лингвокультурологической ценностью обладают учебные словари-путеводители, концепции которых продолжают совершенствоваться в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ. Они позволят иноязычным школьникам и студентам быстрее освоиться в комплексно представленном топографическом пространстве Пскова, успешно интегрироваться в инокультурный и иноконфессиональный социум нового места проживания.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 23-18 00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Литература

- Аринина, Е. П. (2008). Структурные особенности русских экклезионимов. *Вестник Самарского государственного университета*, 5-2(64), 37–43.
- Асанов, А. Ю. (2014). Экклезионимы на карте современного города Тамбова. *Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки*, 9(137), 170–174.
- Варламова, М. П., Галактионова, Г. В., Головина, Л. С. (2012). *О чем рассказывают городские названия: учебный лингвокультурологический словарь*. Псков: ЛОГОС Плюс.
- Волкова, В. Я., Лекарева, Л. А., Храпченкова, И. И. (2017). Экклезионимы объектов псковской школы архитектуры. *Русско-немецкий глоссарий. Филология*, 2(8), 87–91.
- Головина, Л. С. (2016). Экклезионим как источник лингвокультурологической информации для иностранцев, изучающих русский язык. *Успехи современной науки и образования*, 3(10), 18–20.
- Казнина, Е. А. (2020). Экклезионимы малого города (на примере г. Углича Ярославской области). *Ономастика Поволжья: сборник научных статей*. Кострома: КГУ. 48–51.
- Колосова, И. О. (2003). Новые данные по исторической топографии Пскова XI–XVIII вв. *Псков в российской и европейской истории: (к 1100-летию летописного упоминания)*: в 2-х т. Москва: МГУП. 1, 353–368.
- Колосова, И. О. (2006). Материалы к «Энциклопедии улиц Пскова. XVIII век». *Псков*, 24, 3–18.
- Коренева, Ю. В. (2016). Экклезионимы православной Москвы: некоторые вопросы номинации. *Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016: сборник трудов Международной научной конференции*, Москва, 25-26 ноября 2016 г. Москва: МГОУ. 131–136.
- Краснопевцев, В. П. (1994). *Улицы Пскова: история в названиях: справочник*. Псков: Курсив.
- Крюкова, И. В., Супрун, В. И. (2021). Пути развития славянской ономастической лексикографии: аналитический обзор. *Вопросы ономастики*, 18(3), 238–269. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.042
- Крюкова, И. В. (2023). Русская урбанонимия в пространственно-временном измерении. *Вопросы ономастики*, 20(2), 313–321. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.026
- Лабутина, И. К. (1985). *Историческая топография Пскова в XIV–XV вв.* Москва: Наука.
- Лукина, О. А. (2022). Экклезионимика как особое направление ономастики: проблемное поле, перспективы развития. *Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина*, 1(59), 111–116.
- Никитина, Т. Г., Роголёва, Е. И. (2022). Инновационный лексикографический дискурс в жанре детектива: возможности учебной репрезентации фразеологизма. *Русистика*, 20(2), 247–262. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262

References

- Arinina, E. P. (2008). Structural features of Russian ecclesionyms. *Vestnik Samarskogo universiteta*, 5–2 (64), 37–43. (In Russian).
- Asanov, A. Yu. (2014). Ecclesionyms on the map of contemporary Tambov. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 9 (137), 170–174. (In Russian).
- Golovina, L. S. (2016). Ecclesionym as a source of linguistic and cultural information for foreigners studying Russian. *Uspekhi Sovremennoi Nauki i Obrazovanie*, 3 (10), 18–20. (In Russian).
- Inpskov.ru [Web-stranitsa]. Retrieved from https://inpskov.ru/xramy_cerkvi_sobory/hram_georgiya_po_bedonosca_so_vzvoza. (In Russian).
- Kaznina, E. A. (2020). Ecclesionyms of a small town (using the example of the city of Uglich in the Yaroslavl region). *Onomastics of the Volga region* (pp. 48–51). Kostroma: KGU Publ. (In Russian).
- Kolosova, I. O. (2003). New data on the historical topography of Pskov in 11th–18th centuries. *Pskov in Russian and European history. To the 1100th anniversary of the chronicle mention*, 1, 353–368. Moscow: Moscow State University of Printing Arts Publ. (In Russian).
- Kolosova, I. O. (2006). Pskov region in the era of feudalism. *Materials for the Encyclopedia of Pskov streets. 18th century*. Pskov, 24, 3–18. (In Russian)
- Koreneva, Yu. V. (2016). Ecclesionyms of Orthodox Moscow: some issues of the nomination. *Rational and emotional in the Russian language – 2016: collection of proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 25–26, 2016*. Moscow: Moscow State Regional University. 131–136. (In Russian).
- Krasnopevtsev, V. P. (1994). *Streets of Pskov: History in names*. Pskov: Kursiv Publ. (In Russian).
- Kryukova, I. V. (2023). Russian urbanonyms in the space-time dimension. *Voprosy onomastiki*, 20(2), 313–321. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.026 (In Russian).
- Kryukova, I. V., Suprun, V. I. (2021). Ways of development of Slavic onomastic lexicography: an analytical overview. *Voprosy onomastiki*, 18 (3), 238–269. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.042 (In Russian).
- Labutina, I. K. (1985). *Historical topography of Pskov in the 14th–15th centuries*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Lukina, O. A. (2022). Ecclesionyms as a special area of onomastics: problem field, development prospects. *Vestnik Mозырского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. P. Shamiakina*, 1 (59), 111–116. (In Russian).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2022). Innovative lexicographic discourse in the detective genre: the possibilities of educational representation of phraseology. *Russian language studies*, 20 (2), 247–262. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262 (In Russian).
- Razumov, R. V. (2023). Russian urbanonyms and its lexicographic representation: problems and prospects.

Разумов, Р. В. (2023). Русская урбанонимия и ее лексикографическое представление: проблемы и перспективы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 16(12), 4166–4171. DOI: 10.30853/phil20230633

Рогалёва, Е. И., Стигина, И. Ю. (2017). *Прогулки по Пскову с экскурсоводом Барсином*. Обучение младших школьников речевому жанру экскурсии: пособие для бакалавров и магистрантов направления «Педагогическое образование». Псков: ЛОГОС.

Смирнова, Д. Н. (2022). Изучение экклезионимов Смоленска в лингвокультурологическом аспекте. *Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сборник научных статей III научно-практической конференции*, Смоленск, 18 октября 2022 года. Смоленск: СмолГУ. 48–54

Шмелева, Т. В. (2019). Имена новгородских храмов в современном ономастиконе. *Учёные записки Новгородского государственного университета*, 2(20). DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).30

Inpskov.ru: официальный сайт. URL: <https://inpskov.ru>

Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 16 (12), 4166–4171. DOI: 10.30853/phil20230633 (In Russian).

Rogaleva, E. I., Stigina, I. Yu. (2017). *Walking in Pskov with the guide Barsik*. Pskov: LOGOS Publ. (In Russian)

Shmeleva, T. V. (2019). The names of Novgorod temples in the modern onomasticon. *Memoirs of NovSU*, 2 (20), 30. DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).30 (In Russian).

Smirnova, D. N. (2022). The study of ecclesionyms of Smolensk in the linguistic and cultural aspect. *Multinational Russia: yesterday, today, tomorrow. Collection of scientific articles of the III scientific and practical conference* (pp. 48–54). Smolensk: Smolensk State University Publ. (In Russian).

Varlamova, M. P., Galaktionova, G. V., Golovina, L. S. (Comp.) (2012). *What the city names tell us about*. Pskov: LOGOS Plus Publ. (In Russian).

Volkova, V. Ya., Lekareva, L. A., Khrapchenkova, I. I. (2017). Ecclesionyms of objects of the Pskov school of architecture. Russian-German glossary. *Filologiya*, 2(8), 87–91. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Никитина, Т. Г., Рогалёва, Е. И. (2024). Псковские экклезионимы в учебных словарях. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 48–57. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-48-57

For citation:

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2024). Pskov ecclesionyms in educational dictionaries. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 48–57. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-48-57

«Слова для своих»: участие школьников-волонтеров в сборе регионального языкового материала

И. В. Фуфаева

Our own words: participation of schoolchildren volunteers in collecting regional language material

I. V. Fufaeva

Ирина Владимировна Фуфаева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

E-mail: iriel@inbox.ru

Статья поступила. 15.05.2024. Принята к печати: 20.06.2024.

Целью настоящей статьи является информирование о той роли, которую могут играть в сборе региональной лексики волонтеры-школьники, а также о материале, собранном в результате работы такого проекта, «Региональные особенности русской речи», реализованного в 2019 г. в 32 регионах России. В рамках проекта сбор региональной лексики проводился школьными командами на местах под руководством учителей и при постоянной связи с куратором-лингвистом. Участники проекта использовали социолингвистические методы и метод картографирования языковых фактов. По результатам исследования команда создавала собственную карту Google, выставляя на ней метки отобранных слов согласно тому месту, где было зафиксировано употребление данного слова. Из командных карт создавалась карта проекта. В результате геоинформационная система проекта была наполнена объектами – региональными словами; пользователю карты доступны записи, включая слово, толкование и контекст, сделанные в конкретном населенном пункте. В целом было собрано около 3000 единиц, включая как неологизмы, такие, как дальневосточное *брасмáтик* ‘тушь для ресниц’ или самарское *бйчка* ‘СМС с просьбой перезвонить’, так и старые диалектные слова, влившиеся в региональные варианты русского языка и записанные в новых, современных контекстах.

Ключевые слова: региональная лингвистика, регионализмы, русский язык, образование

УДК 811.161.1:81'1

Irina V. Fufaeva – PhD in Philology, senior researcher; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0003-0952-8461

Received: 15/05/2024. Accepted for publication: 20/06/2024.

The purpose of this article is to inform about the role schoolchildren volunteers can play in collecting regional vocabulary, as well as about the material collected as a result of the work of such a project — “Regional Features of Russian Speech” implemented in 2019 in 32 regions of Russia. As part of the project, the collection of regional vocabulary was carried out by local school teams under the guidance of teachers and in constant communication with a linguist curator. The participants used sociolinguistic methods and the method of mapping linguistic facts. Based on the results of the study, the team created its own Google map, placing on it labels of selected words according to the place where the use of the words was recorded. A project map was created from the team cards. As a result, the project geographic information system was filled with objects — regional words. On the map you can see entries, including a word, its interpretation and context, created in a specific locality. In total, about 3,000 units were collected, including both neologisms, such as the Far Eastern *brasmatik* ‘mascara’ or the Samara *bishka* ‘SMS asking to call back’, as well as old dialect words that have merged into regional varieties of the Russian language.

Keywords: regional linguistics, regionalisms, Russian language, education

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Одной из очевидных задач региональной лингвистики является сбор региональной лексики, а также уточнение ее региональной принадлежности. Целью настоящей статьи является привлечение внимания специалистов по региональной лингвистике к той роли, которую могут играть в решении этой задачи волонтеры-школьники, а также к материалу, собранному в результате работы такого проекта, «Региональные особенности русской речи», реализованного в 2019 г. в 32 регионах России: Карелия, Псковская область, Краснодарский край, Самарская область, Саратовская область, Кировская область, Башкортостан, Кемеровская область, Алтайский край и пр.

Интерес к теме региональной лексики русского языка в последнее время заметно вырос. Это касается не только профессиональной науки, в рамках которой региональная лингвистика является относительно новым направлением языкознания, но и сообщества носителей русского языка в целом.

Колоритные местные слова, как пришедшие из старых диалектов, как уральское, сибирское и пр. *вехотка* 'мочалка, тряпка', так и неологизмы, например, употребляющееся во многих регионах Сибири *мультифора* 'кармашек из прозрачной пленки размера А4 для листов бумаги, с дырками с одной стороны, то же, что в других регионах, особенно в европейской части России, называется «файл»', часто являются темой публикаций в прессе, обсуждений в социальных сетях и в определенной степени предметом гордости за свою малую родину или как минимум тем, что укрепляет чувство причастности к ней. Некоторые местные лексические единицы получили широкую известность и стали частью мифа о городе, особенно петербургские *пребрик*, *парадное*, *кура* и т. д.

Немаловажно, что специфика этой сферы практически не оставляет места тому, что А. А. Зализняк назвал «любительской лингвистикой», то есть трансляции тех или иных лженаучных представлений о языке [Зализняк 2023]. В обсуждениях региональных языковых явлений непрофессионалы приводят факты бытования того или иного слова или варианта в конкретном населенном пункте, ситуаций, в которых выявляется региональный характер слова, непонятность его не-носителям обсуждаемого регионального варианта русского языка; все это представляет интерес и ценность для профессиональной лингвистики.

Как интерес к этой теме, так и указанная выше специфика сферы региональной лингвистики являются предпосылкой возможности сотрудничества профессиональных лингвистов и широкого круга волонтеров-непрофессионалов.

Наиболее известен успешным опытом такой совместной работы проект В. И. Беликова «Языки русских городов», по итогам которого был создан словарь «Языки русских городов» [Беликов]. Этот проект ориентирован на собирание информации о региональной городской лексике всеми интересующимися интернет-пользователями на платформе форума «Городские диалекты» (<http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26>).

История вопроса. «Региональные особенности русской речи» – это детский образовательный проект организации «Центр современных образовательных технологий» (рук. С. В. Буланов), нацеленный на поддержку и развитие познавательного интереса школьников в области изучения русского языка, методологии научного исследования, осознания языковой идентичности, а также на достижение собственно лингвистических результатов: создание географической карты региональных особенностей современной русской речи.

В рамках проекта сбор региональной лексики проводился школьными командами на местах под руководством учителей и при постоянной связи с куратором-лингвистом. На старте проекта в нем решило принять участие двести школьных команд, на деле же активно занималось сбором лексики и дошло до финиша вдвое меньше. Территориально команды были образованы в школах населенных пунктов совершенно разного масштаба: и областных центров, таких, как Псков или Киров, и городов поменьше, таких, как Тольятти и Котельнич, и в небольших поселках.

Участники проекта использовали социолингвистические методы и метод картографирования языковых фактов. Социолингвистические методы включали полевые исследования: анкетирование, интервьюирование и непосредственное наблюдение за устной речью носителей регионального варианта русского языка. Картографирование языковых фактов проводилось как создание карты с визуализацией функционирования региональных слов и выражений в конкретных населенных пунктах.

При проведении полевого исследования команды фиксировали факты нахождения региональной лексики. Участники команд выявляли региональную лексику в ходе коммуникации с различными группами информантов: членами семьи, родственниками, друзьями, одноклассниками, учителями, участниками социальных сетей; случайными прохожими, принявшими участие в опросе.

По мере сбора материала, т. е. записи разговорной речи жителей региона разного возрастов и принадлежности к разным социальным категориям, члены команд обсуждали собранный материал в сетевом сообществе проекта для идентификации лексем с ограниченным ареалом распространения, а затем подготавливали материал к размещению на карте проекта. В ходе обработки и проверки материала участники проекта использовали различные лингвистические справочники.

Собранные результаты после прохождения обработки массива данных оформлялись в виде карточек, на которых отмечались: слово или выражение, включая ударение; значение (или синоним, или фотография); иллюстрация употребления (контекст с этим словом); информант; название населенного пункта, где было записано слово, регион, к которому он относится, и федеральный округ; фамилия и имя заполнявшего анкету; название команды. В некоторых случаях добавлялся комментарий о происхождении слова или выражения. Эти же данные дублировали в электронной анкете в Google Формах.

Иллюстрирующие каждое слово контексты брались из современной разговорной речи. Данные об информанте включали как минимум возраст и гендер; в

большинстве случаев также образование, род занятий, для пенсионеров – род занятий в прошлом.

По результатам исследования команда создавала собственную карту Google, выставляя на ней метки отобранных слов. Метки наносились в соответствии с тем местом, где было зафиксировано употребление данного слова. Результаты индивидуальных исследований складывались в единую карту команды. Из командных карт создавалась карта проекта, наполненная объектами – региональными словами (https://www.google.com/maps/d/u/0/viewer?mid=1v_luMRUfuBYMAYJ43WliLHdW7DydHjVJ&ll=51.17575600000035%2C43.705731&z=12&fbclid=IwAR13Q0hhFS8DC110s1kqd4g5rBnk-Q_9jD5CKbE5lhoarpm7Z7Y-L6R3kdQ). На карте можно видеть записи, включая слово, толкование и контекст, сделанные в конкретном населенном пункте.

Примеры записей (здесь и далее сохраняются толкования значений слов, сделанные участниками проекта, небольшая правка касается пунктуации):

Поцарóвка. Поводок. *Когда с собакой гулять пойдёшь, поцаровку не забудь.* [Информант: 19 лет, учащийся медицинского учреждения]. Псков. Команда «Скобарята-лингвисты».

Видéльце. Столовая ложка. *Сходи на кухню, возьми ещё виделец.* [Информантка: 63 года, высшее образование, сельское хозяйство] Псков. Команда «Скобечане».

Варгúны. Хрустящая выпечка из теста, «хворост». *Какие же вкусные варгуны получились!* [Информант: 48 лет, сварщик]. Самойловка, Саратовская область. Команда «Пчёлы»¹.

Кры́сать. Чесать, чесаться. *Не крысайся, а то подумают, что ты больной* [Информант: 70 лет, неполное среднее образование, сельское хозяйство, фермер]. Киров. Команда «Вятские глашатаи».

Анализ материала. В целом было собрано около 3000 единиц, включая повторы (записи участниками разных команд одного региона одного и того же слова).

Среди собранного материала есть слова, хорошо известные не только специалистам по региональной лингвистике, но всем, кто интересуется этой темой, такие, как вышеупомянутое *мультифора*, или саратовское *курмыши* 'отдаленная окраина, захолустная, труднодоступная часть города'. Ценность новых записей таких хорошо известных региональных лексем в уточнении информации о современной территориальной распространенности слова и его значении. Например, слово *шुфля́дка*, литературное в белорусском языке и распространенное на западе России, в рамках проекта было записано в Краснодарском крае, причем в значении 'небольшой шкаф', а не обычном 'выдвижной ящик', с примером: «*Убери вещи в шуфлядку*».

Закономерно, что многие слова имеются в словарях русских говоров. Волонтерам не было поставлено жесткого требования записывать слова только от городских информантов; в своем регионе они могли фиксировать любые слова,

¹ В Словаре русских говоров слово зафиксировано в значении «сдобная пшеничная лепешка», Ворон., 1929-37.

употребление которых является территориально ограниченным. Часть записей сделана в деревнях. Таким образом, в материал включалась диалектная лексика, которая также могла быть записана и в городе, например, у пожилых людей, переехавших в ближайший город к взрослым детям. Как известно, лексический уровень региональных вариантов языка состоит в том числе из диалектной лексики своего региона, унаследованной от территориальных говоров, бытующих в данном регионе. Например, вышеупомянутое *вехотка* включено в Словарь русских народных говоров как диалектная единица уральских, сибирских, алтайских говоров (то есть записанная в Пермской, Свердловской, Томской и пр. областях, Алтайском крае) [Словарь русских говоров]. В то же время *вехотка* является элементом современной городской речи этих регионов и иногда даже употребляется в региональных СМИ: *Благодаря Н. К. Владимировой иркутяне познакомились именно на выставках с люфой, которая не только съедобна и хороша на вкус, но и при полном созревании и выделке является вехоткой* [«Восточно-Сибирская правда», Иркутск; 16.11.2002. Цит. по: Языки городов].

Каждый записанный контекст подтверждает функционирование диалектного слова как регионального в современной живой речи, уточняет его значение, а иногда и расширяет региональную принадлежность. Некоторые старые диалектные слова могут употребляться в качестве современной городской лексики в несколько иных значениях, чем те, которые приводятся в словаре говоров и в любом случае они употребляются в современных контекстах, что, безусловно, является новой интересной информацией об этих единицах.

Наконец, в новых записях эти слова могут иметь другое ударение или некоторые другие формальные отличия по сравнению со словарями говоров. Так, диалектное и просторечное слово *казёнка* запечатлено в Словаре Брокгауза и Ефрона: «каморка, клетушка; перегородка в избе, где нет топки, а иногда и в горенке, в летней половине; деревянный пристрой к печи, служащий приступом для лазанья на печь или лежанку и помещением для птицы и мелкого скота зимою; большой прилавок у дверей, при входе в избу (Нижегородская губерния); каюта на барках, в которой живет хозяин и хранятся деньги (казна) — отсюда и название. К., в древнецарских покоях — род шкафа из липовых досок, назначавшегося также для хранения казны». В собранном материале мы видим вариант с отличиями по форме и семантике:

Казённа. Подполье. *Слазь в казённу.* [Информантка: 69 лет, агроном]. Богородский район, Кировская область. Команда «БэГиС».

Проблема идентификации региональных единиц

Разумеется, перед сборщиками стояла проблема идентификации слов как местных, что в принципе очень трудно для самих носителей местного варианта языка.

Перед началом работы участникам были даны некоторые рекомендации относительно сфер, в которых региональные слова могут обнаружиться с большей вероятностью. Во-первых, это определенные лексико-семантические области, к примеру, связанные с едой – названия выпечки, блюд, методов приготовления; названия объектов живой природы: флоры, фауны, грибов. Кроме того, местные слова

часто относятся к так или иначе окрашенной лексике: разговорной, экспрессивной, оценочной. Далее, в разных регионах часто отличаются разговорные названия транспорта, типов застройки, отдельных зданий, квартир и т.д., ср. локальные обозначения маршрутов общественного транспорта, имеющих номер один: *однерка, палка, единица, единичка, копейка, однушка, единарка, единарик, одинка* (<https://otvet.mail.ru/question/29138672>). Далее, оказаться непонятными людям из других регионов могут названия относительно новых, но широко распространенных предметов, таких, как прозрачные гибкие кармашки для бумаг, вермишель быстрого приготовления и т. д.

Однако, как известно, региональная лексика не всегда является в рамках регионального варианта языка окрашенной стилистически. Иногда такие слова полностью нейтральны для носителей региональных языков, могут употребляться в локальных СМИ, то есть являются региональными литературными единицами.

Примером может служить глагол *убираться* в значении 'умещаться', употребляемый в контекстах типа «*коробка не уберётся на полке*» в Нижнем Новгороде и некоторых других местах, носителем которого является автор статьи. В Нижнем Новгороде этот глагол может употребить человек со сколь угодно высоким уровнем образования, он встречается в СМИ, то есть здесь это литературная норма.

Нейтральные, литературные единицы опознать как региональные сложнее, и еще сложнее опознать нейтральные региональные значения слова, которое имеется в общенародном языке, но в других значениях. Тем не менее, среди собранного материала немало слов, не являющихся ни экспрессивами, ни оценочными словами, и употребляющихся во вполне нейтральных современных контекстах.

В целом наиболее успешно работали те участники, которые отмечали и фиксировали все необычные, интересные, привлекающие внимание слова, а затем проверяли их на региональность с помощью обсуждения их в сетевом сообществе проекта.

Результаты анализа. Собранный материал не был систематизирован в рамках проекта, но можно выделить в нем определенные группы слов как в аспекте семантики, так и в аспекте происхождения (неравномерное устаревание лексики, региональные неологизмы и т.д.).

С точки зрения семантики в материале значительную роль играют региональные названия обычных предметов или явлений, вошедших в жизнь на наших глазах – или на глазах наших бабушек и дедушек. Сегодня это могут быть названия, связанные с интернет-коммуникацией и IT-технологиями в целом, в том числе в быту, вчера – новые канцтовары или продукты быстрого приготовления, позавчера – разновидности косметики, еще раньше – одноразовые пакеты, новые типы массовой жилой, деловой, торговой застройки и т.д. Все это отражает географическую неравномерность появления в обиходе различных реалий, связанных с бытовым прогрессом. Неравномерность может проявляться и в том, что в разные регионы новый предмет или явление может поступать из разных источников, и это сказывается на обозначении, которое он получает. Пример:

Шлѳнс, шлонсовать. Сканирование, сканировать. *Отшлонсуй, пожалуйста, пару копий.* [Информант: 32 года, начальник отдела страхования ДТП, высшее образование]. Петрозаводск, республика Карелия. Команда «Слововеды».

Нередко такая лексика связана с названиями фирмы-производителя, торговой марки и т.д. Среди собранного материала такие слова тоже есть.

Тонър. Киоск. *Что ты хочешь купить в тонаре?* [Информант: 50 лет, сварщик]. Тольятти, Самарская область. Команда «Волжане» (видимо, связано с названием завода «Тонар», производящем, в частности, прицепы – И. Ф.).

Сюда же, по-видимому, относится дальневосточное *брасматик* (по свидетельствам, на упаковке туши, появившейся в 1990-е гг. на Дальнем Востоке, было написано «brush mate»):

Брасмáтик. Тушь для ресниц. *У меня закончился брасматик.* [Информант: 27 лет, учитель]. г.Находка, Приморский край. Команда #неЧайка.

Возможно, подобное происхождение имеет и записанное той же командой название жевательной резинки:

Чйклис. Жевательная резинка. *Зажевать чиклис.* [Информант: 39 лет, домохозяйка]. г.Находка, Приморский край. Команда #неЧайка.

Еще два региональных названия того же предмета записаны в других регионах:

Малебуйка. Жевательная резинка. *У тебя есть малебуйка?* [Информант: 20 лет, студент]. Самойловка, Саратовская область. Команда «Пчёлы».

Жёвка. Жевательная резинка. *У тебя жёвка есть?* [Информант: 21 год, студент]. Тольятти, Самарская область Команда «Волжане».

Можно заметить в собранном материале обозначения таких объектов (напр., маленького пухового платка, вторично используемой бутылки), у которых в общеупотребительном языке нет однословного наименования, они обозначаются или с помощью свободных словосочетаний, или с помощью лексем с более широким значением, являющихся по отношению к этим региональным словам гиперонимами, называющими целый класс подобных объектов. Примеры:

Матрёшка. Пуховый платок небольшого размера. *Видела на рынке красивую матрешку из белого пуха.* [Информант: 58 лет, пенсионерка] с. Родничок, Балашовского р-на, Саратовская обл. Команда «Знатоки».

Ваучер. Пустая пластиковая бутылка, предназначенная для повторного употребления. *Я потеряла свой ваучер.* Информант: 38 лет, медицина]. Тольятти, Чапаевск, Самарская область. Команда «Волжане».

Пятйшка. Пятилитровая пластиковая бутылка для воды. *Купи пятишку воды, на дачу заберём.* [Информант: 37 лет, работник банка]. Тольятти, Самарская область. Команда «Волжане».

Мўхи. Маленькие саморезики. *Я купила на дачу сотню мух для постройки сарая.* [Информант: 37 лет, высшее образование, актриса в театре]. Петрозаводск, республика Карелия. Команда «Слововеды».

Бичка. СМС с просьбой перезвонить. *Кинь мне бичку, когда освободишься.* [Информант: 21 год, студент]. Тольятти, Самарская область. Команда «Волжане».

Штанушка. Ночное женское платье-пижама. *У меня новая штанушка, надену ее после баньки.* [Информант: врач, 35 лет]. Киров. Команда «Фейхоа».

Кассёта. Картонная или пластиковая тара для яиц. *Купи в магазине кассету яиц.* [Информант: 50 лет, водитель]. Тольятти. Команда «Волжане».

У некоторых денотатов собранных региональных слов в общеупотребительном языке название вроде бы есть, но его нельзя назвать устоявшимся. Так, открытые резиновые шлепанцы на двух ремешках, по-видимому, имеют специализированное название *вьетнамки*, включенное в Словарь Ефремовой, однако в других академических словарях слово отсутствует. В торговле используются названия *вьетнамки, сланцы, шлепанцы*, в небольшом опросе для этой статьи были названы в порядке убывания частоты *шлепки* и *шлепанцы* (одинаково часто), *сланцы, вьетнамки*, просто *тапки*. Участники проекта выявили региональное название этой обуви:

Лягушки. Резиновые тапочки, шлёпанцы, сланцы. *Возьми лягушки для бассейна.* [Информатор: 27 лет, учитель]. Балашов, Саратовская область. Команда «Слово».

В случае неологизмов упоминаемая неравномерность обращает на себя внимание, но само явление не является чем-то новым. Даже для обычных спичек, давно проникших в быт, участники проекта выявили сохранившиеся в разных регионах разные местные названия. Примеры региональной лексики, называющей спички, собранной в рамках проекта:

Серянки. Спички. *У тебя с собой нет серянок?* [Информантка: 68 лет, среднее образование, сельское хозяйство]. Псков. Команда «Скобечане».

Сёрги. Спички. *Возьми в поход сёрги!* [Информант: 45 лет, педагог, высшее образование]. Уфа, республика Башкортостан. Команда «Слововеды».

Сырники. Спички. *Идёшь в лес- не забудь сырники.* [Информант: 47 лет, водитель]. Самойловка, Саратовская область. Команда «Пчёлы».

См. в Словаре русских говоров, вып. 37 Свято – Скимяга подобные образования: *серена, сёренок, серинка, серка, серник, серничка, серничок, серняк, серонка, серянка*. См. также в речи персонажей крестьянской прозы: *Это в войну, когда серянок не было, огонь из него добывали.* [Василий Шукшин. Солнце, старик и девушка (1960-1971)].

Одним из факторов формирования региональных вариантов языков является неравномерное устаревание лексики. В собранном материале имеются лексемы, устаревшие в общеупотребительном языке. К примеру, слово *мотор* использовалось в литературном языке как экспрессивное разговорное название такси еще в 1960-е,

вспомним знаменитую строчку И. А. Бродского «О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора» (1970), и давно устарело. Но в языке Тольятти оно оказалось живым:

Мотóр. Такси или другой любой легкой автомобиль. *Закажи-ка мне ко времени моторчик!* [Информант: 20 лет, студент]. Тольятти, Самарская область. Команда «Волжане».

Нижеследующие архаичные заимствования в современном литературном языке вполне могли бы использоваться для создания исторической атмосферы:

Тítла. Заголовок, название книги. *Какая титла у этой книги?* [Информант: 60 лет, учитель русского языка]. С. Карамышево, Псковская область. «Команда БэВиС» (многозначное слово в значении 'заголовок' употреблялось в русском языке XVIIIв. – И.Ф.).

Блáнжевый. Бежевый. *Платье бланжевого цвета.* [Информант: 41 год, учитель]. Романовка, Саратовская область. Команда «Лингва» (слово употреблялось в XIX в. в значении 'кремовый' – И.Ф.).

Слово *визитка* в словаре Ушакова толкуется как 'недлинныйоднобортныйсюртуксзакругленнымирасходящимисяспередиполами, фалдами' (в котором совершают визиты – И. Ф.). Лексема обнаружилась в современном карельском варианте русского языка, с семантическим сдвигом:

Визítка. Верхняя одежда, которая висит у входа. *Сейчас по-быстрому надену визитку и сбегаю до магазина.* [Информант: 63 года, товаровед и организатор торговли продовольственными товарами, среднее образование]. Поселок Шуя, Прионежский район, республика Карелия. Команда «Слововеды».

К пласту исконных и еще более архаичных в русском литературном языке слов относятся слова *солóдкий* (вытесненное старославянизмом *сладкий*), *потка* (диминутив от *пѣта* 'птица', зафиксированное в летописях), *стогна* (уже в нач. XIX в. бывшее архаизмом и возвышенным поэтизмом), *внука* (вытесненное диминутивом *внучка* в старорусский период), *секира*, *пращур*. Тем не менее, сборщики обнаружили эти слова в различных современных региональных вариантах русского языка без коннотаций архаичности, возвышенности и пр.

Салóдкий. Сладкий. *Какие салодкие яблочки уродились!* [Информантка: 55 лет, домохозяйка]. Балашов, Саратовская область. Команда «Слово».

Прáщур. Предок. *Мой пращур был председателем колхоза.* [Информант: 39 лет, социальный работник] Аркадак, Саратовская область. Команда «Пчёлы».

Внúка. Внучка. *У меня есть добрая внука.* [Информант: 69 лет]. Киров (ср. в диалектном подкорпусе НКРЯ: «*Васиха баела, мнука — то ейная на учительшу учицца, у Марфиды опеть на фершала*» [Эко, балабошка какая — сидит и сидит (Швецово, Кумёнский район, Кировская область, 1989)]).

На стóгнах. На площади. *Я стою на стогнах.* [Информант-61 год, учительница]. Заянье, Псковская область. Команда «Скобарята-лингвисты».

Пóтка. Птичка. *Потки сидят на дереве.* [Информант: врач, 35 лет]. Киров. Команда «Фейхоа».

Сакíра. Топор. *Здесь без сакиры не обойтись.* [Информант: 35 лет, электрик]. Самойловка, Саратовская область. Команда «Пчёлы».

В семантическом аспекте, кроме того, можно выделить и такие лексико-семантические группы, как «Еда», «Транспорт», «Природа», «Характеристики человека».

Первую группу проиллюстрируем названием объекта, региональная вариативность русских названий которого давно стала предметом шуток («Где-то в Бологом шаурма превращается в шаверму»):

Шу́ля. Шаурма. *Ты купил мне шулю?* [Информант: 24 года, рабочий]. Барнаул, Алтайский край. Команда «Фомичи».

Транспортные регионализмы включают не только региональные разговорные названия видов транспорта марок автомобилей, но и глаголы, описывающие действия с автомобилями, а также номинации человека, связанные с автомобилями.

Хорёк. Автомобиль Toyota Harrier. *Купил себе хорька 2017 года выпуска.* [Информант: 47 лет, индивидуальный предприниматель]. Находка, Приморский край. Команда #неЧайка.

Таблётка. Автомобиль скорой помощи. *Нужно срочно вызвать таблетку.* [Информант: 50 лет, разнорабочий]. С. Клепиково, Алтайский край. Команда «Фомичи».

Закатáться. Затонироваться. *Я качественно закатался.* [Информант: 35 лет, водитель]. Бийск, Алтайский край. Команда «Фомичи».

Зубíло. Автомобили семейства ВАЗ 2108, 2109, 21099. *Вон Лёха на своем зубиле приехал.* [Информант: 38 лет, менеджер]. Тольятти, Самарская область. Команда «Волжане».

Грантовóд. Водитель автомобиля «Гранта». [Информант: 36 лет, водитель]. *Придерживайся пока за грантоводом, не обгоняй его.* Тольятти, Самарская область. Команда «Волжане».

Шахматíст. Водитель, перестраивающийся из ряда в ряд, лавируя между остальными автомобилями, чтобы опередить их. *Надоели эти шахматисты, постоянно создают аварийные ситуации на дорогах.* [Информант: 45 лет, водитель]. Тольятти, Самарская область. Команда «Волжане».

Природа зеркалесобранных регионализмов представлена прежде всего местными названиями грибов, среди которых особенно разнообразны, что подтверждается и другими данными, названия подберезовика, напр.,

Чили́к. Подберезовик. *Ещё утром они ушли за чиликами.* [Информант: 35 лет, учитель, высшее образование]. Петрозаводск, республика Карелия. Команда «Слововеды».

Но́жки. Поерёзовики. В этом году хорошие ножки были в лесу. [Информант: 59 лет, водитель]. Тольятти. Команда «Волжане».

Записаны также региональные названия ягод, насекомых, змей, распространенных растений, погодных явлений, в основном, диалектного происхождения.

Диалектное происхождение в основном характерно и для чрезвычайно многочисленной группы экспрессивных субъективно-оценочных номинаций человека. Эти слова крайне любопытны с этимологической точки зрения и очень выразительны. Приведем несколько примеров.

Азгоро́да. 1. Человек, делающий какое-нибудь дело без всякого старания. *Он — азгорода! Вся команда старается, а он сделал тяп ляп, и ушёл!* 2. Человек, который мешает другим работать. 2. *Катька, азгорода ты, уйди отсюда, не мешай.* [Информант, 79 лет, среднее образование, сфера промышленности] Псков. Команда «Скобечане». (Ср. в Словаре русских говоров, вып. 23 Одале – Осеть: Озгорода. 3. О том, кто выполняет какое-либо дело без старания, небрежно, поспешно. Новорж., Опоч., Порх. Пек., 1855. Пек.4. О том, кто мешает работать другим. Пек., 1855 – И. Ф.).

Ане́йна. Лежебока, ленивый. *Такие анейны ничего в жизни и не добьются!* [Информантка: 63 года, высшее, сельское хозяйство]. Печорский район, Псковская область. Команда «Скобечане.» (В Словаре русских народных говоров слово отсутствует – И. Ф.).

Адо. Непослушный ребенок. *Какой адо, еще и перечит!* [Информант: учитель математики, 30 лет]. Омутнинск, Кировская область. Команда «Фейхоа».

Пример редкого регионального неологизма с этой семантикой:

Ча́йка. Любитель халявы. *Купил себе на перемене пачку чипсов, из-за чаек в классе самому почти ничего не досталось.* [Информант: 13 лет, школьник]. Находка, Приморский край. Команда #неЧайка.

Семантика регионализмов не ограничивается перечисленными сферами, включая в себя прилагательные позитивной оценки, названия денежных единиц, названия сверхъестественных, мифических существ и др.

Отдельный интересный пласт регионализмов представляют собой идиомы, которые попадают в поле зрения исследователей реже, чем отдельные слова. В рамках описываемого проекта они также собирались. Поскольку информации об этих единицах немного, хотелось бы их привести:

Уповод целый. Долго. *Ну что, тебя уповод целый ждать.* [Информант: 35 лет, учитель, высшее образование]. Петрозаводск, республика Карелия. Команда «Слововеды».

Потопать полы. Отметить новоселье. *В эту субботу потопчем полы у Нади.* [Информант: 49 лет, воспитатель в детском саду, высшее образование]. Енисейск, Красноярский край. Команда «Слововеды».

Как вши по гаснику. Друг за другом. *Дети бегают, как вши по гаснику.* [Информант: 56 лет: вахтёр]. Киров. Команда «Вятский говорун».

Ходить развязкой. Ходить без головного убора. *Куда ты пошёл развязкой: на улице мороз!* [Информант: 69 лет, пенсионерка]. С. Берёзовка, Елховский район, Самарская область. Команда «Волжане».

Строка́ напáла. Взбеситься. *На тебя что, строка напала?* [Информант: 69 лет, пенсионерка]. Берёзовка, Елховский район, Самарская область. Команда «Волжане».

Лючки́. По-хорошему, хорошо, удачно, без беды. *Езжайте в путь, чтоб всё лючки было.* [Информант: 70 лет, сельское хозяйство]. Зуевка, Кировская область. Команда «Ударники».

Руки не гуляют. Не отдыхать. *У меня руки не гуляют.* [Информант-61 год, учительница]. Д. Березно, Псковская область. Команда «Скобарята-лингвисты».

Хоть бо́ком катíсь. Хорошая, ровная дорога. *Дорога — хоть бо́ком катíсь! Ровная, ни кочки нет.* [Информант, 67 лет, пенсионерка]. Пушкинские Горы, Псковская область. Команда «Скобечане».

Прокатить по зелёной. Избежать препятствий, сделать что-то без урона для себя. *Сегодня была контрольная по математике, я сказал учителю, что заболел, и она отпустила меня с урока, повезло - я прокатил по зелёной.* [Информант: 16 лет, школьник]. Находка, Приморский край Команда #неЧайка.

Как зимогóр. Одеться очень тепло. *Я сегодня оделся как зимогор.* [Информант: 16 лет, школьник]. С. Большая Соснова, Пермский край. Команда «СветТИМ».

Из гáньки. Сумасшедший. (Ганино - это поселок, в котором находится Кировская областная клиническая психиатрическая больница им. В. М. Бехтерева). *Ты чё, из гáньки?* [Информант: 16 лет, учащийся школы, социальная сфера]. Киров. Команда «Вятские глашатаи».

Брат с севера приехал. Так говорят, когда угощают чем-то, значит, что этого много. *Брат с севера приехал, берите конфеты, не стесняйтесь.* [Информант: учитель физической культуры, 52 года]. Киров, Кировская обл. Команда «Фейхоа».

Сова на мякíне. Очень жадный человек. *Та соседка что сова на мякине- стакан воды не даст.* [Информантка: 62года, пенсионерка]. С. Макарово, Саратовская область. Команда «Пчёлы».

Сейчас не до грибо́в. Неподходящий момент. *Сейчас не до грибов, давай думать о главном.* [Информант: 52 года, преподаватель]. Балашов, Саратовская область. Команда «Пчёлы».

Дать углá. Резкий поворот при езде на машине. *Вот ребята дали угла!* [Информант: 24 года, механизатор]. Балашов, Саратовская область. Команда «Пчёлы».

Апальшина. Даром, без затрат. *Не буду я брать деньги, это так, апальшина.*
[Информант: 80 лет, пенсионер, бывший продавец]. Котельнич, Кировская область.
Команда БэГиС.

Выводы. Таким образом, волонтеры-школьники могут вносить существенный вклад в решение таких задач региональной лингвистики, как сбор региональной лексики и уточнение ее региональной принадлежности при условии хорошей организации работы в командах и связи с лингвистом-куратором.

В результате работы проекта «Региональные особенности русской речи» (2019 г.) школьные команды собрали обширный и ценный материал в 32 регионах России и представили его в виде карты с записями региональных слов, сделанных в конкретном населенном пункте: как неологизмов, так и старых диалектизмов в современных контекстах.

Эта работа помогла участникам проекта получить опыт научных исследований, расширить свои лингвистические знания, усилила местную идентичность, повысила связь с малой родиной, престиж региональных вариантов русского языка и интерес к ним.

Литература

Беликов, В. И. *Словарь «Языки русских городов»: подбор примеров и интернет*. URL: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Belikov.htm>

Зализняк, А. А. (2023). *Из заметок о любительской лингвистике*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Альпина нон-фикшн.

Сухорукова, Е. В. (2020). Воспитательный аспект освоения обучающимися методологии научного исследования в рамках проекта «Региональные особенности русской речи». *Воспитание в современных условиях: региональный аспект*: сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 30 октября 2020 г. Пенза: Изд-во ПГУ. 177–184.

Фуфаева, И. В. (2020). Передайте мультифору. *Троицкий вариант*: газета: официальный сайт. URL: <https://www.trv-science.ru/2020/01/peredajte-multiforu/>

Словари

Брокгауз и Ефрон. (1890-1907). *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.

Ефремова, Т. В. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*: свыше 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц; в 2 т. Москва: Русский язык

Ушаков, Д. Н. (Ред.). (1935-1940). *Толковый словарь русского языка*: в 4 т. Москва: ОГИЗ.

Словарь русских народных говоров. (1965-). Москва; Ленинград: Наука.

Языки русских городов: словарь. *Lingvo Клуб*: официальный сайт. URL: <https://web.archive.org/web/20130920171427/http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp?word=166>

References

Belikov, V. I. *Dictionary “Languages of Russian cities”: selection of examples and the Internet*. Retrieved from <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Belikov.htm> (accessed 02.06.2024). (In Russian).

Zaliznyak, A. A. (2023). *From notes on amateur linguistics*. 2nd ed., rev. and ad. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ. (In Russian).

Suhorukova, E. V. The educational aspect of students mastering the methodology of scientific research within the framework of the project “Regional Features of Russian Speech”. *Education in modern conditions: regional aspect: collection of articles based on the materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, October 30, 2020, 177–184*. Penza: PSU Publishing House. (In Russian).

Fufaeva, I. V. (28.01.2020). Pass the multifora. *Troickij variant*, 296, 16. Retrieved from <https://www.trv-science.ru/2020/01/peredajte-multiforu/> (In Russian).

Dictionaries

Brockhaus, F. A., Efron, I. A. (1890–1907). *The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary*. Saint Petersburg. (In Russian).

Efremova, T. V. (2020). *New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative: over 136,000 dictionary entries, about 250,000 semantic units: in 2 volumes*. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian).

Ushakov, D. N. (ed.) (1935–1940). *Explanatory dictionary of the Russian language: 4 volumes*. Moscow: OGIZ Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects (1965–). Moscow; Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Languages of Russian cities: dictionary. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20130920171427/http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp?word=166> (accessed 06.03.2024). (In Russian).

Для цитирования статьи:

Фуфаева, И. В. (2024). «Слова для своих»: участие школьников-волонтеров в сборе регионального языкового материала. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 58–71. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-58-71

For citation:

Fufaeva, I. V. (2024). Our own words: participation of schoolchildren volunteers in collecting regional language material. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 58–71. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-58-71

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА / YOUNG VOICES

Новгородские диалектные названия невзрослых домашних животных

Ю. И. Андреева

Novgorod dialectal names for non-adult pets

Yu. I. Andreeva

Юлия Игоревна Андреева – магистрант; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: yulia0301andreeva@mail.ru

Статья поступила. 10.05.2024. Принята к печати: 20.06.2024.

Важнейший вид регионализмов – диалектные слова, которые традиционно изучаются в диалектологии и описываются в диалектной лексикографии. В предлагаемой статье рассмотрены диалектизмы с привлечением материалов одного из региональных словарей – Новгородского областного словаря. Предметом анализа выступают словарные статьи, образующие лексико-семантическую группу «Невзрослые домашние животные», которая ранее не становилась предметом специального научного изучения. В данную группу с учетом семантических компонентов со значениями ‘детеныш’, ‘молодой’, а также ‘возраст животного’ включены 110 единиц: *двулеток*, *другачок*, *паводник*, *подтоварник*, *соломенник*, *мурмуль* и др. Выделенные слова, с одной стороны, анализируются в статье как единицы диалектной лексической системы, а с другой стороны, представлены в соотношении со словами литературного языка. В последнем случае внимание уделено иллюстративным материалам словарных статей, которые не только конкретизируют для пользователя информацию, содержащуюся в диалектном слове, но и позволяют получить сведения о том, как носители диалекта организуют свою речь в новой для них ситуации объясняющей деятельности. До середины XX века для обозначения всех региональных особенностей языка в лингвистической науке применялся один термин – *диалект*. В современных исследованиях с диалектом соотносится *региолект*: он либо выводится из диалекта, либо противопоставляется ему, либо включает диалект в свой состав. Интерес к изучению региолектов, многоаспектность связанной с ними проблематики обусловили формирование особой области научных исследований – регионалистики, одним из направлений которой является лингворегионалистика.

Ключевые слова: региолект, регионалистика, диалект, диалектная лексика, диалектный словарь

УДК 811.161.1:81`282

Yulia I. Andreeva – master’s student; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID 0009-0006-9508-0745

Received: 10/05/2024. Accepted for publication: 20/06/2024.

The most important type of regionally specific words is dialect words, which are traditionally studied in dialectology and described in dialect lexicography. This article examines dialectisms using materials from one of regional dictionaries – the Novgorod Regional Dictionary. The subject of the analysis is the dictionary entries that form the lexical-semantic group “Non-adult pets,” which has not previously become the subject of special scientific study. This group, considering the semantic components with the meanings ‘cub’, ‘young’, as well as ‘animal age’, includes 110 units: *dwuletok*, *drougachok*, *pavodnik*, *podtovarnik*, *solomennik*, *murmul* etc. The highlighted words, on the one hand, are analyzed in the article as units of the dialect lexical system, and on the other hand, are presented in correlation with the words of the literary language. In the latter case, attention is paid to illustrative materials of dictionary entries, which not only specify for the user the information contained in a dialect word, but also allow one to obtain information about how dialect speakers organize their speech in a new situation of explanatory activity. Until the middle of the 20th century, one term was used in linguistic science to denote all regional features of a language – dialect. In modern research, a regiolect is correlated with a dialect: it is either derived from a dialect, or contrasted with it, or includes a dialect in its composition. Interest in the study of regiolects and the multifaceted nature of the problems associated with them led to the formation of a special field of scientific research – regional studies, one of the areas of which is linguo-regional studies.

Keywords: regionalism, regional studies, dialect, dialect vocabulary, dialect dictionary

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. В конце XIX – начале XX в. появился широкий круг исследований, посвященных изучению разных форм варьирования современного русского языка, прежде всего – территориального и социального. Одна из таких форм варьирования получила название региолект [Трубинский, 1991].

Этот термин неоднозначно толкуется в работах ученых, однако во всех случаях региолект соотносится с диалектом: он либо выводится из диалекта, либо противопоставляется ему, либо включает диалект в состав своих признаков. В последнем случае диалектные языковые черты рассматриваются во взаимодействии с литературной речью и просторечием как составными компонентами региолекта [Ерофеева, 2020]. Сосуществование в речевой практике носителей диалекта собственно диалектных и иных языковых форм требует изучения не только изменений в традиционном составе территориальных диалектов, но и исследования свойств диалектных единиц, прежде всего лексических, в условиях употребления в новых коммуникативных формах. Как представляется, к таким формам можно отнести диалектный словарь, в словарных статьях которого можно обнаружить неоднородность речевого поведения диалектоносителей, в ситуациях речевого контакта с собирателями диалектной лексики – носителями литературного языка.

Цель статьи – рассмотреть одну из групп диалектной лексики с учетом тех форм, в которых она закреплена в диалектном словаре.

История вопроса. Интерес к проблеме варьирования языка возникает в лингвистической науке в XX веке и формулируется как вопрос о существовании территориальных и социальных вариантов языка, их показателях и особенностях. Как отмечает В. А. Маслова, эти базовые формы варьирования взаимообуславливают друг друга: в основе пространственного варьирования лежат не только чисто лингвистические (внутриструктурные), но и другие факторы (экономические, социолингвистические, социокультурные, исторические и др.) [Маслова, 2019, с.179].

Языковое варьирование, по мнению ученых, определяется тем, что русский язык как язык общения разнородного населения, проживающего на огромной территории, не может быть внутренне однородным: «Региональный узус на русскоязычном пространстве различался всегда. Но сталкиваться с этим приходилось лишь тем, кто оказывался в непривычной языковой среде; те, кому мигрировать приходилось мало, часто не осознавали официальной ненормативности собственного словоупотребления» [Беликов, 2007, с. 45].

До середины XX века для обозначения всех региональных особенностей в лингвистической науке применялся один термин – *диалект*. Однако для характеристики всех региональных, уникальных черт того или иного региона термина *диалект* оказалось недостаточно, так как, помимо территориального фактора, на диалект оказывают большое влияние и факторы социальные. Отмечая социальную расслоенность речи жителей деревни и ее ситуативную обусловленность, Л. П. Крысин называет ее причинами мощное воздействие литературного языка, социально-экономические преобразования в жизни деревни и контакты с городским населением,

которое является носителем литературного языка и городского просторечия, а также воздействие языка средств массовой информации [Крысин, 2008, с. 4].

Следствием этих процессов, как полагают исследователи, явилось стремление носителей диалекта к литературному языку и снижение количества говорящих на диалектах; многие считали, что диалекты умирают и постепенно исчезнут совсем. Для обозначения нового состояния «уходящих диалектов» был предложен термин *региолект* [Трубинский, 1991]. Необходимость нового термина В.И. Трубинский обосновывает тем, что «в наши дни все труднее становится говорить о живых народных говорах как о лингвистической реальности. На настоящем этапе развития языка они представляют в русской разговорной стихии уже не собственно диалекты, а переходные от диалектов к литературному языку полудиалектные-просторечные языковые сферы» [Трубинский, 1991, с. 157]. Региолекты, в его понимании, это новые территориально-системные образования, своего рода «укрупненные» диалекты, возникающие на основе смежных территориальных говоров, сохраняя при этом «вполне определенные различительные черты, которые они избирательно наследуют из диалектов уходящих» [Трубинский, 2004, с. 93].

Иной взгляд на сущность региолекта предложил А. С. Герд. Он определил региолект как особую форму устной речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью с городским просторечием» [Герд, 2001, с. 23–24]. По мнению А. С. Герда, региолект в системе форм существования русского языка рассматривается как относительно новое промежуточное языковое образование, возникающее в связи с взаимодействием литературного языка, просторечия и местных говоров и постепенно заменяющее последние [Герд, 1998, с. 20–21].

Такое понимание региолекта, с опорой на диалектную речь определенного региона, широко представлено в современной лингвистической регионалистике [Новикова, 2011]. Однако следует отметить и иные трактовки этой формы современной русской речи: так, В. И. Супрун акцентирует в этом термине социальную составляющую. Региолект, по его мнению, это речевая система субэтноса, поэтому территориальные и социальные разновидности языка, не соотносящиеся с субэтническими группами народа, нельзя считать региолектами; «они сохраняют свой диалектный статус, входят в диалектный континуум языка. Диалектная речь всегда будет изменяться, приобретать новые черты, но никогда не умрет, не исчезнет, пока существует живой язык» [Супрун, 2020, с. 840].

Социальная сущность региолекта анализируется также в статье [Ерофеева, 2020], в которой автор отмечает, что современные региолекты русского языка можно представить как континуумы, формирующиеся на пересечении территориальной и социальной осей. Региолект, считает автор, является промежуточным образованием, поэтому в разных его «точках» (местностях, социальных группах, индивидах), черты «перемешанных» в нем идиомов – литературного языка, просторечия, местных говоров – могут проявляться в большей или меньшей степени. В самом региолекте также существуют разного рода переходные формы, которые формируются на осях

«литературная речь – диалект», «просторечие – диалект», «литературная речь – просторечие». Все эти варианты явления внутри региолекта обусловлены как территориальным фактором, так и такими социальными факторами, как тип образования и специальности, отношение к языку [Ерофеева, 2020, с. 600].

Для нашего исследования является важной характеристика форм, в которых проявляются разные виды вариативности: «во-первых, собственно региолектные варианты реализации той или иной языковой единицы сосуществуют в речи носителей региолекта с единицами других идиомов (в частности, с литературными, разговорными, просторечными); во-вторых, сами региолектные единицы могут реализовываться целым рядом вариантов, который зачастую шире вариативности единиц в основных формах существования языка» [Ерофеева, 2020, с. 599]. При этом «в языковом сознании носителей региолекта собственно региолектные варианты и варианты, заимствованные из других форм языка, не разводятся» [Там же].

Интерес к изучению региолектов, многоаспектность связанной с ними проблематики, их значимость для понимания современных социальных процессов обусловили формирование особой области научных исследований – регионалистики, которая «изучает процессы деятельности и существования человека и создаваемую им культуру во взаимодействии с окружающей средой в рамках компактного географического пространства, региона» [Проблемы, 2013, с. 171; Славянские ценности, 2017].

Одним из ее направлений является лингворегионалистика, в задачи которой входит изучение «специфических явлений и вариаций языка, обусловленных этнической картиной региона, влиянием территориального диалекта, особенностями использования различными социальными группами в зависимости от целей и условий коммуникации» [Новикова, 2011, с. 36]. Одним из дискуссионных вопросов лингворегионалистики является ее отношение с диалектологией, а именно, вопрос о включении диалектологии как научной и учебной дисциплины в лингворегионалистику. С нашей точки зрения, такой подход вполне оправдан: в этом случае описанием словарного запаса, фразеологического фонда, фонетических особенностей, грамматического строя, словообразования занимается лингвокраеведение как один из разделов лингвистической регионалистики [Бахвалова, 2015, с. 118].

Однако задачи научного изучения системы диалектной речи гораздо шире, прежде всего благодаря тем возможностям, которые предоставляют исследователям диалектные словари, в которых зафиксирована не только диалектная лексика и сопутствующие комментарии, но и «присутствуют» сами носители диалектного материала, или, как писал А.С. Герд, «не единица языка, а человек, индивид, его поступки и действия в его отношении к языку и через язык» [Герд, 2001, с. 10]. Как следствие, оказывается возможным проследить не только то, как диалектное слово фиксируется и обрабатывается записавшим его носителем литературного языка для включения в диалектный словарь, но и выявить участие в этом процессе самого носителя диалекта.

Методология и методика исследования. Формой отражения и закрепления состояния языка и его разновидностей в разные исторические периоды являются

словари. «Если в словарях литературного языка широко представлена элитарная культура, культура образованного слоя, то в диалектных словарях находит отражение культура народная, крестьянская» [Толстой, 1995, с. 16–17]. Поэтому для изучения региональной культуры большое значение имеет диалектная лексикография, поскольку диалектный словарь, заключая в себе сотни и сотни местных народных слов и выражений, представляет собой подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа. Лексика, собранная в диалектных словарях, порой является единственным свидетельством жизни и быта целых поколений.

Современная лингвистика рассматривает словарь не только как справочное пособие, но и как особую разновидность текста, организованную по его законам. Так, в частности, словарная статья, как и любой другой текст, состоит из введения (заглавное слово), основной части (толкование или перевод, грамматическая и фонетическая информация, фразеологические и устойчивые словосочетания) и заключения (сведения об этимологии заглавного слова, примеры употребления). Словарь в целом также можно описать в терминах лингвистики текста: он характеризуется формальной связью частей (когезией), смысловой согласованностью частей, информативностью (наличием новой информации для адресата), интенциональностью (наличием замысла) и др. [Балканов, 2017].

В то же время, согласно данным «Лингвистического энциклопедического словаря», лексикографические издания выполняют, кроме того, и коммуникативную функцию [ЛЭС, с. 5]. Если определить коммуникацию как «передачу сообщения» [Философия... 2004, с. 46], то словарь можно рассматривать как способ передачи информации от лексикографа к пользователю. В диалектном словаре данный процесс, как представляется, выступает в осложненном виде: информация поступает сначала от информанта и воспринимается лексикографом, а затем, уже в словарной форме, прочитывается пользователем. В этом случае особое значение приобретает иллюстративный материал как часть словарной статьи, который не только конкретизирует для пользователя информацию, содержащуюся в диалектном слове, но и позволяет получить сведения о том, как носители диалекта организуют свою речь в новой для них ситуации объясняющей деятельности.

Материалом для настоящего исследования послужила лексика, называющая домашних животных, выбранная из Новгородского областного словаря (2010). Данные этого словаря соответствуют цели настоящего исследования, поскольку он является словарем дифференциального типа, то есть, по замыслу авторов, содержит только специфичную диалектную лексику, не входящую в состав литературного языка. Однако Новгородский областной словарь (далее НОС) отражает позднее состояние новгородского диалекта, поскольку основан на записях речи диалектоносителей, сделанных в конце 50-х – 70-х гг. прошлого века, которая, вследствие причин социального характера, испытала влияние литературных, «городских», форм коммуникации [Виноградов, 1967, с. 76; Трубинский, 1991, с. 157; Шапошников, 1999, с. 28].

Ведущим методом исследования диалектной лексики, выбранной из НОС, в нашей статье является описательно-аналитический, включающий в себя методики

анализа словарных дефиниций, компонентного анализа, частично – приемы лингвокультурологического анализа.

Анализ материала. Анализ научных работ, посвященных описанию языковой картины мира в народных говорах, свидетельствует о том, что специфика диалекта создается в первую очередь лексическими средствами, такими, как тематические и лексико-семантические группы, значение слова, структура многозначного слова, мотивационные связи, а также диалектная идиоматика, сочетаемость лексем и др. [Закуткина 2001; Вендина 1998]. Важно заметить, что НОС содержит десятки слов, которые не встречаются в других диалектных словарях (например, в Псковском областном словаре), либо упоминаются в них в качестве иллюстративного материала, что говорит об исключительном своеобразии новгородского диалекта.

«Как правило, к диалектному словарю исследователи обращаются по мере необходимости, с конкретными запросами, касающимися отдельных слов или групп слов...» [Толстая, 2017, с. 1], поэтому объектом анализа в предлагаемой статье стали лексические диалектизмы, образующее тематическое поле «Домашние животные», состоящее из 242 словарных единиц, представленных в НОС. Оно включает наименования животных и птиц, объединенных признаком «играющий/не играющий роль в жизни человека». Из этого поля мы выделили группу «Невзрослые домашние животные», которая стала предметом для наблюдения и описания ее лексикографических характеристик. Обращение к этой тематической группе диалектных слов обусловлено в первую очередь тем, что она не становилась предметом специального научного исследования [Кудряшова, Брысина, 2015; Сабурова, 2018].

Анализ словарных материалов показал, что названия невзрослых животных составляет почти половину общего количества лексем (110 из 242) в общем составе тематического поля, что можно рассматривать как свидетельство значимости обозначаемых реалий в повседневной жизни диалектоносителей. В эту группу включаем слова, в толковании которых присутствует компонент ‘детеныш’: **Козелóк**¹, -а, м. **Детеныш** козы; козленок [НОС, 403]; **Кóзка**, -и, ж. **Детеныш** козы [НОС, 403]; **Кóзушка**, -и, ж. **Детеныш** козы; козочка [НОС, 405]; **Отъёмыш**, -а, м. **Детеныш** животного, отнятый от матки [НОС, 765].

Полагаем, что семантика «невзрослости» свойственна названиям домашних животных, в толковании которых есть компонент ‘молодой’, поскольку само это прилагательное называет признак незрелости по возрасту (ср. молодняк – о молодых животных)[МАС, II, с. 291]: **Жерёбушка**, -и, ж. **Молодая** лошадь. [НОС, 254]; **Лоншáчина**, -ы, ж. **Молодая** лошадь. [НОС, 519]; **Ярúшка**, -и, ж. **Молодая** овца [НОС, 1332].

Невзрослость домашнего животного обозначается также указанием на возраст, который, с точки зрения диалектоносителей, характеризует его как детеныша: **Двулёток**, -а, м. Жеребенок **в возрасте двух лет**. [НОС, 212]; **Другачóк**, -а, м. Жеребенок **двух лет от роду** [НОС, 234]; **Лоншáчка**, -и, ж. Телка **от года до двух лет** [НОС, 519]; **Нетёлок**, -а, м. Теленок **в возрасте одного года** [НОС, 643]; **Пáводник**, -а, м. **Годовалый** бычок [НОС, 779]; **Подтовáрник**, -а, м. Поросенок **в возрасте до года** [НОС, 869]; **Солóменник**, -а, м. Теленок **на втором году жизни** [НОС, 1118]; **Мурмúль**,

-я, м. 1. **Только что народившийся теленок** [НОС, 573]; **Годовик**, -а, м.1. Животное **в возрасте одного года** [НОС, 170].

Слова-названия незрелых домашних животных образуют две группы в зависимости от особенностей словарной формы.

В *первую* входят слова, не соотнесенные с соответствующими словами общелитературного языка: **Быша**, -и, м. 1. **Маленький** теленок.[НОС, 88]; **Другачок**, -а, м. Жеребенок **двух лет от роду**. [НОС, 234]; **Дюх**, -а, м. Поросяенок.[НОС, 241]; **Зурка (зюрка, зюрька)**, -и, м. Поросяенок [НОС, 339]; **Летошник**, -а, м. Животное **на втором году жизни**. [НОС, 506]; **Огоняток**, -а, м. Жеребенок.[НОС, 694]; **Подсуслонник**, -а, м. Цыпленок.[НОС, 868]; **Сенник²**, -а, м. Теленок **на первом году жизни** [НОС, 1076].

Вторую группу образуют слова, однокоренные со словами общелитературного языка: **Козлененок**, -а, м. Козленок [НОС, 403]; **Котенчишко**, -а, м. Котенок.[НОС, 447]; **Куренок**, -а, м. Цыпленок.[НОС, 484]; **Овчонок**, -я, м. Ягненок.[НОС, 690]; **Поросок**, -а, м. Поросяенок.[НОС, 912]; **Теленко**, -а, м. Теленок.[НОС, 1181]; **Щененок**, -а, м. Щенок [НОС, 1319].

Сопоставление их лексического наполнения позволяет выделить как в первой, так и во второй группе словообразовательные серии однокоренных слов. Так, в первой группе можно выделить следующие ряды (всего 9 рядов):

Дюх – Дюха – Дюшка – Дюшок – поросенок;

Осенничек – Осенчак – Осенчук – Осенютка – Осенюток – животное осеннего приплода, как правило, ягненок;

Путреник¹ – Путреничек – Путряш – теленок;

Сенник² – Сенница – Сенничка – Сеннуха – теленок.

Анализ приведенных словообразовательных рядов показал, что различия в суффиксальной оформленности компонентов не вызывают существенных различий в толковании их значений: словарные пометы указывают либо на различия по признаку пола (*сенник* – теленок, *сенница* – телка), либо на дополнительную оценочность (*дюшок* – ум.-ласк. к *дюх*, *путреничек* – ум.-ласк. к *путреник*, *сенничка* – ласк. к *сенница*).

Во второй группе словообразовательная серийность представлена также достаточно широко (10 рядов): **Жеребень – Жеребок – Жеребуха – Жерёбушек – Жерёбушка – Жеребущечка** – жеребенок, молодая лошадь;

Котененок – Котенчишко – Коток – котенок;

Козлок¹ – Козка – Козлененок – Козушка – детеныш козы;

Поросок – Порось – Поросук – поросенок;

Ягнечка – Ягнечишко – ягненок.

Приведенные серии позволяют предположить, что широкая вариативность региолектных единиц, отмеченная Е. В. Ерофеевой [Ерофеева, 2020, с. 599], опирается в первую очередь на словообразовательную серийность, свойственную диалектной лексике (в общелитературном языке в этом случае имеются пары *жеребенок – жеребеночек*, *котенок – котеночек*, *ягненок – ягнечка* и др.).

В толкованиях приведенных слов зафиксированы главным образом различия по признаку «самец /самка»: *жерёбушек – жерёбушка*, *жеребущечка* – молодая лошадь, *козлок* – *козка*, *козушка* – маленькая коза, *козочка*, *ягнечишко* – *ягнечка* – овечка.

Отметим, что включенное в НОС слово **Жеребёнок**, называющее для носителей литературного языка детеныша лошади, приводится в НОС как обозначение взрослой особи – самец лошади; жеребец.

Различия между единицами выделенных групп заключаются в характере их мотивированности. Если понимать мотивированность слова как осознаваемую этимологию [Кронгауз, 2001, с. 140], то в первой группе мотивирующий признак, закрепленный в морфемном составе, отражает осознаваемые диалектоносителями признаки «невзрослости» животного: *возраст – Двулётюк, -а, м. Жеребенок в возрасте двух лет.* [НОС, 212]; *Годовик, -а, м.1. Животное в возрасте одного года. Сосунок, жеребёнок двух-трёх месяцев ещё сосунок, продают-то сосунка. Лоньшачок называют. Лето проходит и зиму – годовик* [НОС, 170]; *Одногóдок, -а, м. Животное в возрасте одного года* [НОС, 700]; *время рождения – Осёничек, -а, м. Животное осеннего приплода. Теляты, которым первый год, осёнички* [НОС, 736]; *Подсуслóнник, -а, м. Цыпленок, вылупившийся из яйца во время уборки урожая, поздно* [НОС, 868]; *способ кормления – Пóенец, -а, м. Теленок, которого выпаивают молоком* [НОС, 873]; *Пóинец, -а, м. Животное, пьющее самостоятельно жидкую еду. Как сам поросёнок пить начнёт, то поинец.* [НОС, 879].

Вместе с тем в материалах НОС представлены слова, мотивированность которых выясняется только в иллюстративном материале: носители диалекта толкуют их значение, называя мотивирующий признак: *Селётюк, -а, м. Животное, родившееся в этом году. Селетюк– телёнок, родившийся в этом году* [НОС, 1074]; *Сенница, -ы, ж. Женск. к сенник² (теленок на первом году жизни). Первую зиму телёнок – сенник или сенница, вторую – соломенник или соломенница. Летось маленькой телёнок был, а зиму передержана – сенница называется* [НОС, 1076]; *Солóменник, -а, м. Теленок на втором году жизни. Первую зиму телёнок сенник, вторую зиму – соломенник, на солому пускал* [НОС, 1118]; *Шáечник (шáешник), -а, м. Теленок первого года жизни. Шаечник– телёнок, его молоком поят из шайки* [НОС, 1290].

В словах второй группы семантика невзрослости формируется на иной основе: она обусловлена их соотносительностью со словами общенародного языка, что отражено в соответствующих словарных статьях: **Жеребёнь**, -я, м. Жеребенок [НОС, 254]; **Жеребúха**, -и, м. Жеребенок [НОС, 254]; **Козленёнок**, -а, м. Козленок [НОС, 403]; **Козленя́тки**, мн. Козлята [НОС, 403]; **Котёнчишко**, -а, м. Котенок [НОС, 447]; **Пóросок**, -а, м. Поросянок [НОС, 912]; **Свинёнок**, -а, м. Поросянок [НОС, 1065]; **Телёнок**, -а, м. Теленок [НОС, 1181]; **Щенёнок**, -а, м. Щенок [НОС, 1319].

Различия в самом способе обозначения детенышей домашних животных отражаются в иллюстративном материале соответствующих словарных статей – типизированных контекстах, который составители словаря использовали для демонстрации типичных условий употребления слов, но этот материал можно рассматривать и как форму представления «реальной жизни» диалектного слова в речевой практике диалектоносителей. Как показали наблюдения, слова второй группы (однокоренные с общеупотребительными словами) редко сопровождаются контекстами употребления: в словарную статью включаются грамматические пометы и толкование значения или значений: **Жеребёнь**, -я, м. Жеребенок. Дем. [НОС, 254]; **Курёнок**, -а, м. Цыпленок. Под. [НОС, 484]; **Пóросок**, -а, м. Поросянок. Валд. [НОС, 912].

Если же в словарную статью включаются иллюстрации, то они, как правило, служат примерами, подтверждающими бытование слова в новгородском диалекте: **Котенёнок**, -а, м. Котенок. *Вот такой долгой котенёнок*. Молв. [НОС, 447]; **Поросюк**, -а, л. Поросенок. *Меня поставили смотреть за поросюками*. Ст. [НОС, 912]; **Свинёнок**, -а, м. Поросенок. *«У тебя есть свинёнок-то?» — «Да, есь»*. Новг. [НОС, 1065]; **Теленчишко**, -а, м. Теленок. *Телёнчишка Виктор Иваныч хвалили. Телёнчишка по спине не гладь – захилеет*. Хв. [НОС, 1181].

В словарных статьях слов первой группы – с диалектной мотивацией значений – словарный материал служит для других целей: как отмечалось ранее, он выполняет функцию толкования значения слова-диалектизма. В этом случае субъект речевой деятельности – диалектоноситель, «автор» соответствующего высказывания – оказывается в речевой ситуации, когда он должен, используя средства разных речевых сфер, раскрыть содержание слова для носителя литературного языка. Анализ иллюстративного материала показал, что в этом случае диалектоносители использовали в большинстве случаев синтаксическую конструкцию, в основе которой лежат отношения идентификации, когда говорящий устанавливает тождество объекта самому себе [Арутюнова, 1976, с.18–20]. Этим отношениям соответствуют синтаксические структуры особого типа – предложения тождества. В качестве их первого компонента (отождествляемого) выступает диалектная номинация, в качестве второго (отождествляющего) – слово (слова) другой речевой сферы, например: **Поёник**, -а, м. То же, что поенец. *Поеник – телёночек, поенный молоком*. [НОС, 873]; **Поярок**, -а, м. 1. Ягненок. *Поярки – ягнятымаленьки, у нас один поярок-то остался* [НОС, 935]; **Сенник²**, -а, м. Теленок на первом году жизни. *Сенник – телёнок, перед Масленкой, к мясоеду и с Николы на зиму остаётся*. [НОС, 1076]; **Осенюток**, -а, м. То же, что осенничек. *Осенюток – ягнёнок, рождённый осенью. Бат. Осенюток – ягнёнок осенний. Сол.* [НОС, 736]; **Летоходец**, -а, м. Животное в возрасте одного года. *Коньещё молодой, всеголетоходец, жеребёнок* [НОС, 506]; **Путреник¹**, -а, м. Теленок. *Путреник – бычок до шести месяцев. Путреник – телёнок до года*. [НОС, 983]. Заметим, что синтаксические конструкции, представленные в примерах-иллюстрациях из словарных статей НОС, не ограничены только предложениями тождества, они разнотипны и требуют дальнейшего подробного изучения.

Выводы. Несмотря на широкий круг проблем, которыми занимается современная регионалистика, диалектология с ее собственными задачами и способами изучения языковых фактов сохраняет самостоятельное значение. Вместе с тем интерес регионалистики не только общим формам варьирования языка, территориальным и социальным, но и к речевому поведению их носителей, открывает перед диалектологией как наукой новые возможности. Одна из них связана с трактовкой материалов диалектных словарей, которые являются не только источниками сведений о лексической системе диалектов, но и позволяют проследить, как сами носители диалекта участвуют в создании лексикографического описания слова.

Диалектный словарь, как и любой словарь, выполняет коммуникативную функцию, причем передача информации от лексикографа к пользователю включает дополнительного участника – информанта-диалектоносителя, от которого она

воспринимается лексикографом. В этом случае особое значение приобретает иллюстративный материал как часть словарной статьи, представляющий собой запись речи информанта.

Анализ лексики, называющей незрелых домашних животных, представленной в Новгородском областном словаре, позволил установить, что диалектные слова этой группы в разной степени соотносятся со словами общенародного языка с той же семантикой как в плане формы, так и по содержанию (по характеру мотивировки значения). В иллюстративном материале словарных статей широко представлены синтаксические структуры особого типа – предложения тождества, основанные на отношениях идентификации обозначаемых предметов. При этом диалектоносите́ль как «автор» иллюстрирующего высказывания оказывается в речевой ситуации, когда он, используя средства разных речевых сфер, раскрывает содержание слова для носителя литературного языка.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1976). Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. Москва: Наука.
- Балканов, И. В. (2017). Словарь как справочник, текст и коммуникативная система. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3-1(69), 53–57.
- Бакхвалова, Т. В. (2015). Лингвистическая регионалистика: из опыта преподавания. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2(65), 116–121.
- Беликов, В. И. (2007). Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве. *Филологические записки*. 1. 36–52.
- Вендина, Т. И. (1998). Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования: (макрокосм). Москва: Индрик.
- Виноградов, В. В. (1967). Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. Москва: Наука.
- Герд, А. С. (1998). Диалект – региолект – просторечие. *Русский язык в его функционировании: III-и Шмелевские чтения: тезисы докладов международной конференции*, Москва, 22-24 февраля 1998 года. Москва: Изд-во ИРЯ РАН. 20–21.
- Герд, А. С. (2001) Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Ерофеева, Е. В. (2020). Региолект как континуум. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, Т. 17, 4, 596–614. DOI: 10.21638/spbu09.2020.407.
- Закуткина, Н.А. (2001). *Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века: дис. ... канд. филол. наук*. Москва.
- Кронгауз, М. А. (2001). Семантика. Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т.
- Крысин, Л. П. (2008). Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. Москва: Знак.
- Кудряшова, Р. И., Брысина, Е. В. (2015). Названия животных, характеризующихся детскостью, невзрослостью, в донских казачьих говорах // *Известия Саратовского университета. Серия. Филология. Журналистика*. Т. 15(3), 46–51. DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-46-51
- Маслова, В. А. (2019). Регионализация как путь к формированию региональной идентичности. *Коммуникативные стратегии: материалы 10-й Международной научной конференции памяти профессора В. В. Макарова, Минск, 21-22 ноября 2019 г.* Минск: МГЛУ. 178–184.
- Новикова, Т. Ф. (Ред.) (2011). *Опыт аспектного анализа регионального языкового материала: (на примере Белгородской области): коллективная монография*. Белгород: НИУ БелГУ.

References

- Arutyunova, N. D. (1976). *The sentence and its meaning*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Balkanov, I. V. (2017). Dictionary as a reference, text and communication system. *Philology. Theory & Practice*. 3 (69), 53–57. (In Russian).
- Bakhvalova, T. V. (2015). Linguistic regional studies: from teaching experience. *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2 (65), 116–121. (In Russian).
- Belikov, V. I. (2007). Language norm: new and old cracks in the Russian-speaking space. *Acta Philologica: Philological notes*. 1, 36–52. (In Russian).
- Vendina, T. I. (1998). *The Russian language picture of the world through the prism of word formation*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).
- Vinogradov, V. V. (1967). *Problems of literary languages and patterns of their formation and development*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Gerd, A. S. (1998). Dialect – regiolect – vernacular. *The Russian language in its functioning: abstracts of the reports of the International Conference*. Moscow: Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ. 20–21. (In Russian).
- Gerd, A. S. (2001). *Introduction to ethnoлингвистics: a course of lectures and a textbook*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University Publ. (In Russian).
- Yerofeeva, E. V. (2020). The regiolect as a continuum. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 17 (4), 596–614. DOI: 10.21638/spbu09.2020.407 (In Russian).
- Zakutkina, N. A. (2001). *The phenomenon of the dialect picture of the world in the German philosophy of language of the 20th century*. PhD thesis. Moscow. (In Russian).
- Krongauz, M. A. (2001). *Semantics: A textbook for universities*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).
- Krysin, L. P. (2008). *The Word in Modern Texts and dictionaries: Essays on Russian vocabulary and lexicography*. Moscow: Znak Publ. (In Russian).
- Kudryashova, R. I., Brysina, E. V. (2015). Nominations of Animals Characterized by Childishness, Immaturity, in the Don Cossack Dialects. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 15 (3), 46–51. DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-46-51 (In Russian).
- Maslova, V. A. (2019). Regionalization as a way to form a regional identity. *Communication strategies: materials of the 10th International Scientific Conference in memory of Professor V.V. Makarov, Minsk, November 21–22, 2019*. Minsk: Minsk State Linguistic University Publ. 178–184. (In Russian).
- Novikova, T. F. (Ed.) (2011). *Experience of aspect analysis of regional linguistic material: (on the example of the Belgorod region): collective monograph*. Belgorod: National Research Belgorod State University Publ. (In Russian).

Проблемы региональной лингвистики: памяти доктора филологических наук, профессора Татьяны Васильевны Кирилловой (к 90-летию со дня рождения): материалы Международной научной конференции, Тверь, 26-27 апреля 2013 года. (2013). Тверь: Тверской гос. ун-т.

Сабурова, Л. В. (2018). Имена существительные со значением незрелых существ: структурно-семантический, лингвогеографический и когнитивный аспекты. *Севернорусские говоры*, 17, 252–270. DOI: 10.30842/01348515201816

Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов: коллективная монография. (2017). Минск: Энциклопедикс.

Супрун, В. И. (2020). Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (размышления по поводу книги: Донецкий региолект: монография. Под редакцией. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с.). *Неофилология*. Т. 6(24), 836–845. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845

Толстая, С. М. (2017). Заметки на полях «Новгородского областного словаря». *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*, 3(11), 1–5. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1337329>

Толстой, Н. И. (1995). *Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.* Москва: Индрик.

Трубинский, В. И. (1991). Современные русские региолекты: приметы становления. *Псковские говоры и их окружение: межвузовский сборник научных трудов.* Псков: ПГПИ. 156–162.

Трубинский, В. И. (2004). *Русская диалектология: говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: учебное пособие.* Санкт-Петербург: Фил. фак. СПбГУ.

Шапошников, В. Н. (1999). О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу XX столетия. *Вопросы языкознания*, 2, 50–57.

Источники

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь (1990). Москва: Советская энциклопедия.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х томах. (1999). Москва: Русский язык.

НОС – Новгородский областной словарь (2010). Санкт-Петербург: Наука.

Философия: энциклопедический словарь. (2004). Москва: Гардарики.

Problems of regional linguistics: in memory of Doctor of Philology, Professor Tatyana Vasilyevna Kirillova (on her 90th birthday). (2013). Materials of the International Scientific Conference, Tver, April 26–27, 2013. Tver: Tver State University Publ. (In Russian).

Saburova, L. V. (2018). Nouns with the meaning of non-adult beings: structural-semantic, linguistic-geographical and cognitive aspects. *Northern Russian dialects*. 17, 252–270. DOI: 10.30842/01348515201816 (In Russian).

Slavic values in the communicative space of regions: a collective monograph. (2017). Minsk: Encyclopedics Publ. (In Belarusian).

Suprun, V. I. (2020). Regionolect vs dialect: new searches of ethnolinguists (Book review: Donetsk regionolect: monograph (2018)). *Neophilology*. 6 (24), 836–845. (In Russian).

Tolstaya S. M. (2017). Notes on the margins of “Novgorod Regional Dictionary”. *Memoirs of NovSU*. 3 (11), 1–5. Retrieved from <https://portal.novsu.ru/file/1337329> (In Russian).

Tolstoy, N. I. (1995). *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics.* Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Trubinsky, V. I. (1991). Modern Russian regional dialects: signs of formation. *Pskov dialects and their surroundings: interuniversity collection of scientific works.* Pskov: Pskov State Pedagogical University Publ. 156–162. (In Russian).

Trubinsky, V. I. (2004). *Russian dialectology: Grandma Marfa speaks, and we comment.* St. Petersburg: The Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ. (In Russian).

Shaposhnikov, V. N. (1999). On the territorial and functional structure of the Russian language by the end of the 20th century. *Topics in the study of language*. 2, 27–50. (In Russian).

Sources

Linguistic Encyclopedic Dictionary (1990). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.

Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. (1999). Moscow: Russkiy yazyk Publ.

Novgorod Regional Dictionary (2010). St. Petersburg: Nauka Publ.

Philosophy: Encyclopedic Dictionary. (2004). Moscow: Gardariki Publ.

Для цитирования статьи:

Андреева, Ю. И. (2024). Новгородские диалектные названия невзрослых домашних животных. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 72–84.

DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-72-84

For citation:

Andreeva, Yu. I. (2024). Novgorod dialectal names for non-adult pets. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 72–84. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-72-84

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

№ 2(12) 2024